НЕ КОПИРОВАТЬ

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Е. Ф. КАНКРИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

„Фарисей благодаритъ Бога за то, что у него больше, чѣмъ у другихъ, и успокоивается на этомъ, но у меня сердце обливается кровью: все еще существуютъ рабы, крѣпостные, ирландскіе крестьяне, англійскіе фабричные рабочіе и пролетаріи болѣе или менѣе вездѣ... Я сдѣлалъ, что могъ".

(Канкринъ).

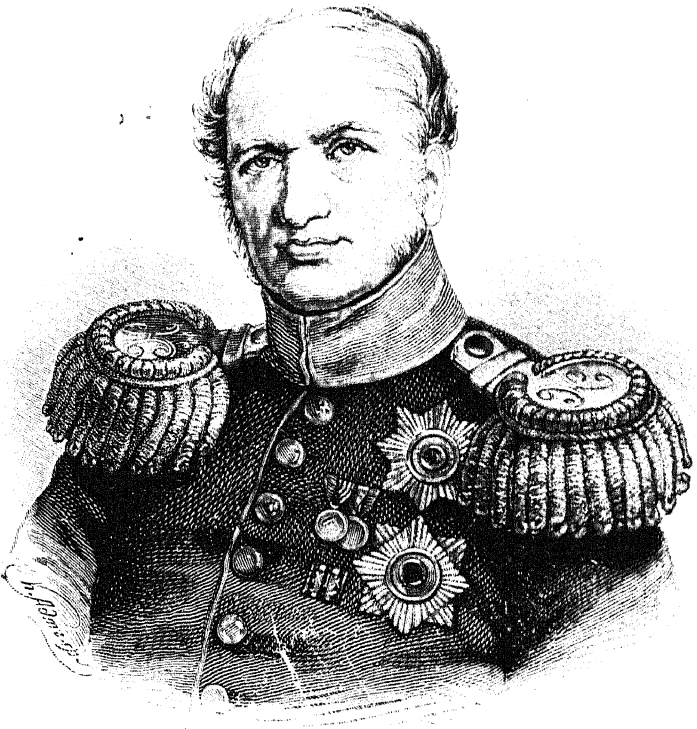
БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Р. И. Сементковскаго.

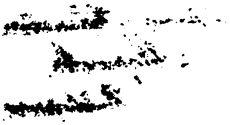
Съ портретомъ Канкрина, гравированнымъ въ С.-Петербургѣ К. Адтомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая № 27.
1893.

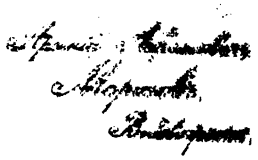

Е. Ф. Канкринъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 декабря 1892 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Происхожденіе Канкрина.—Его отецъ.—Дѣтство и студенческіе годы.—Романъ Канкрина.—Его пріѣздъ въ Россію.—Жизненные невзгоды.—Канкринъ и Аракчеевъ.—Кто собственно составилъ планъ кампаніи 1812 г.—Назначеніе Канкрина генералъ-интендантомъ 10

II. Дѣятельность Канкрина во время отечественной войны.—Громадныя сбереженія, сдѣланныя имъ.—О Канкринѣ начинаютъ забывать.—Его записка объ освобожденіи крестьянъ.—Ея послѣдствія.—Женитьба Канкрина.—Его отставка.—Пророчество Сперанскаго.—Труды, написанные Канкриномъ во время его бездѣйствія.—Теорія и практика. 19

III. «Гурьевская каша».—Назначеніе Канкрина министромъ финансовъ.—Переполохъ, вызванный этимъ назначеніемъ въ великосвѣтской средѣ.—Какъ Канкринъ работалъ.—Блестящіе результаты его дѣятельности.—Протекціонизмъ Канкрина 32

IV. Канкринъ возстанавливаетъ откупа.—Его взглядъ на питейный доходъ.—«Маркія» дѣла.—Недовѣріе Канкрина къ чиновничеству, дворянству, крестьянству.—Канкринъ и Сперанскій.—Донесеніе директора канцеляріи III отдѣленія.—Дѣятельная, но безуспѣшная интрига 41

V. Просвѣщенный протекціонизмъ Канкрина.—Технологическій и Лѣсной институты.—Заботы Канкрина о распространеніи техническихъ знаній.—Учебныя заведенія, основанныя или преобразованныя имъ.—«Земледѣльческая Газета» и другіе спеціальные органы.—Канкринъ и Гумбольдтъ.—Путешествіе Гумбольдта на Уралъ. 50

VI. Революція 30-го года. — Канкринъ и императоръ Николай Павловичъ.—Меншиковъ, Киселевъ и Канкринъ.— Страсть Канкрина къ музыкѣ, архитектурѣ и поэзіи. Его беллетристическія произведенія.—Его строительная дѣятельность. 60

VII. Фальсификація денегъ.—Мѣдные рубли при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.—Четыре курса: вексельный, биржевой, податной, простонародный.—Потери народа.—Приливъ иностранной монеты.—Депозитки.—Ихъ неожиданный успѣхъ.—Возстановленіе металлическаго обращенія. 71

VIII. Послѣдніе годы жизни Канкрина.—Его политическія, соціальныя и экономическія убѣжденія.—Овація французской академіи наукъ.—Смерть Канкрина.—Общая оцѣнка его жизни и дѣятельности. 83

Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ признается самымъ замѣчательнымъ изъ русскихъ министровъ финансовъ. Эту славу онъ пріобрѣлъ не даромъ. Достаточно указать на двѣ его заслуги, чтобы понять, какое громадное значеніе онъ имѣлъ для русской государственной и народной жизни: во-первыхъ, благодаря его финансовымъ и административнымъ способностямъ, отечественная война—эта грандіозная катастрофа въ жизни русскаго народа—обошлась въ денежномъ отношеніи неимовѣрно дешево, и поэтому графа Канкрина несомнѣнно слѣдуетъ причислить къ героямъ нашей отечественной войны наряду съ тѣми героями, которые на поляхъ битвы стяжали себѣ благодарность потомства; во-вторыхъ онъ совершилъ то, чего не удалось совершить ни до, ни послѣ него ни одному изъ русскихъ министровъ финансовъ: онъ возстановилъ денежную нашу систему, разстроенную до послѣдней крайности и вызывавшую безчисленныя жертвы въ народномъ хозяйствѣ,—возстановилъ цѣнность нашего рубля послѣ безпримѣрнаго его паденія. Этихъ двухъ заслугъ было бы достаточно, чтобы увѣковѣчить его имя въ русской исторіи. Но его жизнь и дѣятельность представляютъ громадный интересъ и глубокую поучительность еще и въ другихъ отношеніяхъ. Графъ Канкринъ жилъ и дѣйствовалъ въ такое время, когда личная инициатива играла весьма слабую роль, когда, казалось, весьма трудно было занимать на государственной службѣ видный постъ и при этомъ сохранить полную свою самостоятельность. Въ этомъ отношеніи Канкринъ представляетъ собою дѣятеля совершенно исключительнаго. Въ николаевское время онъ не только остался вѣренъ себѣ сначала до конца, ни на іоту не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, но съумѣлъ доставить имъ торжество въ жизни, не подчиняясь никому, а напротивъ заставляя другихъ подчиняться себѣ. Глубокая поучительность жизни и дѣятельности Канкрина выяснится еще болѣе, если мы прибавимъ, что онъ втеченіи всей своей жизни боролся не изъ-за личныхъ выгодъ, а для идеи, для народной

пользы, какъ онъ ее понималъ, и никогда не прибѣгалъ къ какимъ бы то ни было недостойнымъ пріемамъ, къ лести, интригамъ. Напротивъ онъ всегда былъ правдивъ и честенъ не только въ цѣляхъ, которыя преслѣдовалъ, но и въ средствахъ, которыя примѣнялъ. Съ этой точки зрѣнія Канкрина можно назвать идеальнымъ дѣятелемъ. Когда онъ былъ министромъ финансовъ, всѣ подкапывались подъ него, всѣ противъ него интриговали: этимъ интригамъ и кознямъ онъ противопоставлялъ *дѣло*, и этотъ аргументъ оказался столь непреложнымъ и сильнымъ, что Канкринъ сохранилъ свое вліятельное положеніе до той минуты, когда старость и болѣзнь вычеркнули его изъ рядовъ работниковъ на пользу народную. Все это заставляетъ насъ причислить Канкрина къ замѣчательнѣйшимъ дѣятелямъ первой половины истекающаго столѣтія. Онъ былъ не только выдающимся министромъ финансовъ, но и цѣльнымъ характеромъ въ лучшемъ значеніи этого слова, никогда не вступавшимъ въ сдѣлки съ своею совѣстью и горячо, по своему разумѣнію, защищавшимъ благо народа. Въ этомъ отношеніи личность его заслуживаетъ особеннаго вниманія: политическія, экономическія и финансовыя его теоріи во многомъ оказываются несостоятельными, были уже несостоятельны въ его время, и поэтому могутъ быть безъ всякаго вреда для потомства забыты; его экономическая дѣятельность, основанная на этихъ теоріяхъ, также оказывается несостоятельною во многомъ, хотя въ другихъ отношеніяхъ она, какъ мы видѣли, и дала блестящіе результаты; но его преданность народному дѣлу, его умѣнье служить ему, его выдержка, по-истинѣ заслуживающая названія желѣзной, пріемы, при помощи которыхъ онъ добивался своей цѣли въ самое трудное и неблагопріятное для проявленія личной инициативы время, будутъ еще долго, если не всегда, служить достойнымъ подражанія примѣромъ. Если же принять еще во вниманіе, что онъ былъ иностранецъ и до конца своей жизни даже не научился правильно писать и говорить по-русски, то дѣятельность его представится намъ поучительной еще и въ другомъ отношеніи: мы увидимъ, что можетъ сдѣлать для Россіи даже человѣкъ, лишенный чувства патріотизма въ физіологическомъ значеніи этого слова, когда его воодушевляетъ идея народнаго блага, когда онъ умѣетъ служить ей и готовъ жертвовать для нея всѣми другими интересами. Вотъ съ этой точки зрѣнія я и постараюсь познакомить читателей съ жизнію и дѣятельностью Егора Францовича Канкрина.

Представить полную его характеристику въ тѣсныхъ рамкахъ

общедоступной біографіи—задача нелегкая. Канкринъ ждетъ еще своего біографа: ему въ этомъ отношеніи посчастливилось меньше, чѣмъ Сперанскому и Мордвинову, нашедшимъ себѣ болѣе или менѣе компетентныхъ біографовъ. Жизнеописанія Канкрина, весьма немногочисленныя, отличаются краткостью, односторонностью, скудостью данныхъ. Чтобы ознакомить читателей съ литературою этого вопроса и дать имъ возможность ріентироваться въ ней, мы коснемся здѣсь тѣхъ трудовъ, которыми мы сами пользовались при составленіи этого біографическаго очерка. Первое мѣсто тутъ занимаютъ понятно сочиненія самого Канкрина. Мы приводимъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, потому что до сихъ поръ полнаго списка ихъ въ нашей литературѣ нѣтъ.

1) Dagobert, eine Geschichte aus dem jetzigen Freiheitskriege, въ двухъ частяхъ, Altona, 1797 и 1798 («Дагоберъ, романъ изъ теперешней войны за освобожденіе»).

2) Fragmente über die Kriegskunst nach Gesichtspunkten der Militärischen Philosophie, St.-Petersburg, 1809; второе изданіе вышло въ Брауншвейгѣ («Отрывки, касающіеся военнаго искусства съ точки зрѣнія военной философіи»).

3) Weltreichtum, Nationalreichtum und Staatswirtschaft, München, 1821 («Міровое богатство, національное богатство и государственное хозяйство»).

4) Ueber die Militär-Oekonomie im Frieden und Kriege und ihr Wechselverhältniss zu den Operationen, St.-Petersburg, 1820 — 1823 («О военной экономіи во время мира и войны и ея отношеніе къ военнымъ операціямъ»).

5) Die Elemente des Schönen in der Baukunst, St.-Petersburg, 1836 («Элементы прекраснаго въ зодчествѣ»).

6) Phantasiebilder eines Blinden, Berlin, 1845 («Фантазіи Слѣпого»).

7) Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaft und das Finanzwesen, von einem ehemaligen Finanzminister, Stuttgart, 1845 («Экономія человѣческаго общества и финансовъ, соч. бывшаго министра финансовъ». Это единственное сочиненіе Канкрина, подъ предисловіемъ котораго поставлена фамилія автора).

8) Aus den Reisetagebüchern des Grafen Kankrin. Aus den Jahren 1840—1845. Mit einer Lebensskizze Kankrin's, herausgegeben von A. Grafen Keyserling, Braunschweig, 1865 («Изъ путевыхъ дневниковъ графа Канкрина 1840—1845 гг. съ біографическимъ очеркомъ Канкрина. Изданіе графа А. Кейзерлинга»).

9) Im Ural und Altai. Briefwechsel zwischen A. Humboldt und dem Grafen Kankrin, aus den Jahren 1827—1832, Leipzig, 1869 («На Уралѣ и Алтаѣ, переписка между А. Гумбольдтомъ и графомъ Канкринымъ, 1827—1832).

10) Изъ числа болѣе обстоятельныхъ записокъ, составленныхъ Канкринымъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ: а) «Recherches sur l'origine et l'abolition du vasselage ou de la féodalite des cultivateurs,

surtout en Russie», 1816 («Изслѣдованіе о происхожденіи и отмѣнѣ крѣпостного права или зависимости земледѣльцевъ, особенно въ Россіи». «Русскій Архивъ» за 1865). б) Записка «относительно походовъ противъ турокъ отъ 21-го августа 1819 г.» «Военный Сборникъ», т. 99. в) «Замѣчанія министра финансовъ графа Канкрина» на проектъ учрежденія для управленія губерніи 1825 г. въ «Матеріалахъ, собранныхъ для комиссіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій», 1870, ч. I.

Во всей русской и иностранной литературѣ существуетъ только одно сколько-нибудь обстоятельное жизнеописаніе Канкрина, составленное его зятемъ, графомъ Кейзерлингомъ. Оно изложено на пятидесяти страницахъ, разгонисто напечатанныхъ, и конечно нѣсколько односторонне, такъ какъ принадлежитъ близкому родственнику Канкрина. Къ тому же оно очень неполно: обнять и оцѣнить обширную научную, литературную и государственную дѣятельность Канкрина на немногихъ страницахъ немыслимо. Біографія графа Кейзерлинга помѣщена, какъ указано, въ видѣ предисловія къ путевымъ дневникамъ самого Канкрина. Краткое извлеченіе изъ этой біографіи съ немногими дополненіями читатель найдетъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1866 г. Вторая, нѣсколько болѣе подробная, оцѣнка *дѣятельности* графа Канкрина (но не біографія) принадлежитъ неизвѣстному автору и помѣщена въ «Journal de St. Pétersbourg» за 1860 г. (№ 137—143) подъ заглавіемъ «George Cancrine». Наконецъ третья, опять-таки очень краткая, біографія вошла въ книги г. Скальковскаго: «Наши государственные и общественные дѣятели» и «Les ministres des finances de la Russie», 1891 года, пользовавшагося преимущественно двумя первыми жизнеописаніями съ присоединеніемъ весьма неполныхъ данныхъ изъ нашихъ историческихъ журналовъ. Всѣ остальныя жизнеописанія Канкрина («Очеркъ жизни и дѣятельности графа Канкрина», Спб. 1866 г., и разные некрологи и статьи, помѣщенные въ русскихъ журналахъ и газетахъ: въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1864 г., въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1865 и 1866 гг., въ «Иллюстрированной Газетѣ» за 1866 г., во «Всемірной Иллюстраціи» за 1874 г., въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за 1865 и 1866 гг., въ «Русскомъ Архивѣ» за 1867 г., въ «Дѣятельности» за 1868 г. и т. д.) не содержатъ почти никакихъ новыхъ данныхъ или соображеній, кромѣ тѣхъ, которыя встрѣчаются въ вышеупомянутыхъ біографіяхъ. Отсюда видно, какъ неполна работа по освѣщенію жизни Канкрина. Оцѣнка его финансовой дѣятельности въ частности имѣетъ болѣе обширную литературу, но

и она должна быть признана весьма недостаточною. Внимательное чтеніе по возможности всѣхъ журнальныхъ и газетныхъ статей, посвященныхъ этому вопросу, убѣдило насъ, что при критикѣ финансовой дѣятельности Канкрина имѣлись главнымъ образомъ въ виду только двѣ точки зрѣнія: одни осуждали, другіе хвалили Канкрина за его протекціонныя стремленія. Съ этой стороны и писали преимущественно о Канкринѣ. Вопросъ о возстановленіи металлическаго обращенія имѣетъ также очень скромную литературу. Самый полный трудъ принадлежитъ остзейскому нѣмцу, г. Шмидту. Это—его магистерская диссертація: «Das russische Geldwesen während der Finanzverwaltung des Grafen Cancrin», Спб., 1875 г. Затѣмъ мы можемъ указать на статью проф. Бунге: «Мысли графа Канкрина о бумажныхъ деньгахъ», помѣщенную въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1864 г., и на общія изслѣдованія по нашему денежному обращенію (Горлова, Кауфмана, Гольдмана, Безобразова, Бунге, Брикнера и др.). Совершенно не разработанъ вопросъ о дѣятельности Канкрина по продовольствованію нашей арміи во время отечественной войны. Эта дѣятельность, доставившая Канкрину видное мѣсто въ ряду нашихъ администраторовъ, осталась покрытой густымъ мракомъ. Наконецъ ни одинъ изъ біографовъ гр. Канкрина не попытался еще сколько-нибудь всесторонне освѣтить общее его міросозерцаніе и его личность, представить объективную ея характеристику, такъ что приходится собирать отрывочныя данныя, разбросанныя понемногу вездѣ, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о личныхъ качествахъ и недостаткахъ этого выдающагося русскаго государственнаго дѣятеля первой половины XIX вѣка.

Попытаемся же объединить всѣ эти матерьялы и, устранивъ изъ нихъ все непровѣренное или очевидно ложное, представить, насколько возможно, полную характеристику жизни и дѣятельности самаго замѣчательнаго изъ русскихъ министровъ финансовъ.

I.

Происхожденіе Канкрина.—Его отецъ.—Дѣтство и студенческіе годы.—Романъ Канкрина.—Его пріѣздъ въ Россію.—Жизненныя невзгоды.—Канкринъ и Аракчеевъ.—Кто собственно составилъ планъ кампаніи 1812 г.—Назначеніе Канкрина генералъ-интендантомъ.

Канкринъ родился 16-го ноября 1774 г., хотя онъ самъ праздновалъ день своего рожденія 26-го ноября, соединяя его съ именинами. Родиной его былъ нѣмецкій городокъ Ганау въ тогдашнемъ Гессенскомъ курфюршествѣ. О происхожденіи Канкрина существуютъ двѣ версіи: Вигель въ своихъ «Воспоминаніяхъ», Рибопьеръ въ своихъ «Запискахъ», Дизраэли въ своемъ знаменитомъ романѣ «Coningsby» приписываютъ ему еврейское происхожденіе; Вигель даже прямо утверждаетъ, что дѣдъ его былъ ученый раввинъ. На самомъ дѣлѣ Канкринъ былъ не еврей, а нѣмецъ. Дѣдъ его былъ горнымъ чиновникомъ, предки—пасторами и офицерами. Догадка объ еврейскомъ происхожденіи Канкрина сложилась вѣроятно отчасти вслѣдствіе естественной склонности евреевъ причислять къ своимъ соплеменникамъ, кого только можно, отчасти вслѣдствіе того, что Канкринъ дѣйствительно соединялъ въ себѣ много характеристическихъ чертъ еврейскаго племени: у него былъ живой темпераментъ, чрезвычайно острый умъ, онъ любилъ науку и литературныя занятія и въ то же время отлично уяснялъ себѣ требованія реальной жизни, былъ чрезвычайно практиченъ, разсчетливъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекался поэзіей, искусствомъ, любилъ прекрасное во всѣхъ его проявленіяхъ, а самъ производилъ далеко не эстетическое впечатлѣніе, какъ своими рѣзкими, угловатыми манерами, такъ главнымъ образомъ небрежностью въ костюмѣ.

Отецъ его Францъ Людвигъ Канкринъ былъ очень виднымъ дѣятелемъ своего времени, хотя и въ узкой только спеціальности. Его сочиненія по технологіи, архитектурѣ, горному дѣлу, юридическимъ вопросамъ составляютъ маленькую библіотеку,—такъ они многочисленны. Изъ нихъ нѣкоторыя сохранили значеніе и до сихъ поръ, какъ напримѣръ его трудъ о «Горномъ соляномъ дѣлѣ» и о «Правахъ владѣльцевъ земли на прилегающія къ нимъ водныя пространства» («Abhandlung vom Wasserrecht»). Благодаря своимъ глубокимъ знаніямъ, теоретическимъ и практическимъ, онъ скоро выдвинулся въ служебной іерархіи своего отечества, Гессенскаго курфюршества, но рѣзкій и суровый его нравъ

повредилъ дальнѣйшей его карьерѣ. Онъ плохо уживался съ порядками, господствовавшими при мелкихъ германскихъ дворахъ. Между одною изъ придворныхъ дамъ, любимицею курфюрста, и женою Канкрина-отца произошла размолвка, кончившаяся тѣмъ, что онъ подалъ немедленно въ отставку и перебрался на службу къ маркграфу въ Ансбахъ, гдѣ завѣдывалъ горнымъ, соляным и строительнымъ дѣломъ: многочисленность германскихъ дворовъ служила, какъ извѣстно, до нѣкоторой степени коррективомъ «отеческихъ» отношеній, господствовавшихъ при этихъ дворахъ. Впрочемъ Канкринъ-отецъ отличался, должно быть, по выраженію его сына, ужъ очень «строптивымъ нравомъ», потому что онъ и въ Ансбахѣ плохо ужился и, не смотря на крайнее нерасположеніе переселиться въ «отдаленную и варварскую» Россію, воспользовался сдѣланнымъ ему русскимъ правительствомъ предложеніемъ и въ 1783 г. переселился въ наше отечество, оставивъ малолѣтняго сына на родинѣ.

Предложеніе ему было сдѣлано блестящее, что свидѣтельствовало о томъ, что онъ пріобрѣлъ громкую извѣстность, какъ замѣчательный техникъ: ему назначено было жалованье въ 2.000 руб., подъемныхъ—3.000 р., и на случай его смерти вдовѣ—пенсія въ 2.000 р. По тогдашнему времени это были значительныя деньги. Есть указаніе, что въ Россіи, тотчасъ по пріѣздѣ Канкрина-отца, его знанія цѣнились высоко. Такъ напримѣръ, въ бумагахъ Н. В. Сушкова сохранилась собственноручная записка Екатерины II Храповицкому слѣдующаго содержанія: «1784 г. 21-го декабря. Канкрейну показать лѣсной заготовленный уставъ». Отсюда можно вывести заключеніе, что Канкринъ-отецъ привлекался къ участію въ работахъ по изданію нашего законодательства техническаго характера. Съ другой стороны графъ Безбородко писалъ о немъ его начальнику, новгородскому намѣстнику Архарову: «чтобы мнѣнія и представленія его, какъ человѣка, исполненнаго обширныхъ по соляной части знаній, уважаемы были». На видное положеніе, которое онъ занималъ въ Россіи, указываютъ и льготы, которыми онъ пользовался. Такъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ переѣзда въ Россію онъ могъ съ сохраненіемъ своего содержанія уѣхать для поправленія здоровья и для ученыхъ работъ на родину и прожить тамъ восемь лѣтъ, такъ что окончательное его переселеніе въ наше отечество состоялось только въ 1796 г., а въ 1797 г. переселился въ Россію и его знаменитый сынъ.

О томъ, какъ жилъ, развивался и учился послѣдній въ школьномъ возрастѣ, извѣстно весьма мало. Мнѣ не удалось даже собрать свѣдѣнія о томъ, гдѣ онъ собственно учился и жилъ. Извѣстно только, что до восьми-лѣтняго возраста онъ жилъ въ Ганау, т. е. въ городкѣ, гдѣ и родился. Я отмѣчаю это обстоятельство, потому что оно, по моему мнѣнію, имѣетъ немаловажное значеніе. Впечатлѣнія ранней молодости и дѣтства бываютъ обыкновенно очень сильны, особенно у такихъ нервныхъ и впечатлительныхъ людей, какимъ былъ Канкринъ. Ганау въ концѣ прошлаго столѣтія былъ городкомъ, насчитывавшимъ вѣроятно не больше трехъ-четырехъ тысячъ жителей. Онъ отличался отъ другихъ городковъ только чрезвычайно развитою промышленностью. Въ концѣ XVI вѣка искали въ немъ убѣжища отъ религіозныхъ преслѣдованій многіе фламандцы и валлоны, трудолюбивое и промышленное населеніе, основавшее въ Ганау, какъ и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ, многія отрасли промышленности, процвѣтающія и до сихъ поръ. На родинѣ нашего Канкрина они занимались преимущественно изготовленіемъ серебряныхъ и золотыхъ издѣлій, шерстяныхъ и шелковыхъ тканей. Ихъ кипучая жизнь мастерскія распространяли въ городѣ и окрестной мѣстности благосостояніе, и конечно картина этой кипучей дѣятельности трудолюбиваго населенія глубоко врѣзалась въ памяти впечатлительнаго ребенка. Кромѣ того не слѣдуетъ упускать изъ виду, что отецъ Канкрина постоянно занимался техническими вопросами горнаго, соляного, монетнаго и строительнаго дѣла. Такимъ образомъ вѣроятно тутъ кроется уже источникъ того пристрастія, которое Канкринъ всю свою жизнь питалъ къ развитой промышленности, къ горному, монетному и строительному дѣлу и которое легло въ значительной степени въ основаніе его замѣчательной государственной дѣятельности. Гдѣ обучался Канкринъ въ возрастѣ отъ 8 до 13 лѣтъ, остается неизвѣстнымъ; когда же ему было 13 лѣтъ, отецъ его вернулся на родину и прожилъ въ Гиссенѣ восемь почти лѣтъ, т. е. захватилъ все то время, когда Канкринъ кончалъ гимназическій и университетскій курсъ. Нѣтъ впрочемъ сомнѣнія, что Канкринъ получилъ классическое образованіе, такъ какъ онъ до старости не забылъ латинскаго языка. Онъ поступилъ сперва въ гиссенскій университетъ, но очевидно остался недоволенъ преподаваніемъ въ этомъ университетѣ и записался въ число студентовъ марбургскаго университета, гдѣ онъ и окончилъ блестящимъ образомъ курсъ въ 1794 г. Изучалъ онъ въ университетѣ пре-

имущественно юридическія и камеральныя науки и оставилъ въ своихъ товарищахъ самыя лучшія воспоминанія: они передаютъ, что Канкринъ стремился ко всему прекрасному и благородному и даже основалъ товарищескій кружокъ съ цѣлью поддерживать въ его членахъ любовь къ идеальнымъ благамъ. О его тогдашнемъ настроеніи лучше всего свидѣтельствуетъ написанный имъ еще въ студенческое время и появившійся въ 1797 г. романъ подъ заглавіемъ: «Дагоберъ, романъ изъ теперешней войны за освобожденіе». Мы не станемъ передавать содержанія этого романа молодого Канкрина, потому что онъ по фабулѣ своей мало отличается отъ другихъ романовъ того бурнаго времени, когда стремленіе къ свободѣ выражалось въ героическихъ дѣйствіяхъ и патетическихъ возгласахъ, когда людьми овладѣвали страстные порывы и тѣ, кто самъ не участвовалъ въ грандіозныхъ событіяхъ того времени, изливали соотвѣтственное настроеніе на бумагу. Какъ во всѣхъ романахъ, любовь въ «Дагоберѣ» играетъ конечно главную роль. *Она* имѣетъ брата, а *онъ* нечаянно убиваетъ его; отсюда трагическій элементъ; кончается же дѣло тѣмъ, что возлюбленные рѣшаются жить по толстовскому рецепту, какъ братъ и сестра. Но это оказывается неудобоисполнимымъ, и когда страсть заставляетъ ихъ броситься въ объятія другъ другу, роковой выстрѣлъ лишаетъ ихъ одновременно цвѣтущей жизни. Но любопытна въ этомъ романѣ конечно не фабула, а то, что авторъ вплетаетъ въ него много разсужденій и сентенцій, въ которыхъ сказывается уже недюжинный умъ. Чрезвычайно интересна напримѣръ характеристика философіи Канта, относительно которой авторъ говоритъ, что она намъ истины не открываетъ, но что она насъ приближаетъ къ ней и, какъ геніальный порывъ въ этомъ направленіи, возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе; чрезвычайно любопытно и то, что авторъ, воодушевленный горячимъ стремленіемъ къ свободѣ, какъ бы уже задается одновременно вопросомъ о способахъ наиболѣе вѣрнаго ея достиженія, что онъ, признавая свободу и безопасность цѣлью государства, въ то же время проводитъ мысль, что его усилія должны быть направлены къ достиженію не столько счастья гражданъ, сколько величія страны, что счастье является понятіемъ слишкомъ неопредѣленнымъ, что надо стремиться къ тѣмъ условіямъ, которыя, обезпечивая благосостояніе массъ, въ то же время обезпечиваютъ и процвѣтаніе государства. Словомъ, въ этомъ первомъ литературномъ произведеніи Канкрина встрѣчаются уже тѣ мысли, которыя онъ впослѣдствіи развилъ въ другихъ болѣе зрѣлыхъ сво-

ихъ литературныхъ трудахъ и въ значительной степени осуществилъ въ своей замѣчательной государственной дѣятельности.

Мы отмѣтили всѣ эти факты изъ дѣтства и молодости Канкрина, чтобы выяснить зачатки того душевнаго настроенія, которое сдѣлало изъ Канкрина чрезвычайно оригинальную личность соединяющую въ себѣ черты, рѣдко встрѣчающіяся въ одномъ человѣкѣ: на чисто идеалистической почвѣ вырастаетъ крупный практикъ, не только стремящійся къ идеальнымъ благамъ, но и способный осуществлять ихъ въ жизни съ рѣдкой энергіею и умѣніемъ. Уже въ молодомъ Канкринѣ поклонникъ красоты, сторонникъ добра, авторъ романа, въ которомъ прославляется свобода и стремленіе бороться за благополучіе народныхъ массъ, соединяются съ холоднымъ и внимательнымъ наблюдателемъ промышленной жизни и съ дѣятелемъ, горячо преданнымъ трезвому знанію, наукѣ. Всѣ эти черты сохранились въ Канкринѣ до конца его дней, до тѣхъ печальныхъ недѣль и мѣсяцевъ, когда онъ, живой трупъ, все еще съ страстнымъ вниманіемъ и съ неослабѣвшею умственною ясностью слѣдилъ за всѣмъ, что волновало и заботило лучшихъ дѣятелей его времени.

На первыхъ порахъ онъ натолкнулся на значительныя жизненныя невзгоды. Отцу удалось выхлопотать для него чинъ «правительственнаго совѣтника», но мѣсто Канкринъ получить на родинѣ не могъ, не смотря даже на блестящія дарованія, которыя онъ проявилъ, будучи студентомъ. «Суровый нравъ» отца, безусловно честнаго, но мало сговорчиваго и покладистаго дѣятеля, не способнаго на сдѣлки съ совѣстью, повредилъ и сыну. Въ 1796 г. Канкринъ-отецъ вернулся въ Россію и снова вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей въ качествѣ директора старо-русскихъ солеварень. Въ слѣдующемъ же году онъ выписалъ въ Россію и своего сына, страдавшаго на родинѣ отъ бездѣятельности и недостатка матеріальныхъ средствъ. Такимъ образомъ нашъ будущій министръ финансовъ пріѣхалъ въ Россію въ 1797 г., въ царствованіе императора Павла Петровича.

Видъ Петербурга (Канкринъ понятно пріѣхалъ моремъ) произвелъ на него тягостное впечатлѣніе. Нева, украсившаяся впослѣдствіи, отчасти благодаря его стараніямъ, красивыми и даже величественными зданіями, представляла тогда довольно пустынный видъ. Незнакомая обстановка, чужіе люди, чуждые ему и по языку, и по нравамъ, и по костюму, настроили его такъ уныло, что онъ готовъ былъ все бросить и съ первымъ же случаемъ воз-

вратиться на родину. Предчувствіе его въ началѣ не обмануло: ему пришлось испытать горькія разочарованія, тяжелыя лишенія, вызвавшія даже весьма опасную болѣзнь. Отцу удалось выхлопотать для сына видный чинъ. Двадцати-трехъ-лѣтній Канкринъ былъ сразу переименованъ изъ «правительственныхъ» въ «надворные» совѣтники, но должности онъ никакой не получилъ. Напротивъ, чинъ-то ему главнымъ образомъ и повредилъ, потому что надворнаго совѣтника нельзя было опредѣлить на какую-нибудь мелкую должность, а сколько-нибудь видный постъ онъ, вслѣдствіе полнаго незнакомства съ нашими административными порядками и русскимъ языкомъ, получить не могъ. Молодой человѣкъ страшно бѣдствовалъ, терпѣлъ нужду и голодъ, самъ чинилъ себѣ платье и сапоги, вынужденъ былъ отказаться отъ куренья табаку. Вѣроятно въ это время, т. е. втеченіи шести лѣтъ, которыя онъ провелъ въ большой бѣдности, отъ окончанія университетскаго курса до полученія хорошаго мѣста, въ немъ выработалась привычка къ бережливости, которую онъ сохранилъ втеченіи всей своей жизни: простой и умѣренный образъ жизни составлялъ одну изъ отличительныхъ чертъ Канкрина въ сравненіи съ его товарищами по службѣ. Онъ даже пересаливалъ въ этомъ отношеніи: такъ напримѣръ впослѣдствіи, будучи министромъ финансовъ, Канкринъ изгналъ изъ употребленія сургучъ, замѣнивъ его клейстеромъ, и этимъ вызвалъ банкротство нѣсколькихъ сургучныхъ фабрикъ; въ домашнемъ быту проявлялъ также чрезвычайную экономію, что навлекло на него упрекъ въ скупости,—упрекъ, впрочемъ совершенно незаслуженный, такъ какъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы помочь бѣднымъ и нуждавшимся, онъ всегда первый протягивалъ руку помощи. Въ немъ не было черствости души, этого отличительнаго признака скупого человѣка, напротивъ, душа у него, какъ мы увидимъ, всегда была сострадательная, отзывчивая къ чужому горю. Не совсѣмъ выясненнымъ остается однако то обстоятельство, почему Канкринъ терпѣлъ такую сильную нужду. Вотъ что говорится объ этомъ въ его путевыхъ дневникахъ: «Бѣдственное положеніе моихъ родителей (однако отецъ его, какъ мы видѣли, получалъ хорошее жалованье)—мой отецъ былъ раньше приглашенъ въ Россію, но плохо уживался въ странѣ,—неопредѣленное будущее, домашнія непріятности, въ которыхъ я впрочемъ не былъ виноватъ, повергли меня въ долголѣтнія, опасныя для жизни болѣзни. Счастливая случайность, аномалія (eine Anomalie) измѣнили мою судьбу». Въ чемъ заключался этотъ

странный счастливый случай, остается неизвѣстнымъ. Мы знаемъ только, что до 1800 г. бѣдственное положеніе Канкрина не прекращалось. Въ это время онъ пробовалъ учительствовать, былъ комиссіонеромъ, поступилъ бухгалтеромъ въ контору богатаго откупщика,—словомъ, занимался чѣмъ попало.

Жизненныя его невзгоды прекратились до нѣкоторой степени въ 1800 г., когда онъ былъ назначенъ помощникомъ къ своему отцу, продолжавшему состоять директоромъ старо-русскихъ соляварень. При немъ онъ оставался три года, помогъ ему привести ихъ въ образцовый порядокъ и въ то же время ближе знакомился съ нашимъ отечествомъ и съ русскимъ народомъ. Поступилъ молодой Канкринъ на дѣйствительную службу и получилъ мѣсто съ опредѣленнымъ содержаніемъ, благодаря покровительству тогдашняго вице-канцлера, графа Остермана, которому онъ представилъ записку объ улучшеніи овцеводства въ Россіи и который сразу оцѣнилъ знанія и способности будущаго министра. Вѣроятно благодаря покровительству того же Остермана, онъ въ 1803 г. былъ переведенъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ экспедицію государственныхъ имуществъ по соляному отдѣлу. Въ своихъ воспоминаніяхъ Вигель слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Канкрина того времени: «Онъ ни надъ кѣмъ не начальствовалъ, а служащіе изъявляли ему особенное уваженіе». Эту крайнюю простоту въ обращеніи Канкринъ сохранилъ и впослѣдствіи, занявъ положеніе вліятельнѣйшаго государственнаго дѣятеля, какъ онъ съумѣлъ сохранить за собою и уваженіе безчисленнаго множества лицъ, съ которыми сталкивала его судьба при исполненіи его обширныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей. Должно быть, его знанія и способности бросались всѣмъ въ глаза и производили такое сильное впечатлѣніе, что даже унаслѣдованныя имъ отъ отца суровость права и рѣзкость обхожденія съ людьми не могли затемнить или скрыть его достоинствъ. Мы дѣйствительно и видимъ, что на Канкрина, какъ правительствомъ, такъ и частными лицами, возлагаются разныя порученія, что въ его услугахъ начинаютъ нуждаться. На первыхъ порахъ къ нему обращаются по дѣламъ его спеціальности, т. е. по лѣсному и соляному дѣлу. Къ нему между прочимъ обратился въ это время и позднѣйшій знаменитый временщикъ, графъ Аракчеевъ. Ихъ встрѣча бросаетъ довольно яркій свѣтъ на Канкрина. Рекомендовалъ онъ былъ Аракчееву кажется баронъ Пирхомъ, начальникомъ нашей артиллеріи въ Финляндіи и преподавателемъ Аракчеева. Послѣдній по-

требовалъ къ себѣ Канкрина черезъ его начальника, министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева. Канкринъ явился, и Аракчеевъ обратился къ нему на «ты», предлагая ему заняться лѣсоустройствомъ въ своемъ имѣніи. Канкринъ выслушалъ его, посмотрѣлъ ему рѣзко въ глаза и, ничего не отвѣтивъ, повернулся и ушелъ. Тогда Аракчеевъ потребовалъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы онъ прикомандировалъ къ нему Канкрина. Это было исполнено, и Канкрину пришлось явиться къ своему начальнику въ качествѣ лица подчиненнаго. «Ты мною недоволенъ, — обратился Аракчеевъ къ нему: — но не сердись; мы пообѣдаемъ вмѣстѣ и потомъ займемся дѣлами». Урокъ подѣйствовалъ, и Аракчеевъ всегда очень любезно и предупредительно обращался впослѣдствіи съ Канкринымъ.

Но и правительство давало ему разныя порученія сначала по его спеціальности, а потомъ и по другимъ дѣламъ. Такимъ образомъ онъ объѣздилъ многія губерніи для ревизіи или устройства лѣсного хозяйства и соляныхъ промысловъ. Возложенныя на него порученія Канкринъ исполнялъ такъ хорошо, что на него посыпались награды. Но онъ не только добросовѣстно исполнялъ возложенныя на него порученія, а кромѣ того внимательно знакомился съ Россіею, съ ея естественными богатствами и народомъ. Тогда уже Канкринъ научился бѣгло, хотя и не вполнѣ правильно говорить по-русски и въ своихъ рѣчахъ постоянно началъ прибѣгать къ мѣткимъ русскимъ пословицамъ. О томъ, какія впечатлѣнія онъ вынесъ изъ своихъ командировокъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Между прочимъ Канкринъ былъ прикомандированъ къ сенатору Поликарпову, очень свѣтлой личности того времени, посланному въ нѣкоторыя губерніи съ порученіемъ помочь голодающимъ. Поликарповъ утверждалъ, что если ему удалось съ успѣхомъ исполнить это порученіе, то главнымъ образомъ, благодаря рѣдкой распорядительности молодого Канкрина. Канкринъ же впослѣдствіи, когда уже состоялъ министромъ финансовъ, узнавъ, что вдова покойнаго Поликарпова находится въ Петербургѣ, поспѣшилъ къ ней, чтобы привѣтствовать ее, и при этомъ сказалъ ей, что онъ хранитъ самое лучшее воспоминаніе объ ея покойномъ мужѣ, который первый научилъ его любить русскій народъ. Тогда уже сложилось въ Канкринѣ то чувство преданности второму своему отечеству, которое заставило его впослѣдствіи отклонить самыя блестящія предложенія другихъ правительствъ. Въ душѣ его не осталось и слѣда того впечатлѣнія,

которое онъ вынесъ, подъѣзжая къ Петербургу, и которое чуть-было не заставило его бросить все и вернуться на родину. Онъ уже тогда чувствовалъ себя русскимъ и твердо рѣшилъ посвятить себя Россіи.

Въ 1809 г. Канкринъ былъ назначенъ инспекторомъ всѣхъ петербургскихъ иностранныхъ колоній уже въ чинѣ статскаго совѣтника. Сохранились данныя, свидѣтельствующія о томъ, что и тутъ онъ былъ вполнѣ на мѣстѣ, но очевидно дѣятельность эта показалась ему слишкомъ узкою. Проживалъ Канкринъ тогда зимою въ Петербургѣ, лѣтомъ—въ Стрѣльнѣ, и мы имѣемъ извѣстія, что онъ въ это время возвратился къ своимъ прежнимъ литературнымъ трудамъ, посѣщалъ нѣмецкій театръ и писалъ обстоятельныя рецензіи, помѣщая ихъ въ газетахъ. Но кромѣ того онъ тогда же задумалъ и написалъ одинъ чрезвычайно интересный трудъ, имѣвшій несомнѣнный успѣхъ и сильно повліявшій на дальнѣйшую его карьеру. Какъ почти всѣ сочиненія Канкрина, и этотъ трудъ: «Отрывки, касающіеся военнаго искусства съ точки зрѣнія военной философіи», вышелъ анонимно, причемъ выдержалъ два изданія и обратилъ на Канкрина вниманіе всего тогдашняго военнаго міра, между прочимъ военнаго министра Барклая де-Толли и преподавателя императора Александра I, генерала Пфуля. Авторъ «Войны и Мира» изображаетъ генерала Пфуля сухимъ военнымъ теоретикомъ, лишеннымъ практическаго смысла. Такимъ онъ былъ повидимому въ дѣйствительности, потому что сооруженный имъ лагерь при Дриссѣ, по отзыву военныхъ спеціалистовъ, производилъ впечатлѣніе, какъ выразился маркизъ Паулуччи, дѣла рукъ «сумасшедшаго или измѣнника». Но съ другой стороны окончательно выяснилось, что идея пользованія естественными условіями (обширностью территоріи, климатомъ) для одержанія побѣды надъ Наполеономъ, идея безпрерывнаго отступленія исходила отъ генерала Пфуля и вообще нѣмецкой военной партіи въ отличіе отъ русской, требовавшей натиска, смѣлаго нападенія на вторгшагося въ предѣлы Россіи непріятеля. И вотъ что интересно: тотчасъ послѣ появленія упомянутаго труда Канкрина, въ которомъ также проводится эта идея, онъ былъ приглашенъ къ генералу Пфулю и началъ съ нимъ работать ежедневно по вечерамъ. Мало того, самъ императоръ живо заинтересовался личностью Канкрина и потребовалъ точной справки о немъ. Ему было доложено, что Канкринъ «очень знающій и способный человѣкъ, но un peu dur».

Очевидно трудъ Канкрина произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе на военные авторитеты того времени, если такой вліятельный дѣятель, какимъ былъ тогда генералъ Фуль, счелъ нужнымъ заручиться близкимъ участіемъ Канкрина въ разработкѣ плана предстоявшей войны. Равнымъ образомъ трудно предположить, чтобы генералъ Фуль, выдумавшій впослѣдствіи пресловутый дрисскій лагерь, былъ самъ убѣжденнымъ сторонникомъ кунктаторской войны. Скорѣе надо предположить, что онъ не вполнѣ усвоилъ себѣ чужую идею, и многое заставляетъ думать, что она впервые пришла на умъ Канкрину. Во всякомъ случаѣ въ дѣлѣ разработки и практическаго осуществленія этой идеи вопросъ о снабженіи арміи необходимымъ продовольствіемъ игралъ весьма существенную роль, и мы дѣйствительно видимъ, что Канкринъ назначается сперва помощникомъ генералъ-провіантмейстера съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (въ 1811 г.), а затѣмъ въ самомъ началѣ войны—генералъ-интендантомъ первой западной арміи и вскорѣ всѣхъ дѣйствующихъ войскъ. Такимъ образомъ въ жизни Канкрина начинается новый періодъ, о которомъ мы уже говорили, что онъ составляетъ блестящую его заслугу и даетъ ему право быть причисленнымъ къ самымъ виднымъ дѣятелямъ отечественной войны.

II.

Дѣятельность Канкрина во время отечественной войны.—Громадныя сбереженія, сдѣланныя имъ.—О Канкринѣ начинаютъ забывать.—Его записка объ освобожденіи крестьянъ. — Ея послѣдствія. — Женитьба Канкрина.—Его отставка.—Пророчество Сперанскаго.—Труды, написанные Канкриномъ во время его бездѣйствія. — Теорія и практика.

Состоя помощникомъ генералъ-провіантмейстера, Канкринъ уже былъ душою сложнаго предпріятія снабженія громадной арміи всѣмъ ей необходимымъ. Дѣйствующія войска были, какъ извѣстно, раздѣлены на три арміи, и отдѣльные отряды были разбросаны на громадномъ пространствѣ, такъ что задача Канкрина чрезвычайно усложнялась. Нельзя при этомъ упускать изъ виду, что если и во второй половинѣ нашего столѣтія предупрежденіе всевозможныхъ злоупотребленій, растратъ и хищеній наталкивается на почти непреодолимыя препятствія при низкомъ нравственномъ уровнѣ многихъ административныхъ дѣятелей, то въ началѣ нынѣшняго столѣтія это было вдвойнѣ трудно. Не смотря на патріотическое

воодушевленіе, охватившее народъ, на его готовность приносить громадныя жертвы для отраженія непріятеля и изгнанія его изъ предѣловъ страны, находилось къ сожалѣнію очень много людей, готовыхъ воспользоваться народнымъ бѣдствіемъ для личнаго обогащенія: одни жертвовали, другіе старались присвоить себѣ пожертвованное добро. Такимъ образомъ требовалось много энергіи, распорядительности и безкорыстія, чтобы обезпечить экономное и удовлетворительное продовольствованіе арміи. Эту трудную и сложную задачу Канкринъ разрѣшилъ болѣе чѣмъ удовлетворительно. По свидѣтельству многихъ современниковъ, русская армія во время войнъ 1812—1815 г. ни въ чемъ не нуждалась, а были такіе критическіе моменты, какъ напримѣръ послѣ сраженія при Бауценѣ, когда вслѣдствіе быстраго наступательнаго движенія нашей арміи всѣ обозы отстали и чрезвычайно было трудно найти необходимые жизненные припасы для продовольствованія громадной массы людей, сосредоточенныхъ въ одномъ пунктѣ. Императоръ Александръ призвалъ тогда къ себѣ Канкрина и обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Мы находимся въ очень дурномъ положеніи. Если ты найдешь средства добыть необходимые припасы, то я тебя вознагражу такъ, какъ ты этого не ожидаешь». Канкринъ добылъ всѣ необходимые жизненные припасы. Вообще онъ проявилъ изумительную распорядительность, и Кутузовъ постоянно совѣщался съ нимъ. Такъ, до перехода русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ, Канкринъ представилъ въ Меречъ Кутузову разработанный во всѣхъ подробностяхъ планъ дальнѣйшаго движенія нашихъ войскъ и ихъ продовольствованія. Не задолго до смерти Кутузовъ говорилъ съ нимъ о планѣ кампаніи и потребовалъ, чтобы онъ письменно изложилъ свое мнѣніе, потому что оно вполнѣ совпадаетъ съ его собственнымъ планомъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ сказалъ Канкрину: «Я показывалъ твою бумагу императору, и онъ удивился твоимъ глубокимъ знаніямъ въ военномъ дѣлѣ». Послѣ битвы при Ватерлоо Канкринъ составилъ планъ движенія двухсотъ-тысячной арміи на Парижъ, и его планъ легъ въ основаніе тогдашнихъ военныхъ операцій.

Независимо отъ этого онъ разрѣшалъ свою трудную задачу съ замѣчательною гуманностью. Читая его путевые дневники, мы видимъ, съ какимъ глубокимъ состраданіемъ онъ относился къ народнымъ бѣдствіямъ. Общее разореніе, голодъ, трупы, встрѣчавшіеся на каждомъ шагу,—все это наполняло его душу скорбью, внушало ему отвращеніе къ войнѣ и связывало его новыми уза-

ми съ русскимъ народомъ. Гдѣ только было можно, онъ заступался за обывателей. Подъ Москвою удерживалъ Ростопчина отъ овладѣвшей имъ страсти сжигать окрестныя села и деревни, убѣждая его въ томъ, что это совершенно безцѣльно; въ Калишѣ онъ чуть-было не вышелъ въ отставку вслѣдствіе столкновенія съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, потому что взялъ подъ свою защиту жителей одного города противъ злоупотребленій военнаго начальства. Только благодаря заступничеству Кутузова, дѣло уладилось. Кутузовъ рѣшительно заявилъ великому князю: «Если вы будете устранять людей, мнѣ крайне нужныхъ, такихъ, которыхъ нельзя пріобрѣсти и за милліоны, то я самъ не могу оставаться въ должности».

При такой распорядительности и блестящихъ административныхъ способностяхъ Канкрина неудивительно, что и союзныя правительства поминутно пользовались его услугами. Собственно на немъ лежала сложная задача продовольствованія всѣхъ союзныхъ армій во время походовъ 1813—1815 гг. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробный разборъ тѣхъ пріемовъ, при помощи которыхъ ему удалось справиться съ своею трудною задачею. Самъ Канкринъ впрочемъ разъяснилъ эти пріемы сперва въ краткой запискѣ, представленной императору Александру I въ 1815 г., и затѣмъ въ своемъ обширномъ трудѣ о «Военной экономіи», составленномъ имъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ и представляющемъ собою какъ бы общій выводъ изъ вынесеннаго имъ во время отечественной войны опыта. Мы здѣсь укажемъ только на общіе результаты, достигнутые Канкринымъ.

Отечественная война стоила Россіи, по всеподданѣйшему отчету Барклая де-Толли, составленному Канкринымъ, — 157½ милл. р. Эта цифра поражаетъ своею скромностью. Четыре года мы вели войну и притомъ одинъ только годъ въ предѣлахъ самой Россіи, а заграничная война, какъ извѣстно, стоитъ особенно дорого. Не забудемъ, что для веденія послѣдней нашей войны съ Турціей Россіи пришлось сдѣлать долгъ въ 1.200 милл., что первый годъ крымской кампаніи обошелся Россіи въ 300 милл., и мы будемъ поражены ничтожною цифрою нашихъ военныхъ расходовъ во время отечественной войны. Правда, къ ней надо прибавить 100 милл. частныхъ пожертвованій и 135 милл. субсидій, выплаченныхъ намъ Англіею. Но и въ такомъ случаѣ мы получимъ только около 400 милл., т. е. военные расходы составили въ годъ не болѣе 100 милл. Такъ какъ вся денежная часть, все дѣло про-

довольствованія и обмундированія арміи лежали на Канкринѣ, то заслуга столь экономнаго веденія грандіозной войны должна быть всецѣло приписана ему. Эта заслуга выяснится еще болѣе, если мы укажемъ на нѣкоторые факты, мало извѣстные вслѣдствіе равнодушія, съ какимъ мы относимся къ заслугамъ нашихъ дѣятелей. Такъ, Канкринъ поразилъ однажды императора Александра сбереженіемъ въ 26 милл. изъ ассигнованныхъ на веденіе войны суммъ. При разсчетахъ съ союзными правительствами по продовольствованію нашихъ войскъ за-границею, Канкринъ уплатилъ только одну *шестую* часть, доказавъ, что всѣ остальныя претензіи не имѣютъ законнаго основанія. Для этого потребовалась громадная работа: надо было провѣрить всѣ счета и квитанціи. Мало того, надо было противостоять всѣмъ искушеніямъ, а искушенія эти были велики, потому что Канкринъ являлся полновластнымъ хозяиномъ, былъ человѣкомъ совершенно необезпеченнымъ, и ему предлагались милліоны въ случаѣ одобренія тѣхъ или другихъ претензій. Россія выплатила союзнымъ правительствамъ 60 милл., составившихъ, какъ мы уже замѣтили, шестую часть всѣхъ претензій: если бы не честность и распорядительность Канкрина, она слѣдовательно уплатила бы гораздо больше, и эта сумма легла бы тяжелымъ бременемъ на разоренный войною русскій народъ. Если же принять еще во вниманіе, что распорядительность Канкрина проявлялась и въ тысячѣ другихъ вопросовъ, связанныхъ съ продовольствованіемъ громадной арміи, то мы должны будемъ признать, что въ общемъ онъ сберегъ нѣсколько сотъ милліоновъ, а если мы сопоставимъ въ этомъ отношеніи дѣятельность Канкрина съ дѣятельностью другихъ лицъ, завѣдывавшихъ продовольствованіемъ нашихъ армій въ послѣдующія войны, когда, не смотря на громадныя суммы, затраченныя правительствомъ, войска наши бывали въ самомъ печальномъ положеніи, когда сапоги солдатъ оказывались гнилыми, вѣтеръ разносилъ пріобрѣтенное за большія деньги сѣно, а хлѣбъ былъ непригоденъ даже для кормленія скота, то мы невольно и тутъ вспомнимъ лермонтовскій стихъ:

„Да, были люди въ наше время
„Могучее, лихое племя:
„Богатыри—не вы.

На Канкринѣ оправдался отчасти и дальнѣйшій стихъ этой знаменитой строфы: «Плохая имъ досталась доля». Послѣ войны онъ былъ забытъ. Награды сыпались на него во время отечественной войны, когда въ немъ нуждались, когда безъ него трудно

было обойтись, когда онъ поминутно слишкомъ наглядными фактами убѣждалъ, какъ полезна и необходима его дѣятельность. Ему пожалованъ былъ общій генеральскій мундиръ (первый фактъ этого рода), а затѣмъ онъ былъ произведенъ и въ генералъ-лейтенанты. Это повышеніе по службѣ состоялось послѣ того, какъ онъ подалъ въ 1815 г. общій отчетъ о ходѣ возложенныхъ на него обязанностей. Отчетъ этотъ появился въ печати только сорокъ два года спустя, послѣ крымской кампаніи, и произвелъ тогда общую сенсацію, потому что читатели невольно сопоставляли то, что было достигнуто Канкринымъ, съ тѣми безотрадными результатами, которые выяснились во время крымской кампаніи: въ эту вторую нашу войну съ Европою всѣ указанія Канкрина на счетъ цѣлесообразнаго продовольствованія арміи не были соблюдены.

Послѣ отечественной войны Канкрину пришлось долгое время находиться при главной квартирѣ, расположенной въ Могилевской губерніи. Насколько извѣстно, онъ жилъ поперемѣнно то въ Оршѣ, то въ Могилевѣ, то въ Шкловѣ. Служебныя его отношенія становились все безотраднѣе. Въ Петербургѣ о немъ какъ будто совершенно забыли; онъ напомнилъ о себѣ, но это не послужило въ его пользу.

Чѣмъ же онъ напомнилъ о себѣ? Мы видѣли уже, что Канкринъ полюбилъ нашъ народъ и горячо принималъ къ сердцу его интересы. Въ Бѣлоруссіи, гдѣ онъ теперь жилъ, ему на каждомъ шагу представлялась безотрадная картина полнаго разоренія крестьянъ. Война истощила край, но, по мнѣнію Канкрина, по глубокому его убѣжденію, вынесенному путемъ обстоятельнаго изученія края, въ бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ народомъ, была виновата не одна только война: были еще и другія причины полнаго обнищанія крестьянъ. «Земледѣліе нигдѣ не дѣлаетъ у насъ настоящихъ успѣховъ, потому что до сихъ поръ всѣ усилія сельскихъ хозяевъ были обращены не столько на улучшеніе быта крестьянъ, сколько къ ихъ угнетенію. Увеличить поборы съ земледѣльца— единственная цѣль помѣщиковъ».

Эти слова взяты нами изъ записки Канкрина, посланной имъ императору Александру I, 24-го февраля 1818 г., изъ Орши. Первоначально эта записка была напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1865 г., причемъ указано, что она составлена по повелѣнію Государя. Но это не подтверждается. Канкринъ препроводилъ свою записку объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости черезъ графа Нессельроде при письмѣ слѣдующаго содержанія:

„Прилагаемое *странное* (singulier) разсужденіе я хотѣлъ подать Государю, но не имѣлъ къ тому случая по кратковременности его здѣшняго пребыванія (Государь проѣзжалъ тогда черезъ Могилевскую губернію въ Варшаву). Принимаю смѣлость просить ваше сіятельство о представленіи моего разсужденія Его Величеству; въ противномъ случаѣ потрудитесь возвратить мнѣ его. Признаюсь, этотъ вопросъ давно уже лежитъ у меня на сердцѣ, а когда я увидѣлъ, какъ въ Москвѣ все общество недовольно намѣреніемъ императора освободить крестьянъ, я почерпнулъ въ этомъ новое побужденіе изложить мою мысль".

Изъ этого письма видно, что Каикринъ по собственному почину составилъ свою записку объ освобожденіи крестьянъ, озаглавленную въ подлинникѣ: «Recherches sur l'origine et l'abolition du vasselage ou de la féodalité des cultivateurs, surtout en Russie» («Изслѣдованіе о происхожденіи и отмѣнѣ крѣпостного права или зависимости земледѣльцевъ преимущественно въ Россіи»). Записка эта была получена Государемъ въ такое время, когда мысль объ освобожденіи крестьянъ была кажется уже окончательно сдана въ архивъ. Правда, въ 1816 г., вскорѣ послѣ окончанія отечественной войны, изданы были эстляндскія постановленія, на основаніи которыхъ всѣ крѣпостные люди Эстляндской губерніи переходили въ свободное состояніе постепенно втеченіи четырнадцати лѣтъ съ правомъ пріобрѣтенія недвижимой собственности, и два года спустя на такихъ же основаніяхъ были освобождены и курляндскіе крестьяне. Вообще императоръ повидимому былъ занятъ вопросомъ объ облегченіи участи крестьянъ, но онъ наталкивался на сильное противодѣйствіе со стороны просвѣщеннѣйшихъ людей того времени и со стороны интеллигентныхъ людей вообще, главный контингентъ которыхъ составляли помѣщики. Растопчинъ, вмѣстѣ съ московскими дворянами, молилъ Господа: «Продли жизнь Царя и мирное житіе наше; утверди благоденствіе наше на вѣки и избави насъ отъ *лукаваго*» (подъ лукавымъ подразумѣвалось освобожденіе крестьянъ). Карамзинъ въ своей знаменитой запискѣ «О древней и новой Россіи» доказывалъ, что дворяне имѣютъ исключительное право на землю, и выставлялъ всѣ ужасныя послѣдствія, какія можетъ имѣть освобожденіе крестьянъ. «Въ заключеніе скажемъ доброму монарху,— писалъ онъ: —Государь, исторія не упрекнетъ тебя зломъ, какое прежде Тебя существовало, но Ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе Твоихъ собственныхъ уставовъ». Даже такой просвѣщенный дѣятель, какъ

Каразинъ, отрекался въ своихъ извѣстныхъ запискахъ отъ «прошедшаго изступленія», требовалъ, чтобы помѣщикъ былъ «генералъ-губернаторомъ въ маломъ видѣ», «наслѣдственнымъ полицеймейстеромъ» крестьянъ и за это пользовался бы «половиною ихъ труда», а такъ называемое общество, т. е. преимущественно помѣщики, и слышать не хотѣли о такой радикальной реформѣ, пагубной для ихъ благосостоянія. Все это поколебало намѣренія государя. Со всѣхъ сторонъ онъ видѣлъ признаки нерасположенія къ тѣмъ планамъ, которые можетъ быть не совсѣмъ отчетливо представлялись его уму. Къ тому же прежнее увлеченіе либеральными реформами уже совершенно охладѣло. И вотъ въ такой-то моментъ Канкринъ рѣшился возвысить голосъ и высказаться чрезвычайно настойчиво въ пользу освобожденія крестьянъ съ предоставленіемъ имъ поземельной собственности. Вотъ какъ онъ напомнилъ о себѣ Петербургу.

Записка Канкрина такъ интересна, что мы не можемъ не разсмотрѣть ее подробнѣе. Канкринъ прежде всего останавливается на отдѣльныхъ фазисахъ, черезъ которые прошелъ крестьянскій вопросъ въ Европѣ. Его не удовлетворяетъ положеніе крестьянина въ Англіи, гдѣ онъ былъ освобожденъ безъ земли, и поэтому остается простымъ поденщикомъ; онъ не сочувствуетъ, и положенію крестьянина въ другихъ странахъ, гдѣ народъ не владѣетъ, а только пользуется землею и прикрѣпленъ къ ней.

„Естественныя послѣдствія крѣпостного состоянія,—продолжаетъ онъ:—по самому свойству своему неограниченнаго, роскошь и разныя другія причины, въ особенности же не по силамъ предпринимаемыя помѣщиками винокуренныя операціи, необдуманное устройство разнаго рода фабрикъ, тягость подводной повинности привели наконецъ нашихъ крестьянъ въ *ужасающее положеніе*... Съ незапамятнаго времени не сдѣлано въ Россіи ни одного шага къ усовершенствованію въ этомъ отношеніи... Вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрно и то, что почти никто не подозрѣваетъ опасности покоиться на огнедышащей горѣ, потому что личные интересы съ одной стороны, съ другой—сила обычая, освященнаго вѣками, наконецъ самыя затрудненія, сопряженныя неминуемо со всякой перемѣной, не дозволяютъ и нынѣ правильно смотрѣть на дѣло и успокаиваютъ тревожныя опасенія другихъ. Опасность эта, безъ сомнѣнія, еще не такъ близка отъ насъ, но для предотвращенія золъ такого рода слѣдуетъ принимать надлежащія мѣры гораздо ранѣе пагубной развязки“.

Изъ этихъ словъ видно, какъ вѣрно Канкринъ оцѣнилъ основное значеніе французской революціи, сохранивъ преданность тѣмъ

идеаламъ, которые вдохновляли его, когда онъ двадцать лѣтъ раньше писалъ свой романъ о «войнѣ за свободу». Эти идеалы вмѣстѣ съ безотраднымъ положеніемъ русскаго народа побуждали Канкрина возвысить за него голосъ и предложить самый необходимый шагъ на пути къ созданію болѣе нормальныхъ условій въ нашемъ отечествѣ.

Но возвратимся къ запискѣ Канкрина. Онъ очевидно имѣлъ свѣдѣнія о томъ, что Государь раньше намѣревался «держаться системы, принятой въ Лифляндіи и Эстляндіи, т. е. соразмѣрить и облегчить повинности крестьянъ, оградить ихъ отъ произвола помѣщиковъ, дозволить имъ пріобрѣтать собственность, однимъ словомъ составить новое точное и умѣренное законоположеніе относительно крѣпостного состоянія». Канкринъ смѣло возражаетъ противъ этой мысли, признавая такую реформу недостаточной. «Благоговѣйно преклоняясь предъ милосердою волею, желающею начертать подобное законоположеніе, — пишетъ онъ: — я вмѣстѣ съ тѣмъ смѣю полагать, что путь этотъ не только не лучшій, но даже *ведетъ къ заблужденію*». Онъ аргументируетъ свое возраженіе слѣдующимъ образомъ: «Составленіе новыхъ постановленій, которыя, не уничтожая крѣпостного права, клонились бы лишь къ точному опредѣленію отношеній обѣихъ сторонъ, равняется увѣковѣченію крѣпостной зависимости». Поэтому авторъ записки прямо требуетъ отмѣны крѣпостного права и обезпеченія экономическаго положенія крестьянъ. Но онъ не довольствуется этимъ требованіемъ, а указываетъ и на наиболѣе нормальный путь къ осуществленію его мысли. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ цѣлый планъ. Въ 1819 г. должна быть учреждена комиссія для точнаго наблюденія за ходомъ дѣлъ. Въ 1820 г. объявляется, что крестьяне имѣютъ право пріобрѣтать землю и что дома и движимость составляютъ ихъ неотъемлемую собственность. Въ 1822 г. вся земля государственныхъ крестьянъ раздѣляется по общинамъ, а земля каждой общины—по дворамъ съ воспрещеніемъ дальнѣйшаго передѣла, излишекъ же оставляется для новыхъ дворовъ. Затѣмъ этотъ указъ примѣняется и къ помѣщичьимъ землямъ и одновременно подушная подать замѣняется подворной. (Канкринъ значитъ уже тогда требовалъ отмѣны подушной подати.) Въ 1825 г. въ точности опредѣляются и уменьшаются повинности крестьянъ, и они сами становятся подъ покровительство лицъ, назначенныхъ правительствомъ (Канкринъ слѣдовательно предусматривалъ необходимость образованія мировыхъ посредниковъ). Въ 1827 г. уста-

навливается право наслѣдованія дворами, вотчинный судъ упраздняется, т. е. крестьяне уже не подлежатъ суду помѣщиковъ. Въ 1830 г. учреждается право первородства въ имѣніяхъ, въ которыхъ менѣе чѣмъ 250 душъ, во избѣжаніе дробленія земли, которое, по мнѣнію Канкрина, вредно во многихъ отношеніяхъ. Въ 1835 г. устраивается бытъ дворовыхъ людей. Въ 1840 г. назначается такса для выкупа крестьянъ съ землею и безъ нея, и съ этою цѣлью учреждается заемный банкъ. Въ 1845 г. вновь опредѣляются повинности крестьянъ и окончательно отмѣняются послѣдніе остатки вотчиннаго суда. Съ 1850 г. земля постепенно объявляется собственностью каждаго семейства, даруется право перехода и т. д.

Этотъ планъ не только представляетъ собою документъ государственнаго значенія, но и крайне характеристиченъ для самого Канкрина. Мы видимъ, съ какою осторожностью онъ предлагаетъ приступить къ важной реформѣ, признаваемой имъ необходимою, и какъ глубоко задуманы отдѣльныя ступени перехода крестьянъ отъ крѣпостной зависимости къ полной свободѣ. Если бы его планъ былъ принятъ, наша государственная и экономическая жизнь развилась бы болѣе нормально, и освобожденіе крестьянъ не вызвало бы того сильнаго потрясенія всей экономической жизни Россіи, какое было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ реформы 1861 г.

Какъ бы то ни было, записка Канкрина не только не была принята во вниманіе, но повидимому отразилась невыгодно на его дальнѣйшей судьбѣ. Несомнѣнно, въ тогдашнихъ правительственныхъ сферахъ крестьянская реформа имѣлась въ виду, но мысль о ней была очень скоро оставлена отчасти вслѣдствіе нерасположенія къ ней дворянъ, отчасти вслѣдствіе политическаго броженія, происходившаго въ нашемъ обществѣ, равно какъ революціонныхъ стремленій на западѣ. Ко всему этому присоединилась злополучная исторія въ Семеновскомъ полку. Увлеченіе крестьянскою реформою смѣнилось охлажденіемъ не только къ ней самой, но и къ лицамъ, возвысившимъ голосъ въ защиту крестьянъ. Въ числѣ этихъ лицъ занялъ мѣсто и Канкринъ: не смотря на громадныя его заслуги и на проявленныя имъ административныя дарованія, онъ былъ забытъ. Можетъ быть этому способствовалъ еще и другой фактъ.

Въ 1816 г. Канкринъ женился. Фельдмаршалъ князь Барклай де-Толли велъ въ Могилевѣ открытый домъ. Молодежь у него веселилась, и здѣсь то Канкринъ познакомился съ своей будущей женой, родной племянницей Муравьева-Апостола, дочерью его брата,

Захара Матвѣевича. Бракъ этотъ былъ очень счастливый: Екатерина Захаровна Канкрина втеченіи всей своей жизни была вѣрной помощницею своему мужу и много содѣйствовала счастью его жизни. Но на первыхъ порахъ и этотъ бракъ могъ до нѣкоторой степени повліять на дальнѣйшую судьбу Канкрина. Семья Муравьевыхъ, какъ извѣстно, приняла дѣятельное участіе въ томъ политическомъ броженіи, о которомъ мы только что упомянули. Непосредственнымъ результатомъ всего этого было то, что въ своихъ постоянныхъ столкновеніяхъ по службѣ, вызванныхъ честнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ и горячей защитою казеннаго добра, Канкринъ уже не находилъ прежней поддержки въ высшихъ сферахъ и сталъ признаваться человѣкомъ безпокойнымъ, такъ что, когда онъ, утомленный этою безплодною борьбою, все настойчивѣе сталъ просить объ увольненіи его отъ должности, послѣдовало согласіе, и 14-го апрѣля 1820 г. онъ изъ вліятельнаго администратора превратился въ простого члена Военнаго Совѣта. Чрезвычайно характеренъ для Канкрина и тотъ фактъ, что послѣ переселенія въ Петербургъ онъ, не смотря на крайне скромный образъ жизни, не имѣлъ даже средствъ, чтобы прилично жить въ столицѣ, и вынужденъ былъ обратиться къ императору за вспомоществованіемъ, въ которомъ ему однако кажется было отказано, потому что въ его формулярномъ спискѣ ничего не значится о полученномъ имъ въ этотъ періодъ времени пособіи. Не менѣе характеренъ для Канкрина и тотъ фактъ, что именно въ это время онъ получилъ отъ австрійскаго правительства самыя блестящія предложенія и что онъ ихъ рѣшительно отклонилъ, желая жить и трудиться только для Россіи.

Но въ 1821 г. картина внезапно измѣнилась. Въ Италіи вспыхнули политическіе безпорядки, и священный союзъ рѣшилъ подавить ихъ силою. Предполагалось, что и Россія приметъ участіе въ вооруженномъ подавленіи безпорядковъ. Состоялся конгрессъ въ Лайбахѣ и, отправляясь туда, императоръ Александръ вспомнилъ объ услугахъ, оказанныхъ Канкринымъ во время отечественной войны, и взялъ его съ собою, чтобы на мѣстѣ обсудить вмѣстѣ съ нимъ предполагавшіяся военныя операціи. Но онѣ не состоялись, и Канкринъ вернулся въ Петербургъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту государственной экономіи. Могло казаться, что карьера сорока-семи-лѣтняго Канкрина окончена, но къ нему совершенно неожиданно для всѣхъ снова пришлось обратиться въ тяжелую минуту. Пророчество Спе-

ранскаго сбылось: нашъ знаменитый государственный дѣятель, находясь въ Пензѣ, еще въ 1813 г. во время блестящаго управленія Канкринымъ продовольственною частью нашей арміи разгадалъ его. «Нѣтъ у насъ во всемъ государствѣ—выразился онъ:—человѣка способнѣе Канкрина быть министромъ финансовъ». Это мнѣніе Сперанскій не измѣнилъ до конца своихъ дней, но только черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ оно было высказано, Канкринъ дѣйствительно былъ назначенъ министромъ финансовъ. Россія не мало потеряла отъ того, что способности Канкрина не были приложены къ дѣлу тотчасъ по окончаніи отечественной войны. Втеченіи этихъ восьми лѣтъ финансы Россіи подверглись большому испытанію и были доведены до плачевнаго положенія.

Но Канкринъ былъ слишкомъ дѣятельною натурою, чтобы бездѣйствовать во время бездѣйствія. Находясь не у дѣлъ, онъ не отдыхалъ. То, что̀ имъ создано въ недолгіе годы его вынужденнаго бездѣйствія, наполнило бы можетъ быть всю жизнь менѣе даровитой и энергичной натуры. Кромѣ записки объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Канкринъ составилъ въ это время еще другую записку, почти никому неизвѣстную, но тѣмъ не менѣе бросающую яркій свѣтъ на прозорливость и дарованія этого необыкновеннаго дѣятеля. Она озаглавлена: «Записка Канкрина относительно описанія походовъ противъ турокъ». Дѣло въ томъ, что̀ военные люди, тяготясь бездѣйствіемъ послѣ войны, задумали составить описаніе всѣхъ нашихъ турецкихъ войнъ, начиная съ войнъ Петра Великаго, въ ожиданіи конечно новой войны, которая разразилась черезъ десять лѣтъ. Главнымъ иниціаторомъ этого предпріятія былъ начальникъ штаба второй арміи генералъ-адъютантъ Киселевъ. Узнавъ объ этомъ, Канкринъ тотчасъ же подалъ записку, въ которой чрезвычайно мѣтко указалъ на планъ подобнаго описанія нашихъ турецкихъ войнъ и выяснилъ его основную программу. Но въ то же время онъ отнесся къ дѣлу весьма скептично, и вотъ на какомъ основаніи. «Въ нынѣшнее время,—писалъ онъ:—*фрунтъ* начинаетъ себѣ воображать, что онъ побѣдилъ въ послѣдней войнѣ, далеко отбрасывая отъ себя *школьничество наукъ*». Онъ тутъ же извиняется за свой «штилъ», такъ какъ «всегда сражается съ русскимъ языкомъ, не зная оный фундаментально». Но это незнаніе русскаго языка не помѣшало ему и въ данномъ случаѣ выразить глубокую мысль, предвидѣть тотъ страшный вредъ, который намъ нанесетъ «фрунтъ» и пренебреженіе къ «школьни-

честву наукъ». Какъ и предвидѣлъ Канкринъ, затѣянное большое предпріятіе не осуществилось.

Но конечно не эти двѣ записки мы имѣли въ виду, когда говорили о томъ, что Канкринъ во время своего видимаго бездѣйствія былъ въ сущности очень дѣятеленъ. Вообще онъ всегда, когда прерывались его служебныя обязанности, возвращался къ ученому или литературному труду. Какъ мы видѣли, онъ тотчасъ по окончаніи университетскаго курса написалъ большой романъ. Затѣмъ, когда пріѣхалъ въ Россію и томился вынужденнымъ бездѣйствіемъ или даже во время исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, составлялъ разныя записки экономическаго или военнаго содержанія, писалъ фельетоны въ газетахъ или ученые труды. Въ немъ, какъ мы уже отмѣтили, соединялись двѣ черты, рѣдко встрѣчающіяся въ одномъ и томъ же лицѣ. Онъ былъ въ одно и тоже время холоднымъ умомъ, превосходнымъ счетчикомъ и большимъ любителемъ искусства почти во всѣхъ его проявленіяхъ: онъ любилъ поэзію, музыку, архитектуру. Мало того, его сужденія въ эстетическихъ вопросахъ были чрезвычайно мѣтки, иногда даже глубоки, и когда только время ему позволяло, онъ предавался эстетическимъ наслажденіямъ или художественной критикѣ съ такою же горячностью, съ какой въ другое время посвящалъ себя сухимъ финансовымъ вопросамъ и дѣламъ. Но къ этой сторонѣ его дѣятельности мы вернемся еще впослѣдствіи; здѣсь же мы хотѣли только отмѣтить, что Канкринъ никогда не зналъ отдыха и что, оставивъ постъ генералъ-интенданта арміи, онъ обогатилъ ученую и экономическую литературу двумя изслѣдованіями, изъ которыхъ одно въ особенности доставило ему европейскую извѣстность. Въ 1821 г. появилось его сочиненіе «Weltreichtum, Nationalreichtum und Staatswirtschaft», а въ 1823 г.—послѣдній, третій, томъ его большого труда: «Ueber die Militär-Oekonomie im Frieden und Kriege und ihr Wechselverhältniss zu den Operationen».

Первый изъ названныхъ трудовъ послужилъ какъ-бы программою Канкрина во время его управленія министерствомъ финансовъ. Отъ этой программы онъ ни шагъ не отступилъ, хотя это казалось превышающимъ человѣческія силы. Онъ остался ей вѣренъ втеченіи двадцати-одно-лѣтняго управленія финансами великой страны. Такимъ образомъ онъ доказалъ на дѣлѣ полную возможность и плодотворность подчиненія практики теоріи и несостоятельность того взгляда, будто бы здравая практика не мирится съ отвлеченной теоріей, будто бы теорія существуетъ сама

по себѣ, а практика также сама по себѣ. Канкринъ, какъ цѣльный характеръ, какъ дѣятель послѣдовательный и не измѣняющій себѣ даже въ мелочахъ, создалъ чрезвычайно опредѣленный финансовый планъ на строгомъ основаніи той экономической теоріи, которую онъ признавалъ вѣрной. Онъ приложилъ ее къ дѣлу съ желѣзной энергіей, не отступая ни на шагъ отъ нея. Онъ достигъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ блестящихъ результатовъ, въ другихъ потерпѣлъ крушеніе и не создалъ ничего устойчиваго. Но при оцѣнкѣ его дѣятельности можно совершенно безошибочно сказать, что какъ въ его удачахъ, такъ и неудачахъ виноватъ не человѣкъ, виновата теорія въ тѣхъ ея частяхъ, которыя оказались невѣрными. Въ этомъ заключается громадное значеніе такихъ цѣльныхъ характеровъ, какимъ былъ Канкринъ: и дѣло ихъ рукъ—цѣльное, ясное, опредѣленное; оно даетъ намъ твердое мѣрило для оцѣнки вѣрности или ложности той или другой теоріи.

Приведемъ здѣсь еще формулированное Канкринымъ основное начало нормальнаго финансоваго управленія:

«Надо чуждаться крайностей, избѣгая четырехъ великихъ апокалипсическихъ звѣрей: пониженія достоинства монеты, бумажныхъ денегъ, чрезмѣрныхъ государственныхъ долговъ и искусственнаго накопленія торговаго капитала, и приводить въ строгое соотвѣтствіе расходы съ естественными доходами, стремясь увеличить послѣдніе путемъ *поощренія народнаго труда, порядкомъ и хорошимъ управленіемъ и только въ крайнемъ случаѣ прибѣгая къ умѣреннымъ займамъ*, чтобы ихъ погашать при первой-же возможности».

Мы привели это основное начало Канкрина, потому что имъ опредѣляется вся его финансовая политика: и другіе высказывали такого рода начало, но ни одинъ министръ финансовъ у насъ и рѣдкій министръ финансовъ въ другихъ странахъ руководился этимъ началомъ, какъ правиломъ, почти не допускающимъ исключенія, а Канкрину это удалось,—онъ съумѣлъ не отступить на практикѣ отъ вѣрнаго принципа. Въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ, какіе это дало результаты.

III.

«Гурьевская каша».—Назначеніе Канкрина министромъ финансовъ.—Переполохъ, вызванный этимъ назначеніемъ въ великосвѣтской средѣ.—Какъ Канкринъ работалъ.—Блестящіе результаты его дѣятельности.—Протекціонизмъ Канкрина.

Канкринъ въ качествѣ министра финансовъ наслѣдовалъ графу Гурьеву. Это было очень тяжелое наслѣдство, отъ котораго всѣ отказывались, потому что бремя долговъ было чрезмѣрно, а государственные доходы упали и представлялись крайне ненадежными: даже главная статья дохода, вино, перестало обогащать государственную казну.

Графъ Гурьевъ никогда самостоятельно не управлялъ финансами Россіи, да и не могъ ими управлять, потому что не былъ къ этому дѣлу подготовленъ и потому что въ немъ отсутствовало то, что составляло главную силу Канкрина: проницательный умъ, характеръ. Трудно себѣ даже представить, какъ этотъ бывшій гвардейскій офицеръ, обязанный своимъ служебнымъ повышеніемъ исключительно матримоніальнымъ дѣламъ и умѣнью угождать людямъ,—этотъ bon vivant, этотъ человѣкъ, прославившійся изобрѣтеніемъ гурьевской каши, могъ попасть въ министры финансовъ въ такое время, когда во главѣ управленія стоялъ Сперанскій, и еще труднѣе понять, какъ онъ могъ втеченіи тринадцати лѣтъ продержаться во власти. Кажется, ему это удалось только благодаря тому, что онъ щедро раздавалъ деньги тѣмъ, кто заручался вліяніемъ при помощи разныхъ интригъ и козней. Пока Сперанскій былъ во власти, онъ самъ управлялъ финансами: ему нуженъ былъ не столько самостоятельный, сколько исполнительный дѣятель, а угождать Гурьевъ умѣлъ. Въ этомъ отношеніи Сперанскій совершилъ ту же ошибку, которая была совершена и самимъ Канкринымъ: онъ разсчитывалъ только на свои силы и не заботился о томъ, чтобы довѣрить ту или другую отрасль управленія помощникамъ, которые могли бы успѣшно вести дѣло послѣ него. Кратковременное управленіе Сперанскаго финансами при содѣйствіи Гурьева ознаменовалось извѣстнымъ манифестомъ 1810 г., свидѣтельствующимъ о блестящихъ дарованіяхъ и свѣтлыхъ намѣреніяхъ незабвеннаго нашего государственнаго дѣятеля. На основаніи финансовой программы Сперанскаго бумажныя деньги, т. е. ассигнаціи признавались государ-

ственнымъ долгомъ; правительство обязывалось не прибѣгать къ дальнѣйшимъ выпускамъ, всѣ государственныя суммы были признаны собственностью казначейства, никакой доходъ, обыкновенный или чрезвычайный, не могъ быть произведенъ безъ предварительнаго одобренія государственнаго совѣта, а съ 1811 г. государственная смѣта должна была публиковаться во всеобщее свѣдѣніе.

Паденіе Сперанскаго и въ особенности отечественная война превратили этотъ манифестъ въ простой клочекъ бумаги. Какъ только Сперанскій впалъ въ немилость, Гурьевъ понятно началъ дѣйствовать самостоятельно, но, будучи совершенно неподготовленъ къ этому, вскорѣ сталъ опять посылать на просмотръ Сперанскаго важнѣйшія изъ финансовыхъ мѣропріятій. Но управлять дѣлами издалека было конечно невозможно. Тѣмъ не менѣе вліяніе Сперанскаго выразилось въ томъ фактѣ, что часть долговъ, заключенныхъ нами во времена Гурьева, пошла на погашеніе безпроцентнаго государственнаго долга, т. е. на сожженіе ассигнацій. Но и эта мѣра, хотя и вполнѣ правильная съ теоретической точки зрѣнія, не могла дать благихъ результатовъ, потому что государственные доходы были истощены не только громаднымъ бѣдствіемъ, обрушившимся на Россію, но и тою угодливостью, которую проявлялъ Гурьевъ по отношенію къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ. Эта угодливость въ концѣ концовъ и послужила причиною его паденія. Обнищаніе, бѣдствія населенія Бѣлоруссіи послужили, какъ мы видѣли, внѣшнимъ поводомъ къ составленію Канкринымъ записки объ освобожденіи крестьянъ; Гурьевъ же удержалъ значительную часть суммы, ассигнованной правительствомъ для оказанія помощи голодавшему бѣлорусскому населенію въ размѣрѣ 1.800,000 рублей, отговариваясь неимѣніемъ средствъ, и въ то же время предложилъ ассигновать 700,000 р. на покупку казною разореннаго имѣнія одного тогдашняго вельможи.

Это было каплею, переполнившею чашу. Гурьевъ долженъ былъ сойти со сцены, и его великосвѣтскій салонъ сразу опустѣлъ; о немъ забыли, но результаты его финансовой дѣятельности были на-лицо.

Всѣ отрасли государственнаго хозяйства находились въ полномъ разстройствѣ. Расходы все увеличивались, доходы сокращались. Дефицитъ равнялся иногда седьмой части всѣхъ доходовъ, а въ самые благопріятные годы составлялъ четырнадцатую часть всѣхъ поступленій. Мануфактурная промышленность не развивалась, а напротивъ съ каждымъ годомъ падала: хлѣбъ былъ очень дешевъ, и

сельскіе хозяева терпѣли вслѣдствіе этого большіе убытки; торговые обороты внутри страны были ничтожны; обороты внѣшней торговли, не смотря на восторжествованіе фритредерскихъ началъ, упали съ 130 милл. до 92 милл. Вмѣстѣ съ тѣмъ произошелъ значительный отливъ металлическихъ денегъ за-границу. Цѣнность нашего ассигнаціоннаго рубля упала уже раньше до 25 к. Вслѣдствіе этого не было никакой прочной денежной единицы: бумажныя деньги и мѣдная монета постоянно колебались въ цѣнѣ.

Но главное—у казны не было денегъ. Вотъ что писалъ одинъ изъ членовъ финансоваго комитета, баронъ Кампенгаузенъ, графу Аракчееву въ 1822 г.: «Былъ опять комитетъ финансовый. Министръ финансовъ изложилъ новыя надобности и нужды и что остатки на весь годъ, предназначенные для экстренныхъ расходовъ, въ первыхъ уже мѣсяцахъ съ излишествомъ израсходованы».

Положеніе дѣлъ становилось очевидно критическимъ. Надо было во что бы то ни стало выйти изъ него. Высшими сферами овладѣло сильное безпокойство. Ни графъ Гурьевъ, ни финансовый комитетъ не знали, какъ выйти изъ затрудненій. Тутъ вдругъ вспомнили о Канкринѣ,—вспомнили какъ то неожиданно, но настойчиво. Кто первый произнесъ его имя—неизвѣстно: одни говорятъ о Сперанскомъ, другіе называютъ графа Аракчеева. Но какъ бы то ни было, разъ имя его было произнесено, оно уже не выходило изъ ума. Въ правительственныхъ сферахъ Канкринъ былъ признанъ своего рода спасителемъ, т. е. единственнымъ человѣкомъ, который въ состояніи расхлебать «гурьевскую кашу».

Иначе взглянули на дѣло въ аристократической средѣ. Тогдашнему великосвѣтскому обществу казалось просто невѣроятнымъ, чтобы обходительный графъ Гурьевъ, въ блестящемъ салонѣ котораго такъ щедро раздавались казенныя деньги, былъ вдругъ замѣненъ какимъ то рѣзкимъ въ обращеніи, мало кому извѣстнымъ, угрюмымъ, далеко не свѣтскимъ человѣкомъ, о заслугахъ котораго имѣли весьма смутное представленіе. Знали только, что онъ въ свое время былъ бухгалтеромъ въ винной конторѣ какого то откупщика, что онъ потомъ завѣдывалъ продовольственною частью въ арміи, что онъ вѣчно возился съ разными поставщиками, провѣрялъ ихъ счеты, жилъ замкнутой жизнью, одѣвался небрежно и отвѣчалъ на любезности ворчливымъ брюзжаніемъ или рѣзкими выходками, прибѣгая къ народнымъ поговоркамъ и ужасно коверкая ихъ своимъ нѣмецкимъ произношеніемъ. Лонгиновъ въ своихъ письмахъ Воронцову упоминаетъ о томъ, что назначеніе Канкрина

министромъ финансовъ произвело какое то ошеломляющее впечатлѣніе на русское общество, а Вигель передаетъ, что всѣ толковали тогда о неминуемой финансовой гибели Россіи.

Но Россія не только не погибла, а напротивъ подъ управленіемъ Канкрина начала быстро оправляться отъ финансовыхъ своихъ невзгодъ. Какъ то много лѣтъ спустя, когда Канкринъ замѣнилъ ассигнаціонный бумажный рубль металлическимъ серебрянымъ и потребовалъ отъ всѣхъ министерствъ составленія смѣтъ на основаніи новой монетной единицы, блестящій генералъ-адъютантъ, завѣдывавшій дѣлами одного изъ нашихъ министерствъ, надѣлалъ въ своей смѣтѣ много крупныхъ ошибокъ. При личномъ свиданіи Канкринъ указалъ ему на эти ошибки. Послѣдовалъ отвѣтъ:

— Не мудрено, Егоръ Францовичъ, я никогда бухгалтеромъ не былъ.

— А я, ваше превосходительство,—возразилъ Канкринъ:— былъ въ жизни всѣмъ: и писцомъ, и комиссіонеромъ, и казначеемъ, и бухгалтеромъ; теперь же я состою министромъ финансовъ, но простакомъ я никогда не бывалъ.

Онъ дѣйствительно простакомъ никогда не былъ. Онъ былъ искуснымъ счетчикомъ, никогда не ослабѣвающимъ въ своей энергіи труженникомъ, преданнымъ своему дѣлу администраторомъ, съ замѣчательной стойкостью и съ рѣдкимъ умѣньемъ, отражавшимъ всѣ покушенія на казенное добро. На Гагаринской пристани, гдѣ онъ жилъ, будучи назначенъ министромъ финансовъ, закипѣла такая работа, какую въ Россіи не видѣли можетъ быть со временъ Петра Великаго. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу одинъ изъ очевидцевъ, Н. Г. Устряловъ:

«Въ 1824 г. девятнадцати лѣтъ я поступилъ въ канцелярію министра финансовъ. Служба моя была не тяжелая. Одно только тяготило меня—дежурство у министра финансовъ Канкрина. Надобно было являться въ пріемную не позже девяти часовъ утра и оставаться до четырехъ, до шести часовъ; потомъ приходить къ восьми часамъ, когда бывали доклады котораго-нибудь изъ директоровъ департамента, и удаляться домой нерѣдко въ первомъ часу ночи... Канкринъ принималъ въ пріемной каждаго просителя и распрашивалъ въ случаѣ надобности подробно. Занятъ былъ чрезвычайно утромъ и вечеромъ, страдалъ нерѣдко припадками подагры, которая приковывала его къ постели... Перья я чинилъ такъ неловко, что однажды министръ въ шутку сказалъ, что откажется отъ министерства, потому что не чѣмъ писать.

Просители и служащіе смѣнялись, но министръ финансовъ былъ постоянно на своемъ посту. Втеченіи семнадцати лѣтъ онъ ра-

боталъ, какъ свидѣтельствуютъ единодушно всѣ лица, знавшія его, часовъ по пятнадцати въ день, принималъ ежедневно въ извѣстные часы посѣтителей, но и во время доклада, утромъ и вечеромъ, часто освѣдомлялся, нѣтъ ли кого въ пріемной, и если получалъ утвердительный отвѣтъ, то немедленно выходилъ, умѣя отдѣлаться отъ назойливаго просителя ѣдкой шуткой, помочь истинно нуждавшемуся или направить его, куда слѣдуетъ. Положеніе въ свѣтѣ, родственныя или другія отношенія имъ никогда не принимались во вниманіе. Онъ прямо шелъ къ дѣлу и обладалъ удивительнымъ даромъ оцѣнивать людей и вникать въ ихъ слова. Онъ иногда подолгу бесѣдовалъ съ какимъ-нибудь мужикомъ и имѣлъ только два слова для высокопоставленныхъ лицъ. Даже жестокіе приступы подагры не удерживали его отъ усиленнаго труда и пріема посѣтителей. Онъ иногда принималъ чиновниковъ и даже дамъ въ постелѣ, лежа на огромной двуспальной кроватѣ за ширмами, опираясь обѣими руками на два громадныхъ фоліанта и выслушивая своихъ собесѣдницъ внимательно и спокойно, не смотря на острую боль. Когда онъ былъ здоровъ, единственное его развлеченіе составляли прогулки пѣшкомъ или верхомъ, затѣмъ послѣ обѣда втеченіи часа—бесѣда, преимущественно съ учеными. Для семьи, которую онъ горячо любилъ, у него не хватало времени.

Такъ жилъ и работалъ Канкринъ за все время своего управленія министерствомъ финансовъ. Результаты его дѣятельности оказались на первый разъ блестящими. Чтобы дать о нихъ понятіе читателю, отмѣтимъ только, что за первыя двѣнадцать лѣтъ финансовой дѣятельности Канкрина военные расходы были, не смотря на три большія войны, понижены съ 187 до 151 милл., только въ послѣдніе годы этого періода дѣятельности Канкрина военные расходы опять повысились до 169 милл., но тѣмъ не менѣе они почти на 20 милл. были меньше, чѣмъ когда онъ вступилъ въ управленіе дѣлами. Это — фактъ почти безпримѣрный въ исторіи нашихъ финансовъ. Какъ извѣстно, расходы на армію и флотъ почти всюду постоянно возрастаютъ и притомъ весьма быстро. Канкринъ же достигъ ихъ пониженія, и нечего указывать на причину этого отраднаго результата: она заключалась не только въ твердости характера Канкрина, съ замѣчательной энергіей отражавшаго всѣ попытки повышенія военнаго бюджета, но и въ томъ обстоятельствѣ, что онъ самъ былъ замѣчательнымъ военнымъ администраторомъ. Къ нему нельзя было обращаться съ простымъ требованіемъ денегъ; онъ подвергалъ всякую статью расхода компетент-

ному и глубокому анализу и съ неопровержимыми данными въ рукахъ доказывалъ, что то или другое предположеніе военнаго министерства можетъ быть осуществлено съ затратой гораздо меньшихъ суммъ. Его критика военныхъ расходовъ направлялась преимущественно на заготовленіе продовольствія для арміи: онъ неумолимой рукой раскрывалъ всѣ злоупотребленія, хищенія, и этимъ путемъ добился, что, не смотря на сокращеніе военнаго бюджета, уровень боевой готовности нашей арміи нисколько не пострадалъ и она съ успѣхомъ выдержала три войны, изъ которыхъ одна была ведена съ несомнѣннымъ блескомъ. Какъ благотворно отражалось и въ этомъ отношеніи вліяніе Канкрина, видно изъ того, что адріанопольскій походъ 1829 г. и подавленіе польской революціи въ общемъ обошлись намъ всего въ 600 милл. ассигнаціями, между тѣмъ какъ для веденія послѣдней нашей турецкой войны намъ, какъ я уже указывалъ, пришлось сдѣлать долгъ въ одинъ милліардъ 200 милл. руб. сер.

Столь же успѣшны были результаты финансовой дѣятельности Канкрина и въ другихъ отношеніяхъ. Если онъ строго относился къ военнымъ расходамъ, то не менѣе энергично сокращалъ всѣ излишніе расходы и въ своемъ собственномъ вѣдомствѣ. И тутъ мы наталкиваемся на фактъ весьма рѣдкій въ исторіи финансовъ. Путемъ различныхъ сбереженій и преимущественно пресѣченія разныхъ хищеній Канкринъ сократилъ расходы по своему министерству на 24 милл., что по тогдашнему времени было суммою огромною. Такимъ образомъ по двумъ министерствамъ онъ сдѣлалъ втеченіи двѣнадцати лѣтъ сбереженій болѣе чѣмъ на 600 милл., т. е. съ лихвою покрылъ расходы по тремъ большимъ войнамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ перваго же года своего управленія министерствомъ уничтожилъ дефицитъ въ нашемъ бюджетѣ, принявшій при Гурьевѣ размѣры истиннаго финансоваго бѣдствія. Мало того, придерживаясь принципа, что истощенный народъ, какимъ былъ тогда русскій, ни въ какомъ случаѣ не долженъ подвергаться болѣе тяжелому податному бремени, Канкринъ строго избѣгалъ повышенія налоговъ, особенно подушной подати и налога на соль, и тѣмъ не менѣе онъ добился увеличенія государственныхъ доходовъ на 31 милл. безъ всякаго новаго отягощенія народа,—путемъ естественнаго роста благосостоянія страны и податной ея силы. Горные доходы (Канкринъ, какъ извѣстно, дѣятельно заботился о развитіи горнаго дѣла въ Россіи) возросли съ 8 до 19 милл.; таможенные же доходы—съ 30 до 81½ милл.

Это возрастаніе таможенныхъ доходовъ наводитъ насъ на разсмотрѣніе другой стороны дѣятельности Канкрина. Собственно высокій покровительственный тарифъ былъ установленъ еще до Канкрина въ 1822 г. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Канкринъ, хотя и не находился тогда у дѣлъ, сильно повліялъ, какъ въ государственномъ совѣтѣ, такъ и иными путями на отреченіе нашего правительства отъ установленной въ 1819 г. болѣе либеральной торговой политики. Въ то время появилась записка, въ которой эта система подвергалась безпощадной критикѣ, и самъ Канкринъ признаетъ, что онъ въ качествѣ министра финансовъ старался только развить и дополнить начала, положенныя въ основаніе этой записки. Трудно сомнѣваться, что авторомъ ея былъ самъ Канкринъ и что вообще высокій тарифъ 1822 г. является дѣломъ по-преимуществу рукъ Канкрина. Слѣдовательно и отвѣтственность за этотъ тарифъ должна быть возложена на него.

Канкринъ и въ прежнее время, и до сихъ поръ осуждается одними и восхваляется другими за его протекціонизмъ. Пишущій эти строки—горячій приверженецъ свободы торговли и втеченіи двадцати лѣтъ защищалъ ее по мѣрѣ силъ въ нашей печати. Мы упоминаемъ объ этомъ, чтобы предупредить всякія нежелательныя недоразумѣнія въ смыслѣ пристрастія къ торговой политикѣ Канкрина. Но мы думаемъ, что наши фритредеры произносятъ надъ нимъ слишкомъ строгій приговоръ, усматривая въ его протекціонизмѣ недостаточное знакомство съ экономической наукой, приверженность къ рутинѣ и т. д. Когда Канкринъ проходилъ университетскій курсъ, идеи Адама Смита были еще мало распространены въ Германіи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія меркантильная школа имѣла громкихъ представителей въ экономической наукѣ; мало того, это направленіе возродилось съ необычайнымъ блескомъ и силою въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ въ лицѣ такого замѣчательнаго экономиста, какимъ былъ Листъ. Не забудемъ кромѣ того, что и въ настоящее время большинство государственныхъ людей въ Европѣ придерживаются не фритредерскихъ, а протекціонныхъ началъ, и что по большей части тѣ экономисты, которые дѣйствуютъ не только въ кабинетѣ, но и въ самой жизни, болѣе или менѣе склоняются въ сторону протекціонизма. Поэтому намъ кажется, что упрекать Канкрина въ его научной *отсталости* за то, что онъ придерживался протекціонныхъ началъ, по меньшей мѣрѣ несправедливо.

Съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду, что результаты либеральнаго тарифа 1819 г. оказались на первый разъ для Россіи невыгодными. Въ 1820 г. наши торговые обороты возросли; но въ слѣдующемъ уже году они значительно понизились, и такое же пониженіе произошло въ 1822 г., а въ 1823 наши внѣшніе торговые обороты, не смотря на высокій покровительственный тарифъ, начали снова увеличиваться. Такимъ образомъ научныя начала, воспринятыя Канкринымъ въ молодости, впечатлѣнія, вынесенныя имъ въ раннемъ періодѣ дѣтства на родинѣ въ Ганау, гдѣ населеніе процвѣтало, благодаря мануфактурной промышленности, его позднѣйшія размышленія надъ экономическими вопросами, направленныя къ облегченію участи народныхъ массъ и нашедшія себѣ выраженіе въ его книгѣ о «Міровомъ богатствѣ», наконецъ опытъ, вынесенный имъ въ первые годы его управленія министерствомъ финансовъ,—все это соединилось, чтобы укрѣпить его въ протекціонныхъ началахъ.

Канкринъ былъ по-преимуществу умъ практическій. Отдаленное будущее его занимало меньше, чѣмъ требованія данной минуты. Когда рѣчь касалась будущаго, онъ, думая о судьбѣ горячо имъ любимаго русскаго народа, представлялъ себѣ Россію, пересѣченною во всѣхъ направленіяхъ желѣзными дорогами, пользующеюся благами свободнаго торговаго обмѣна со всѣми народами, но тѣмъ не менѣе онъ на практикѣ ничего не дѣлалъ для достиженія этой цѣли. Напротивъ, онъ энергично возставалъ противъ свободы торговли, а впослѣдствіи—и противъ желѣзныхъ дорогъ. Однако это не было противорѣчіемъ, это не было недомысліемъ слабаго ума. Когда онъ возставалъ противъ свободы торговли, онъ руководствовался опасеніемъ, что невѣжественный, неподготовленный къ промышленной борьбѣ русскій народъ станетъ жертвою народовъ, болѣе искушенныхъ въ этой отрасли борьбы за существованіе. Когда онъ впослѣдствіи возставалъ противъ желѣзныхъ дорогъ, его страшила мысль о громадныхъ капиталахъ, которые придется затратить на ихъ сооруженіе, о непосильномъ бремени процентовъ, которое придется нести русскому народу; его страшила и мысль, что эти громадныя издержки будутъ на первый разъ отчасти непроизводительны, потому что громоздкое русское сырье не представляетъ собою удобнаго груза для перевозки по рельсовымъ путямъ. Тутъ съ Канкринымъ повторилось то же, что и въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ: будучи страстнымъ сторонникомъ освобожденія, онъ предложилъ программу, которая его от-

срочивала на многія десятилѣтія. Онъ думалъ, что быстрое рѣшеніе этой грандіозной реформы можетъ нанести самому народу во многихъ отношеніяхъ большой экономическій вредъ.

Можно ли однако утверждать, что Канкринъ не сознавалъ и опасности защищаемаго имъ протекціонизма? Внимательное чтеніе его трудовъ не позволяетъ намъ отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Канкринъ видѣлъ, что всѣ народы, не исключая и англійскаго, придерживаются на практикѣ охранительной системы. Не слѣдуетъ забывать, что какъ въ концѣ прошлаго столѣтія, такъ и въ концѣ нынѣшняго, Англія занимала первенствующее, почти исключительное положеніе въ нашей внѣшней торговлѣ: всѣ товары, которые мы выписывали изъ-за границы, были англійскіе; Англіи же мы продавали почти исключительно наше сырье. Континентальная система, къ которой мы примкнули въ угоду Наполеону I, нанесла большой вредъ нашему народному благосостоянію, такъ что императоръ Александръ I вынужденъ былъ въ 1809 г. облегчить нашу внѣшнюю торговлю, открывъ архангельскій, рижскій, ревельскій и петербургскій порты для всѣхъ товаровъ, доставляемыхъ моремъ изъ «Тенерифа». Это было въ сущности полнымъ нарушеніемъ континентальной системы, потому что англійскіе корабли, прибывавшіе къ намъ подъ флагомъ Тенерифа, привозили намъ иностранные товары и увозили наши. Пострадавъ такъ сильно отъ континентальной системы, Россія охотно усвоила себѣ либеральную теорію извѣстнаго экономиста Шторха, горячаго послѣдователя Смита, и своими тарифами, особенно въ 1817 и 1819 гг., открыла иностраннымъ товарамъ почти свободный доступъ въ предѣлы Россіи.

Но тѣмъ временемъ другія страны одумались,—одумалась и сама Англія. Ея товары имѣли свободный доступъ въ Россію, а наши товары не допускались въ Англію. Такимъ образомъ и нашей, еле зарождавшейся, промышленности, и нашему земледѣлію былъ нанесенъ чувствительный ударъ, и тарифъ 24-го марта 1822 г. какъ бы послужилъ признаніемъ совершенной нами при данныхъ обстоятельствахъ ошибки.

Канкринъ придерживался въ международныхъ торговыхъ отношеніяхъ дарвиновскаго принципа о борьбѣ за существованіе, въ которой погибаетъ всегда слабый. Онъ думалъ защитить русскій народъ, вступая въ рѣшительную таможенную борьбу съ тѣми, кто въ силахъ и намѣренъ его эксплоатировать. Но въ то же время

онъ утверждалъ, что эта цѣль не будетъ достигнута запретительными или чрезмѣрно-высокими пошлинами.

«Если,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ:—подобными пошлинами имѣется въ виду поднять отечественное мануфактурное производство, то этотъ взглядъ ошибоченъ: съ одной стороны, предоставляя фабрикамъ *монополію*, онѣ *остановятъ* успѣхи промышленности; съ другой—онѣ заставятъ одну часть народа платить чрезмѣрныя цѣны, слѣдовательно *обезсилятъ* многія отрасли производства и возложатъ на народъ *жертвы*, которыя могли бы найти себѣ лучшее примѣненіе».

Такимъ образомъ мы видимъ, что Канкринъ вовсе не былъ такимъ ярымъ протекціонистомъ, какимъ его обыкновенно у насъ выставляютъ. Оцѣнку его экономической системы мы постараемся сдѣлать однако въ другомъ мѣстѣ, а тутъ мы хотѣли только выяснить тѣ соображенія, которыми онъ руководствовался въ своей дѣятельности, направленной къ огражденію внѣшнихъ торговыхъ интересовъ Россіи, въ первое время управленія министерствомъ финансовъ.

IV.

Канкринъ возстанавливаетъ откупа.—Его взглядъ на питейный доходъ.—«Маркія» дѣла.—Недовѣріе Канкрина къ чиновничеству, дворянству, крестьянству.—Канкринъ и Сперанскій.—Донесеніе директора канцеляріи III отдѣленія.—Дѣятельная, но безуспѣшная интрига.

Кромѣ вопроса объ установленіи правильной торговой политики, Канкрину пришлось рѣшать еще и другіе вопросы первостепенной государственной важности, именно урегулированіе питейнаго дохода и возстановленіе цѣнности ассигнаціоннаго рубля.

Что касается до второго вопроса, то Канкринъ не чувствовалъ себя въ силахъ рѣшить его немедленно и полагалъ, что онъ вообще долженъ быть рѣшенъ лишь съ соблюденіемъ необходимой осторожности. Заключеніе займовъ для изъятія изъ обращенія излишнихъ бумажныхъ денегъ онъ признавалъ мѣрою совершенно несостоятельною: онъ рѣшительно возставалъ противъ превращенія безпроцентнаго долга въ долгъ процентный, т. е. противъ отягощенія народа тяжелымъ бременемъ, которое было бы на него наложено въ случаѣ, еслибы ему ежегодно пришлось уплачивать проценты по громадному долгу, заключенному для погашенія ассигнацій. Равнымъ образомъ онъ признавалъ нецѣлесообразнымъ погашать ассиг-

націи, удѣляя извѣстную часть государственныхъ доходовъ на эту цѣль. Онъ былъ убѣжденъ, что цѣлесообразнѣе всего не приносить новыхъ жертвъ для погашенія излишка бумажныхъ денегъ, но съ другой стороны строго избѣгать новыхъ выпусковъ. Эта система *въ его рукахъ* дѣйствительно оказалась цѣлесообразною. Не смотря на войны, неурожаи, разныя народныя бѣдствія вродѣ голода и холеры, онъ втеченіи семнадцати слишкомъ лѣтъ не выпустилъ ни одного бумажнаго рубля и этимъ достигъ того существеннаго результата, что фиксировалъ курсъ нашихъ ассигнацій: съ момента его вступленія въ министерство до постепеннаго извлеченія ассигнацій изъ обращенія онѣ держались на одномъ уровнѣ, т. е. за ассигнаціонный рубль платили 25—27 коп. сер. Предупреждалъ же онъ новые выпуски образованіемъ значительныхъ сбереженій на случай непредвидѣнныхъ расходовъ: такъ, уже въ 1825 г. у него былъ накопленъ военный фондъ въ 120 милл. рублей.

Однако Канкринъ былъ сильнѣйшимъ образомъ озабоченъ отсутствіемъ у насъ твердой денежной единицы, путавшимъ всѣ разсчеты и отражавшимся чрезвычайно тяжело на благосостояніи народа. Поэтому онъ задумалъ цѣлый планъ возстановленія денежной единицы, но планъ этотъ долженъ былъ осуществиться лишь постепенно по мѣрѣ благопріятныхъ для этого обстоятельствъ. Какъ извѣстно, онъ достигъ въ этомъ отношеніи блестящаго результата, но уже въ концѣ своей дѣятельности.

Другой вопросъ первостепенной государственной важности не допускалъ однако отлагательства. Это былъ вопросъ объ урегулированіи питейнаго дохода. Канкринъ, какъ извѣстно, возстановилъ откупную систему, и это ставится ему въ грѣхъ. Мы и тутъ пока воздержимся отъ оцѣнки этого мѣропріятія и постараемся только выяснить тѣ мотивы, которые заставили его, не смотря на горячую защиту народныхъ интересовъ, возстановить систему, прямо клонившуюся повидимому къ нарушенію народной пользы.

Когда Канкринъ въ 1838 г. былъ приглашенъ преподавать финансы наслѣднику престола, будущему императору Александру II, онъ началъ лекцію о питейномъ доходѣ, напомнивъ своему ученику слова царя Алексѣя Михайловича, который еще въ 1564 г. рѣшительно осудилъ откупную систему и провозгласилъ откупщиковъ врагами Бога и людей. Въ своихъ экономическихъ трудахъ и путевыхъ наброскахъ онъ постоянно возвращается къ этому вопросу и высказываетъ ту мысль, что облагать налогомъ народный порокъ *безнравственно*. Когда же въ государственномъ совѣтѣ на него на-

кинулись за намѣреніе возстановить откупную систему, Канкринъ возразилъ: «Я согласенъ съ вами, батушки (любимое его словечко); я брошу откупа, но укажите мнѣ, чѣмъ ихъ замѣнить, дайте мнѣ другой, равный источникъ дохода».

Словомъ, Канкринъ, какъ просвѣщенный дѣятель, чрезвычайно чуткій къ народнымъ интересамъ, понималъ весь вредъ и даже безнравственность питейнаго дохода и тѣмъ не менѣе возстановилъ его въ наиболѣе повидимому несостоятельной его формѣ. Чѣмъ это объяснить?

Представимъ разсужденія самого Канкрина. Въ 1826 г. онъ повергъ на высочайшее усмотрѣніе записку, въ которой обстоятельно изучаетъ различныя системы и приходитъ къ выводу, что между всѣми откупная—наиболѣе цѣлесообразная въ данное время. Впрочемъ онъ въ этой запискѣ мало останавливается на вынесенномъ нами опытѣ; онъ только сопоставляетъ разныя системы, дѣйствующія въ Европѣ.

Между тѣмъ не далѣе, какъ за семь лѣтъ до возстановленія Канкринымъ откуповъ, откупная система была у насъ отмѣнена и было введено казенное управленіе, главнымъ образомъ вслѣдствіе встрѣтившихся затрудненій при разсчетахъ съ откупщиками. Въ 1819 г. было введено казенное управленіе, и оно дало сначала блестящіе результаты, но вскорѣ доходы понизились на 40%, и кромѣ того по общему отзыву пьянство усилилось въ народѣ въ тревожныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ казенное управленіе оказалось хуже откуповъ.

Предпославъ эту историческую справку, мы обращаемся къ соображеніямъ самого Канкрина. Онъ исходитъ изъ той мысли, что прежде всего надо позаботиться во-первыхъ объ уменьшеніи въ народѣ пьянства (до одной чарки въ день), а во-вторыхъ оградить чиновниковъ противъ постояннаго искушенія. Замѣтимъ кромѣ того, что онъ въ своихъ соображеніяхъ постоянно ссылается на мнѣніе «публики», приписывающей развитіе пьянства среди народа и дешевизну хлѣба именно отмѣнѣ откуповъ. Въ устахъ Канкрина эта ссылка на мнѣніе публики имѣетъ немаловажное значеніе. Я указывалъ уже, съ какимъ вниманіемъ Канкринъ относился къ просителямъ: онъ ихъ принималъ не только въ будни, но и по праздничнымъ днямъ, отрываясь часто даже отъ серьезныхъ работъ, чтобы выслушивать ихъ. Особенно онъ любилъ бесѣдовать съ дѣловыми людьми, съ купцами, крестьянами. Лицъ, къ нему приближенныхъ, удивлялъ тотъ фактъ, что самыя интересныя для него

бесѣды онъ повидимому велъ именно съ людьми, общества которыхъ обыкновенно избѣгаютъ образованные классы. Кромѣ того я упоминалъ уже, что Канкринъ въ молодости состоялъ бухгалтеромъ у откупщика и до конца десятыхъ годовъ много путешествовалъ по Россіи и исполнялъ такія порученія, велъ такія дѣла, которыя дали ему возможность изучить нашъ народъ. Поэтому его ссылка на «публику» насъ убѣждаетъ, что онъ въ своихъ соображеніяхъ руководствовался не только своимъ субъективнымъ мнѣніемъ, но и мнѣніемъ многочисленныхъ лицъ, которыя на практикѣ имѣли возможность наблюдать сравнительныя достоинства откупной системы и казеннаго управленія.

Онъ отмѣчаетъ общее нерасположеніе къ казенному управленію.

«Нынѣ,—говоритъ онъ:—публика полагаетъ, что возобновленіемъ откуповъ оживилась бы внутренняя промышленность; многіе могли бы поправить разстроенное свое состояніе законнымъ образомъ; корчемство уменьшилось бы надзоромъ откупщиковъ; вредный классъ винопродавцевъ, поглощающій вмѣстѣ съ чиновниками вѣроятно *до 24 милл. р. въ годъ*, уничтожился бы; тогда какъ прибытки откупщиковъ всегда были умѣренные и доставались въ руки, могущія употребить капиталы свои съ лучшею пользою». (Невольно тутъ вспоминается Гоголь, также прекрасно изучившій русскую народную жизнь и пытавшійся двадцать лѣтъ спустя выставить въ лицѣ Муразова, т. е. откупщика, одинъ изъ немногочисленныхъ положительныхъ типовъ, встрѣчающихся въ его безсмертныхъ произведеніяхъ.)

Затѣмъ Канкринъ однако оговаривается и высказываетъ и тутъ ту мысль, что «желательнѣе всего было бы замѣнить питейный сборъ другими налогами, но что ни одинъ изъ нихъ не можетъ дать столько, сколько даетъ казнѣ питейный доходъ, а увеличеніе существующихъ налоговъ можетъ вызвать большія неудовольствія».

Каковы же, по мнѣнію Канкрина, сравнительныя достоинства разныхъ питейныхъ системъ?

«Извѣстно,—говоритъ онъ:—что значитъ акцизъ въ Англіи, соединенныя пошлины во Франціи, бывшій въ Пруссіи акцизъ и подобныя финансовыя учрежденія въ другихъ земляхъ: они почитаются величайшимъ, но неизбѣжнымъ зломъ, и къ сожалѣнію сказать должно, что финансы вообще и вездѣ не малою частью основаны на такихъ доходахъ, кои въ существѣ своемъ тягостны, неблаговидны и сопряжены съ непріятнымъ фискальствомъ, коимъ бы лучше не быть, но безъ коихъ нельзя обходиться при необходимости столь огромныхъ расходовъ, коихъ нынѣ требуетъ существованіе государствъ. Таково несовершенство дѣлъ человѣческихъ».

Останавливаясь на замѣнѣ казеннаго управленія акцизомъ, Канкринъ признаетъ необходимымъ «учредить повсемѣстно вольную

продажу вина и оставить этотъ промыселъ совершенно свободнымъ и неограниченнымъ, безъ чего не можетъ быть акциза, и учредить акцизное управленіе». Но эта система пугаетъ Канкрина. Онъ предвидитъ, что пьянство въ народѣ страшно усилится и что всѣ помѣщики начнутъ заниматься «шинкарствомъ». Кромѣ того онъ склоненъ думать, что потребуется громадный штатъ чиновниковъ для контроля за свободнымъ промысломъ и что тѣмъ не менѣе доходы государства сократятся, потому что чиновники не въ состояніи будутъ противостоять искушенію брать взятки. Такимъ образомъ ему эта система представляется пагубною во всѣхъ отношеніяхъ: въ народѣ она разовьетъ пьянство, въ помѣщикахъ—безнравственность, въ чиновничествѣ—взяточничество, и въ концѣ концовъ приведетъ еще къ сокращенію доходовъ государства, т. е. помѣшаетъ достиженію той главной цѣли, ради которой устанавливается безнравственный питейный доходъ.

Существуетъ еще одна система, т. е. «гуртовой платежъ по губерніямъ, состоящій въ раскладкѣ настоящаго питейнаго дохода на губерніи и въ обращеніи его изъ косвеннаго налога въ прямой». Эту систему Канкринъ также отвергаетъ во-первыхъ вслѣдствіе трудности справедливой раскладки, а во-вторыхъ потому, что въ случаѣ введенія этой системы дѣло пришлось бы поручить дворянству, а это признается имъ неудобнымъ.

«Если,—говоритъ онъ:—дворянское управленіе почитается лучше казеннаго, то сіе происходитъ именно оттого, что на оное не возложены *затруднительныя, интереспыя и маркія дѣла.* Люди всегда одинаковаго свойства; названіями никто не поправляется, и нерѣдко случалось, что предводители просились въ вице-губернаторы. Это—черта нравовъ».

Послѣднія слова требуютъ поясненія. Вице-губернаторы тогда завѣдывали питейными сборами при казенныхъ палатахъ. Однажды еще при императорѣ Александрѣ I съѣхались въ Петербургъ до двадцати губернаторовъ, чтб обратило на себя вниманіе Государя. Тогдашній знаменитый каламбуристъ, А. Л. Нарышкинъ, замѣтилъ по этому поводу: «Я хорошо знаю, отчего всѣ эти губернаторы пріѣхали въ столицу».—Зачѣмъ же?—спросилъ Государь.—«Всеподданѣйше просить Ваше императорское величество обратить ихъ изъ губернаторовъ въ вице-губернаторовъ». Дѣйствительно, мѣсто вице-губернатора считалось до того доходнымъ, что отъ кандидатовъ на нихъ не было отбою. Когда Канкринъ вступилъ въ должность, многіе вице-губернаторы слетѣли и были замѣнены дѣяте-

лями, лично извѣстными Канкрину своею честностью. Но случалось конечно, что и онъ ошибался, что и его выборъ оказывался неудачнымъ. Такъ, Канкринъ назначилъ вице-губернаторомъ извѣстнаго нашего баснописца и журналиста Измайлова. Тотъ однако угодилъ подъ судъ и умеръ въ нищетѣ. Съ тѣхъ поръ Канкринъ, назначая кого нибудь въ вице-губернаторы, обыкновенно спрашивалъ его: «Фи, батушка, стиховъ не пишете?»

Но мы отвлеклись отъ основного содержанія записки Канкрина. Если спросить себя, почему онъ высказывался и противъ акцизной системы, и противъ казеннаго управленія, и противъ гуртового платежа по губерніямъ, то отвѣтъ можетъ быть только одинъ: въ его душѣ гнѣздилось глубокое недовѣріе къ чиновникамъ, къ дворянамъ и къ народу. Онъ не вѣрилъ въ честность чиновниковъ, въ нравственную стойкость дворянъ, въ воздержность крестьянъ. Онъ зналъ, что какую бы систему ни ввести, все равно она послужитъ источникомъ безконечныхъ злоупотребленій, продажности, лихоимства. Онъ спрашивалъ себя только,—какая система болѣе всего ограждаетъ съ одной стороны народъ, съ другой чиновничество и дворянство. Ему хотѣлось оберечь послѣднихъ отъ «интересныхъ и маркихъ дѣлъ»,—какъ онъ выражался, вѣчно «сражаясь съ русскимъ языкомъ, не зная оный фундаментально», но высказывая на своемъ «штилѣ» иногда очень глубокія мысли. Возстанавливая откупную систему, онъ несомнѣнно оберегъ до извѣстной степени чиновниковъ и дворянъ отъ «маркихъ дѣлъ». Но оградилъ ли онъ крестьянъ отъ распространенія пьянства? Многіе утверждаютъ, что съ отмѣною откуповъ пьянство въ нашемъ народѣ увеличилось: на это указываетъ громадное возрастаніе питейнаго дохода. Но мы здѣсь не вдаемся въ оцѣнку откупной системы, — мы хотѣли только указать на тѣ мотивы, которые заставили Канкрина предпочесть ее другимъ системамъ. Отмѣтимъ еще, что въ то время результаты акцизной системы не выяснились настолько, какъ теперь, что осторожный Канкринъ всегда предпочиталъ извѣстное неизвѣстному, и что наконецъ при немъ откупная система не могла давать такихъ печальныхъ результатовъ, какъ впослѣдствіи, особенно же во время и послѣ крымской войны, когда она вызвала противъ себя общее нареканіе и сдѣлалась крайне непопулярной. Канкринъ умѣлъ держать откупщиковъ въ рукахъ; онъ внимательнѣйшимъ образомъ слѣдилъ за ними и, гдѣ только проявлялись злоупотребленія съ ихъ стороны, онъ поступалъ съ ними очень строго. Понятно, что,

только благодаря такому безпощадному контролю, откупная система при Канкринѣ могла до извѣстной степени пользоваться сочувствіемъ общественнаго мнѣнія или, какъ выражался нашъ министръ финансовъ, «публики».

Но тѣмъ не менѣе въ государственномъ совѣтѣ на Канкрина сильно косились вслѣдствіе возстановленія имъ откуповъ. Его финансовыя мѣропріятія встрѣчали оппозицію съ двухъ сторонъ. Возставали противъ нихъ во-первыхъ тогдашніе западники, которые ставили себѣ въ образецъ Англію съ ея государственными порядками. Во главѣ этой партіи находился извѣстный Мордвиновъ, женатый на англичанкѣ и очень склонный переносить англійскіе порядки въ Россію. Надо однако въ то же время замѣтить, что другіе видные дѣятели, не менѣе дорожившіе опытомъ болѣе цивилизованныхъ народовъ, въ томъ числѣ главнымъ образомъ Сперанскій, не вступали съ Канкринымъ въ оппозицію, а напротивъ высоко цѣнили его государственную дѣятельность. Отношенія между Канкринымъ и Сперанскимъ были всегда прекрасныя, и взгляды этихъ двухъ дѣятелей по всѣмъ государственнымъ вопросамъ того времени болѣе или менѣе совпадали. Намъ извѣстенъ только одинъ случай кратковременнаго столкновенія между ними, вызваннаго реформою мѣстнаго управленія. На составленный Сперанскимъ въ 1826 г. «проектъ учрежденія для управленія губерніи» Канкринъ сдѣлалъ довольно существенныя замѣчанія, которыя вызвали раздраженную реплику со стороны Сперанскаго. Разногласіе обусловливалось преимущественно тѣмъ, что Канкринъ опасался усложненія губернскаго дѣлопроизводства, а слѣдовательно канцелярщины и формалистики, противъ которыхъ онъ боролся всю свою жизнь. Правда, рѣзкая и прямая натура Канкрина составляла противоположность съ мягкими и уклончивыми пріемами Сперанскаго, — послѣдствіе пережитыхъ имъ невзгодъ. Поэтому Канкринъ иногда называлъ Сперанскаго «старымъ иппократомъ», но его уваженіе къ Сперанскому выражалось въ томъ фактѣ, что онъ не принималъ ни одной существенной мѣры, не подвергнувъ ее предварительному разсмотрѣнію Сперанскаго и очень внимательно относясь къ его возраженіямъ и замѣчаніямъ. Поэтому неудивительно, что біографъ Сперанскаго, Корфъ, столь высоко ставящій его государственныя заслуги, въ то же время говоритъ о «геніальной даровитости» Канкрина и отмѣчаетъ тотъ фактъ, что, если послѣ николаевскихъ временъ настала эпоха великихъ реформъ, то въ значительной степени

благодаря вліянію трехъ дѣятелей: Жуковскаго, Сперанскаго и Канкрина, умѣвшихъ въ качествѣ преподавателей наслѣдника престола, каждый въ свой сферѣ, внушить будущему монарху просвѣщенные и глубокіе взгляды на управленіе страною.

Какъ бы то ни было, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ существовала партія, которая не одобряла дѣятельности Канкрина. Эта оппозиція происходила со стороны Мордвинова и его сторонниковъ на почвѣ преимущественно теоретической и вызывалась, какъ я уже упомянулъ, желаніемъ поскорѣе пріобщить Россію къ обще-европейской культурѣ. Канкринъ конечно былъ также приверженцемъ западныхъ порядковъ, но его практическій умъ всегда ясно видѣлъ реальныя препятствія, встрѣчаемыя той или другой реформою; онъ сперва подготовлялъ почву для нея, онъ шелъ медленно, но вѣрно. Развивая кипучую дѣятельность, не щадя собственнаго труда и труда своихъ помощниковъ, онъ въ то же время какъ будто шелъ очень медленно впередъ. Мы видѣли уже, какихъ блестящихъ результатовъ онъ добился въ финансовой области; мы дальше увидимъ, что и въ смыслѣ распространенія народнаго образованія онъ сдѣлалъ очень много, но въ другихъ вопросахъ, не менѣе существенныхъ, онъ могъ казаться отсталымъ человѣкомъ, именно вслѣдствіе его крайней, иногда даже быть можетъ чрезмѣрной осторожности. Это создавало ему враговъ, хотя и немногочисленныхъ, но вліятельныхъ.

Съ другой стороны онъ наталкивался на оппозицію иного рода. Онъ страстно, почти фанатично, если въ такомъ дѣлѣ можетъ идти рѣчь о фанатизмѣ, преслѣдовалъ взяточничество, должностныя злоупотребленія, обираніе казны. Прилагая всевозможныя заботы къ тому, чтобы обезпечить матеріальное положеніе чиновниковъ (въ своемъ вѣдомствѣ онъ постепенно увеличилъ ихъ жалованье на 60%), онъ въ то же время энергически преслѣдовалъ всѣ незаконныя средства увеличенія ими своихъ доходовъ. Такимъ образомъ онъ создалъ себѣ много враговъ въ самой администраціи и въ тѣхъ слояхъ общества, которые привыкли прибѣгать къ нечистымъ средствамъ для своихъ нечистыхъ дѣлъ. Особенно среди купечества замѣчалось нерѣдко сильное нерасположеніе къ Канкрину, къ этому «нѣмцу», не понимавшему-де Россіи и губившему ее. Чиновники и купцы подавали другъ другу руки и дружно по временамъ шли противъ нелюбимаго министра финансовъ. Волна надвигалась снизу и захватывала собою тѣ

элементы наверху, которые привыкли смотрѣть на министра финансовъ, какъ на щедраго раздавателя казенныхъ денегъ. Особенно въ началѣ дѣятельности Канкрина, когда еще не убѣдились въ безграничномъ довѣріи, которымъ пользовался Канкринъ у государя, противъ него велась дѣятельная и сильная интрига, впослѣдствіи ослабѣвшая, но тѣмъ не менѣе не унимавшаяся до выхода Канкрина въ отставку. Чтобы иллюстрировать нами сказанное, приведемъ здѣсь отрывки изъ донесеній тогдашняго директора канцеляріи третьяго отдѣленія, М. М. Фока, шефу корпуса жандармовъ, знаменитому Бенкендорфу. Вслѣдствіе событій 14-го декабря 1825 г. возникъ «тайный надзоръ», члены котораго доставляли Фоку свѣдѣнія о настроеніи общества. На основаніи этихъ свѣдѣній и составлялись донесенія Фока, повергавшіяся на усмотрѣніе императора Николая Павловича. Такъ, одинъ изъ корреспондентовъ пишетъ:

„Ничего нѣтъ хуже принятой у насъ финансовой системы... Если Гурьевъ началъ управленіе такъ, что сталъ дѣйствовать противно интересамъ правительства, то Канкринъ постарался увеличить зло, расширивъ пропасть, надъ которой стоятъ наши финансы... Московскіе купцы во всеуслышаніе проклинаютъ Канкрина, говоря, что онъ—причина всѣхъ испытанныхъ ими непріятностей, что Государь обманутъ ложными донесеніями и что спокойствіе до тѣхъ поръ не будетъ возстановлено, пока Канкрина не удалятъ отъ дѣлъ... Настроеніе умовъ удовлетворительно только въ низшихъ сословіяхъ; далеко нельзя того же сказать о высшемъ и среднемъ классѣ населенія. Если послушать, такъ окажется, что задѣты частные интересы нѣкоторыхъ выдающихся личностей. Купечество возстаетъ противъ финансовой системы Канкрина, паденіе котораго, какъ увѣряютъ весьма близкое, не возбудитъ ни въ комъ сожалѣнія... Начинили манифестъ статьями сочиненія министра финансовъ, виды котораго далеко не соотвѣтствуютъ видамъ добраго патріота, что совсѣмъ не политично съ его стороны, такъ какъ онъ и безъ того уже пользуется очень дурной славой въ обществѣ, которое онъ *бравируетъ*, не думая, что это никогда не проходитъ даромъ".

Мы видимъ слѣдовательно, что противъ Канкрина велась очень дѣятельная интрига, но она оказалась безуспѣшною, потому что блестящіе результаты его управленія слишкомъ громко свидѣтельствовали въ его пользу. Полное разстройство финансовъ, вызванное управленіемъ Гурьева, смѣнилось процвѣтаніемъ. Дефицитъ былъ устраненъ уже въ 1824 г.; оскудѣніе казны смѣнилось значительными запасами: у Канкрина всегда были деньги, но расходовать ихъ непроизводительно, безъ крайней надобности, онъ никому не позволялъ; во всѣхъ отрасляхъ государственнаго хозяйства уста-

повился образцовый порядокъ, безконечное обираніе казны было искоренено, государственный кредитъ Россіи достигъ такой устойчивости, такого блеска, что наше отечество могло въ случаѣ надобности занимать на европейскихъ денежныхъ рынкахъ деньги на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, фонды наши цѣнились выше нарицательной ихъ стоимости. Государственный дѣятель, противопоставляющій бездоказательнымъ обвиненіямъ и клеветѣ такіе факты, можетъ относиться равнодушно къ злобѣ и шипѣнью тѣхъ, кому онъ не даетъ наживаться на казенный счетъ. Въ нашей государственной жизни трудно пріискать другой примѣръ такого равнодушнаго отношенія ко всѣмъ интригамъ, какой представляетъ собою Канкринъ. Онъ почти никуда не выѣзжалъ, рѣдко съ кѣмъ встрѣчался внѣ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, никогда не бывалъ въ обществѣ, на балахъ, обѣдахъ, сидѣлъ постоянно за работою въ своемъ кабинетѣ, мало того, безпощадно указывалъ на всякія злоупотребленія, всѣхъ язвилъ своимъ остроуміемъ, своими рѣзкими выходками, его остроты на счетъ глупости, продажности, бездарности передавались изъ устъ въ уста; онъ нажилъ себѣ ими быть можетъ еще болѣе враговъ, чѣмъ своимъ безкорыстіемъ, своею честностью, своею нетерпимостью къ чужимъ грѣхамъ,—и тѣмъ не менѣе онъ твердо держался на своемъ посту, никому не удалось столкнуть его съ «огненнаго стула» русскаго министра финансовъ, какъ онъ самъ выражался, вытѣснить его изъ той отвѣтственной должности, которую онъ занялъ, единственно благодаря своимъ заслугамъ, и которую онъ сохранилъ за собою до окончательнаго истощенія силъ, также только благодаря своимъ заслугамъ.

V.

Просвѣщенный протекціонизмъ Канкрина.—Технологическій и Лѣсной институты. — Заботы Канкрина о распространеніи техническихъ знаній. — Учебныя заведенія, основанныя или преобразованныя имъ.— «Земледѣльческая Газета» и другіе спеціальные органы. — Канкринъ и Гумбольдтъ.—Путешествіе Гумбольдта на Уралъ.

Только благодаря такому настроенію Канкрина, т. е. его глубокой вѣрѣ, что дѣло будетъ говорить само за себя и что всѣ направленныя противъ него интриги окажутся вслѣдствіе этого безуспѣшными, ему удалось посвятить себя всецѣло плодотворному труду, и тамъ, гдѣ другіе государственные люди думали только о

томъ, какъ бы разными искательствами навербовать себѣ побольше сторонниковъ, какъ бы удачнѣе подставить ножку сопернику, онъ, отбросивъ всю эту недостойную игру, думалъ только объ успѣшномъ исполненіи принятыхъ имъ на себя обязанностей. На ряду съ приведеніемъ финансовъ Россіи въ образцовый порядокъ его занималъ еще другой не менѣе, по его мнѣнію, существенный вопросъ. Смолоду онъ привыкъ смотрѣть на мануфактурную промышленность и на горное дѣло, какъ на наиболѣе вѣрные источники благосостоянія страны. Въ какой мѣрѣ этотъ взглядъ на дѣло оправдывался по отношенію къ Россіи — другой вопросъ. Быть можетъ при блестящихъ дарованіяхъ Канкрина дѣятельность его дала бы еще болѣе видные результаты, если бы онъ не былъ такъ исключителенъ въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ, если бы онъ оказалъ такую же просвѣщенную и неусыпную поддержку земледѣлію, какую онъ оказалъ мануфактурной промышленности. Мы этой стороны дѣла тутъ касаться не будемъ; мы остановимся только на результатахъ его заботъ о мануфактурной промышленности Россіи. Въ этомъ отношеніи Канкринъ несомнѣнно заслуживаетъ названія русскаго Кольбера, съ которымъ его связываетъ и однородность экономическихъ воззрѣній. Канкринъ, какъ и Кольберъ, былъ убѣжденнымъ меркантилистомъ. Онъ никогда не сочувствовалъ экономической школѣ Адама Смита. Онъ полагалъ, что воззрѣнія великаго творца политической экономіи, пригодныя для Англіи, будутъ современемъ пригодны и для другихъ странъ, когда тѣ достигнутъ такого же промышленнаго развитія, но что государство, находящееся еще въ младенческомъ состояніи, не можетъ съ пользою придерживаться принциповъ, возвѣщенныхъ англійскимъ экономистомъ. Покровительство отечественной мануфактурной промышленности, всевозможное распространеніе промышленнаго образованія, развитіе горнаго дѣла, успѣшная добыча драгоцѣнныхъ металловъ, — вотъ на что главнымъ образомъ было обращено вниманіе Канкрина. Нельзя сказать, чтобы онъ не заботился о распространеніи земледѣльческихъ успѣховъ. Напротивъ онъ и тутъ проявлялъ изумительную дѣятельность, прилагалъ всевозможныя усилія, чтобы предохранить наши лѣса отъ истребленія, чтобы содѣйствовать распространенію сельско-хозяйственныхъ знаній, но все-таки онъ съ особенною любовью посвящалъ себя дѣлу развитія мануфактурной и горной промышленности, и это его настроеніе ясно проявилось и въ результатахъ его дѣятельности.

Въ трудѣ, въ которомъ онъ изложилъ опытъ, вынесенный имъ

втеченіи сорокалѣтней административной практики, въ «Экономіи человѣческаго общества», встрѣчается слѣдующее мѣсто:

„Ошибаются тѣ, кто думаетъ, что русская фабричная промышленность существуетъ, только благодаря помощи правительства. Промышленность эта сама по себѣ теперь сильна. Вотъ уже двадцать пять лѣтъ, какъ не сдѣлано ни одной важной жертвы для поддержанія отечественныхъ фабрикъ. Ихъ процвѣтаніе было достигнуто другими средствами. Съ 1823 г. приняты всевозможныя мѣры для усовершенствованія русской промышленности. Издаются коммерческая газета и мануфактурный журналъ; за-границею содержатся агенты, чтобы узнавать всѣ новѣйшія открытія и усовершенствованія; заведена правильная выписка узоровъ изъ-за-границы; привлечены въ Россію искусные мастера; учрежденъ мануфактурный совѣтъ съ отдѣленіями и корреспондентами; основаны технологическій институтъ и промышленныя школы; установлены правильная посылка молодыхъ людей за-границу, промышленныя выставки въ Москвѣ и Петербургѣ съ назначеніемъ наградъ и отличій; учреждены безплатныя школы рисованія; изданъ уставъ, улучшающій полицейскій надзоръ за работами, и принято много другихъ мѣръ, о которыхъ я умалчиваю".

Дѣйствительно, этотъ перечень далеко не можетъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, считаться полнымъ; но онъ во всякомъ случаѣ убѣждаетъ, что Канкринъ прекрасно понималъ невозможность создать цвѣтущую фабричную промышленность при помощи однѣхъ таможенныхъ пошлинъ. Въ значительной степени содѣйствовавъ установленію высокаго таможеннаго тарифа 1822 г., онъ втеченіи всей своей дальнѣйшей жизни старался, какъ онъ самъ выражается, усовершенствовать этотъ тарифъ, но не въ смыслѣ его повышенія, а въ смыслѣ устраненія невыгодныхъ его сторонъ. Мы не станемъ перечислять здѣсь всѣ перемѣны, произведенныя въ этомъ отношеніи; мы укажемъ только на одинъ характерный фактъ. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ первопрестольную столицу онъ остановился по своему обыкновенію въ горномъ правленіи на Моховой (нынѣ архивъ министерства народнаго просвѣщенія) и пользовался всякою свободною минутою, чтобы вступать въ общеніе съ разными лицами, которыя могли ему сообщить полезныя свѣдѣнія. Въ Москвѣ онъ, какъ и въ Петербургѣ, работалъ цѣлый день, а когда уставалъ, то надѣвалъ шинель военнаго покроя въ рукава, подпоясывался носовымъ платкомъ, осматривалъ строенія, вникалъ во всѣ мелочи (замѣтимъ кстати, что садъ на дворѣ архива министерства народнаго просвѣщенія также обязанъ ему своимъ возникновеніемъ: онъ указалъ его размѣры и

распланировалъ его самъ), а подъ вечеръ въ столовой принималъ всѣхъ, кто имѣлъ къ нему надобность, причемъ происходили иногда сцены чрезвычайно характерныя. Такъ, г. Селивановъ, передающій эти подробности изъ жизни Канкрина, разсказываетъ, что однажды во время такого пріема онъ при многихъ свидѣтеляхъ назвалъ весьма видное должностное лицо, злоупотребленія котораго незадолго передъ тѣмъ обнаружились, прямо «воромъ». Случилось какъ-то, что дежурнымъ чиновникомъ при горномъ правленіи былъ нѣкто Селивановскій, сынъ извѣстнаго типографщика. Канкринъ вступилъ съ нимъ въ бесѣду и освѣдомился о томъ, какъ идетъ типографское дѣло въ Москвѣ. Селивановскій ему разъяснилъ, что типографское, а вмѣстѣ съ тѣмъ и книжное дѣло сильно тормозятся высокою пошлиною на типографскія краски. Канкринъ промолчалъ, но вскорѣ затѣмъ соотвѣтственная ставка тарифа была значительно уменьшена.

Мы привели этотъ фактъ, чтобы показать, какъ чутко Канкринъ относился къ интересамъ просвѣщенія. И дѣйствительно, стоитъ вспомнить, что онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, чтобы понять, что онъ вовсе не былъ такимъ узкимъ протекціонистомъ, какимъ его обыкновенно изображаютъ. Почти тотчасъ по вступленіи въ должность министра финансовъ онъ началъ разрабатывать планъ учрежденія въ Петербургѣ технологическаго института. Не смотря на трудность и сложность чисто-финансовыхъ его обязанностей, онъ находилъ время обсудить во всѣхъ подробностяхъ будущую организацію этого учебнаго заведенія, которое признавалось, когда оно возникло, иностранными спеціалистами образцовымъ. Цѣль его очень ясно формулирована самимъ Канкринымъ въ одномъ изъ его писемъ къ Гумбольдту, о которыхъ рѣчь у насъ впереди.

„Война,—писалъ онъ знаменитому ученому:—не можетъ удержать меня отъ учрежденія большого практическаго технологическаго института. Россія совсѣмъ не имѣетъ располагающаго средними теоретическими знаніями класса людей, который ей крайне нуженъ въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ труда“.

Такова была основная мысль Канкрина при учрежденіи Технологическаго института. Къ сожалѣнію эта основная цѣль была впослѣдствіи упущена изъ виду, и теорія начала преобладать надъ практикою. Какъ бы то ни было, Канкринъ съ свойственною ему страстностью принялся за осуществленіе своей мысли. Проходилъ рѣдкій день, чтобы онъ не посѣтилъ такъ называемаго волын-

скаго двора, гдѣ было избрано мѣсто для института. Онъ самъ составилъ планъ постройки и внимательнѣйшимъ образомъ слѣдилъ за производствомъ работъ, радуясь, что ему приходится взбираться все выше и выше по лѣсамъ на зданія, пока ихъ не подвели подъ крыши. Въ то время, какъ слава русскаго оружія гремѣла во всей Европѣ, Канкринъ сооружалъ свой Технологическій институтъ и радостно отпраздновалъ день открытія перваго созданнаго имъ большого учебнаго заведенія.

Почти съ такою же любовью занимался онъ и устройствомъ Лѣсного института. Уже въ то время Канкринъ былъ глубоко опечаленъ тѣмъ явленіемъ, что наши лѣса исчезаютъ вслѣдствіе хищническихъ наклонностей и отсутствія правильнаго лѣсного хозяйства. Въ своихъ письмахъ къ Гумбольдту онъ неоднократно сѣтуетъ на это, и если въ Россіи еще въ тридцатыхъ годахъ положено хотя бы только слабое основаніе болѣе нормальнаго лѣсного хозяйства, то несомнѣнно въ значительной степени благодаря просвѣщенной дѣятельности Канкрина. Самъ Канкринъ говорилъ, что время, проведенное имъ въ лѣтніе мѣсяцы въ Лѣсномъ, когда онъ обдумывалъ организацію этого второго своего учебнаго заведенія, было лучшимъ временемъ въ его жизни, потому что организаторскія его способности примѣнялись тутъ къ дѣлу, наиболѣе родственному его душѣ. Однажды въ бесѣдѣ съ другимъ русскимъ дѣятелемъ, трудившимся вмѣстѣ съ нимъ надъ промышленными успѣхами Россіи, онъ замѣтилъ:

— То, что̀ мы совершимъ вмѣстѣ съ вами, останется; другіе мои труды пропадутъ: все, мною накопленное, поглотятъ казармы, крѣпости и пр.... Тяжело завѣдывать финансами, когда они основаны на доходахъ съ пьянства. Я похожу на навознаго жука; я вожусь въ навозѣ, чтобы создать весь этотъ блескъ,—и Канкринъ указалъ на берега Невы.

Но, трудясь надъ созданіемъ Технологическаго института или проживая въ Лѣсномъ, онъ отдыхалъ душою. Тамъ, въ своемъ Канкринополѣ, по выраженію Плетнева, онъ обдумывалъ программу реорганизованнаго имъ Лѣсного института, проектировалъ необходимыя каѳедры, наблюдалъ за постройками,—и вокругъ него всѣ окрестности оживали. Прежде трудно было проѣхать въ Лѣсной,—Канкринъ провелъ къ нему прекрасную дорогу и съ необычайною заботливостью, съ бо́льшою любовью далъ жизнь этому второму своему дѣтищу.

Мѣсто не позволяетъ намъ подробно выяснить, какъ онъ по-

степенно задумывалъ и осуществлялъ все новыя учебныя заведенія. Но мы не можемъ не представить здѣсь по крайней мѣрѣ списка тѣхъ заведеній, которыя обязаны ему своимъ возникновеніемъ или благоустройствомъ и процвѣтаніемъ. Такъ, кромѣ Технологическаго института, созданнаго имъ, и Лѣсного института, также почти имъ созданнаго, потому что до Канкрина онъ представлялъ лишь намекъ на учебное заведеніе съ своимъ развалившимся зданіемъ, безъ профессоровъ и вообще сколько нибудь дѣльныхъ преподавателей, Горнаго института, Горыгорѣцкаго земледѣльческаго института, коммерческаго училища, мы назовемъ: воскресныя рисовальныя школы въ Петербургѣ и въ Москвѣ, рисовальную школу для приходящихъ при Академіи художествъ съ отдѣленіями для дѣвицъ и съ гальванопластическимъ отдѣленіемъ (однимъ изъ первыхъ въ Европѣ), рисовальные классы при гимназіяхъ, третью Московскую гимназію съ техническимъ отдѣленіемъ и такія же отдѣленія при нѣкоторыхъ губернскихъ гимназіяхъ, техническія горныя школы, школы торговаго мореходства въ Петербургѣ и Херсонѣ, мореходные классы въ Архангельскѣ и Кеми, публичныя лекціи, посвященныя успѣхамъ промышленности при всѣхъ нашихъ университетахъ,—словомъ, Канкринъ проявилъ изумительную дѣятельность, направленную къ распространенію техническихъ знаній въ нашемъ отечествѣ, и намъ нечего пояснять, въ какомъ просвѣщенномъ духѣ онъ дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи. Всѣ новѣйшія усовершенствованія примѣнялись къ дѣлу. Такъ напримѣръ, учрежденная имъ при Академіи художествъ рисовальная школа для приходящихъ (впослѣдствіи довѣренная обществу поощренія художествъ) была обставлена всѣми необходимыми принадлежностями для обученія рисованію и другимъ искусствамъ, имѣющимъ связь съ рисованіемъ, какъ-то: лѣпка, гравированіе на мѣди и на деревѣ, гальванопластика, составлявшая тогда совершенную новинку. Мало того, Канкринъ понялъ, какую важную роль въ дѣлѣ быстрыхъ успѣховъ промышленности можетъ играть женщина, и поэтому открываетъ при школѣ и отдѣленіе для дѣвушекъ. Это было еще болѣе существеннымъ нововведеніемъ. Отмѣтимъ кстати, что Канкринъ, учреждая не мало школъ въ нашихъ горнозаводскихъ округахъ, вездѣ также открывалъ отдѣленія для дѣвушекъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ полное право причислить Канкрина къ ревнителямъ женскаго образованія и расширенія сферъ женскаго труда. Но, возвращаясь къ учрежденнымъ или преобразованнымъ имъ многочисленнымъ учебнымъ заведеніямъ, мы должны

еще сказать, что Канкринъ, такъ тщательно оберегавшій казенную копѣйку, никогда не скупился на нихъ и, отказывая въ деньгахъ на другіе расходы, всегда находилъ средства для расширенія и усовершенствованія своихъ любимыхъ разсадниковъ техническихъ знаній. Поневолѣ тутъ вспомнишь слова, которыми онъ отвѣчалъ на упреки въ скупости: «Да, батушка, я—скряга на все, что не нужно».

Но не только путемъ учебныхъ заведеній онъ старался распространять техническія знанія. Все, что вело къ этой цѣли, находило въ немъ самую горячую поддержку. Мы видѣли уже, что онъ постоянно содержалъ агентовъ за-границею, чтобы слѣдить за всѣми успѣхами промышленности, постоянно посылалъ молодыхъ людей въ другія страны для усовершенствованія въ наукахъ, выписывалъ изъ-за границы искусныхъ мастеровъ для обученія и подготовленія у насъ техниковъ, устраивалъ выставки для соревнованія между фабрикантами,—словомъ, пускалъ въ ходъ всѣ средства, чтобы двинуть русскую промышленность. Въ этихъ же видахъ онъ постоянно издавалъ разныя сочиненія оригинальныя и переводныя и, не ограничиваясь этимъ, позаботился объ основаніи журналовъ и газетъ, въ которыхъ самъ дѣятельно сотрудничалъ, не смотря на другія сложныя свои обязанности. Благодаря его иниціативѣ, подъ его руководствомъ и съ пособіемъ отъ казны издавалась «Земледѣльческая Газета», которую онъ часто обогащалъ своими статьями; между ними были такія замѣчательныя, какъ статья о раздѣленіи Россіи на поясы по климату и произведеніямъ, составившая цѣлое событіе въ нашей сельско-хозяйственной литературѣ и обратившая на себя вниманіе во всей Европѣ. Канкринъ распорядился, чтобы годовое изданіе «Земледѣльческой Газеты» обходилось не дороже рубля. Онъ желалъ распространить ее между всѣми, кто только умѣлъ читать. Редакторомъ ея онъ назначилъ бывшаго директора царскосельскаго лицея, Энгельгардта, человѣка прекрасно усвоившаго себѣ сельско-хозяйственные вопросы, и Канкринъ добился того, что въ числѣ корреспондентовъ газеты было не мало крестьянъ, которые сообщали о результатахъ своихъ практическихъ опытовъ по сельскому хозяйству. Не забудемъ, что это происходило въ тридцатыхъ годахъ, когда просвѣщеніе у насъ было еще такъ мало развито. Фактъ этотъ интересенъ и въ другомъ отношеніи: онъ показываетъ, что Канкринъ заботился не только о мануфактурной промышленности, но старался двинуть и земледѣльческую, и если сдѣлалъ въ этомъ отношеніи сравнительно мало, то отчасти и потому, что сознавалъ безплодность своихъ усилій, пока глав-

ный тормазъ развитія земледѣлія,—крѣпостное право,—не будетъ устраненъ. А какъ его заботилъ этотъ вопросъ, видно изъ одного мѣста его дневниковъ, гдѣ онъ съ горечью сознается, что не могъ ничего сдѣлать въ этомъ направленіи, потому что «одинъ въ полѣ — не воинъ». «Я старался сдѣлать изъ русскаго крестьянина,—говоритъ онъ,—по крайней мѣрѣ наслѣдственнаго арендатора, но было слишкомъ рано: отдѣльный человѣкъ не можетъ совершить такое дѣло».

Что касается до торговли, промышленности и горнозаводства, то само собою разумѣется, что онъ горячо поощрялъ всѣ изданія, поставившія себѣ цѣлью содѣйствовать ихъ успѣху. «Коммерческая Газета», «Горный Журналъ» и другія однородныя изданія были имъ основаны или пользовались постоянной его поддержкой. По его иниціативѣ появлялись на русскомъ языкѣ извлеченія изъ лучшихъ статей заграничныхъ журналовъ. Онъ не скупился и на средства для поощренія иностранныхъ изданій, разрабатывавшихъ вопросы, интересные съ точки зрѣнія успѣховъ промышленности въ Россіи. И тутъ, какъ почти вездѣ, онъ проявлялъ широкій взглядъ, вполнѣ сознавая, что промышленные успѣхи зависятъ отъ успѣховъ науки вообще и въ особенности отъ успѣховъ естественныхъ наукъ. Съ этой точки зрѣнія мы поймемъ, почему между Канкринымъ и знаменитымъ Александромъ Гумбольдтомъ завязались такія тѣсныя дружественныя отношенія.

Въ двадцатыхъ годахъ у насъ возникла мысль воспользоваться платиною, какъ драгоцѣннымъ металломъ для изготовленія монеты. Кажется, мысль эта принадлежитъ самому Канкрину. Онъ рѣшилъ обратиться къ Гумбольдту, чтобы заручиться опытомъ, который вынесъ послѣдній изъ своего путешествія въ центральную Америку, гдѣ уже раньше былъ найденъ этотъ металлъ. Въ отвѣтномъ письмѣ на запросъ Канкрина Гумбольдтъ между прочимъ упомянулъ о томъ, что можетъ быть ему когда-нибудь удастся посѣтить Уралъ, такъ какъ «быть въ Тобольскѣ составляетъ мечту его ранней молодости». Какъ только Канкринъ получилъ это письмо, онъ съ чисто-юношескимъ жаромъ поспѣшилъ къ Николаю Павловичу и въ восторженныхъ выраженіяхъ сталъ его упрашивать оказать покровительство Гумбольдту и принять расходы по его путешествію на казенный счетъ. Скупость Канкрина проявилась и тутъ въ нѣсколько неожиданномъ свѣтѣ. Государь согласился, и нужно прочесть письма Канкрина къ Гумбольдту, чтобы понять, съ какой горячностью онъ принялся за устройство этого дѣла. Тутъ вполнѣ выразилась не только его преданность наукѣ, но и горя-

чее желаніе воспользоваться знаніями и опытомъ Гумбольдта на благо Россіи. Онъ обдумываетъ планъ путешествія во всѣхъ подробностяхъ и старается организовать его такъ, чтобы Гумбольдту пришлось претерпѣть по возможности меньше лишеній и неудобствъ и расположить его къ осмотру, насколько возможно большаго числа мѣстностей. Гумбольдту была ассигнована значительная сумма денегъ. Въ Берлинъ ему выслано было 1,200 червонцевъ, а по пріѣздѣ въ Петербургъ выдано на руки 20,000 руб. ассигнаціями, которые онъ впрочемъ не всѣ издержалъ, возвративъ изъ нихъ впослѣдствіи 7,000 р., ассигнованныхъ Канкринымъ по указанію самого Гумбольда на путешествіе Гельмерсена и Гофмана. Поѣздка Гумбольдта была обставлена необыкновенными удобствами. На каждой станціи его ожидало отъ пятнадцати до двадцати лошадей. Вездѣ ему приготовлялись самыя удобныя помѣщенія; гдѣ это требовала безопасность, его сопровождалъ военный конвой; ему представлялись мѣстныя власти; въ Астрахани его посѣтили всѣ офицеры мѣстнаго гарнизона и депутаты отъ армянскаго, бухарскаго, персидскаго купечества въ ихъ живописныхъ костюмахъ. Какъ извѣстно, Гумбольдтъ изложилъ результаты своего грандіознаго путешествія по Россіи (онъ проѣхалъ четырнадцать тысячъ пятьсотъ верстъ) въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи: «Центральная Азія», составляющемъ богатый вкладъ въ науку, которымъ она несомнѣнно въ значительной степени обязана содѣйствію Канкрина. Самъ Гумбольдтъ останавливался передъ издержками и, какъ видно изъ его писемъ, не рѣшился бы принять въ преклонномъ возрастѣ такое отдаленное и трудное путешествіе, если бы не поощреніе нашего министра финансовъ. Гумбольдтъ это самъ признаетъ въ слѣдующихъ прочувствованныхъ выраженіяхъ: «Вамъ я обязанъ, — пишетъ онъ Канкрину съ Урала въ 1829 г.:—что этотъ годъ вслѣдствіе огромнаго числа идей, собранныхъ мною на громадномъ пространствѣ, сдѣлался *важнѣйшимъ* въ моей жизни».

Изъ переписки Канкрина съ Гумбольдтомъ видно, съ какимъ живымъ интересомъ они оба относились къ изслѣдованію Урала и Алтая и какія чувства взаимнаго уваженія ихъ одушевляли. Оказалось, что предположенія Канкрина относительно минеральныхъ богатствъ по большей части вполнѣ оправдались, и Гумбольдтъ констатируетъ это, удивляясь прозорливости Канкрина. Оба они жалуются на истощеніе лѣсныхъ богатствъ, особенно печалится объ этомъ обстоятельствѣ Канкринъ и пишетъ: «Печаль-

ное лѣсное хозяйство побудило меня расширить Лѣсной институтъ, чтобы подготовить лѣсныхъ хозяевъ для горно-заводскихъ округовъ. Но все хорошее двигается медленно, дурное летитъ». И въ томъ же письмѣ мы находимъ слѣдующее характерное для Канкрина мѣсто: «Вы давно конечно знаете о переходѣ черезъ Балканы... Всякая катастрофа и вообще разрушеніе поражаетъ человѣка. Мы знаемъ, кто разрушилъ дельфійскій храмъ; его строитель, если не ошибаюсь, намъ не извѣстенъ». Раньше Канкринъ писалъ Гумбольдту, что война не можетъ его удержать отъ учрежденія Технологическаго института и расширенія Лѣсного. Видно, что Гумбольдтъ горячо сочувствовалъ Канкрину. По поводу пожалованнаго ему въ 1829 г. графскаго достоинства, Гумбольдтъ пишетъ изъ Сарепты: «Этотъ внѣшній блескъ будетъ напоминать потомству достопамятное время, когда подъ вашимъ руководствомъ русскіе финансы процвѣтали, не смотря на грозную войну».

При личномъ свиданіи Канкринъ подробно развилъ великому ученому свои предположенія относительно лучшаго устройства горно-заводской части въ Россіи. Онъ мечталъ о поселеніи на Уралѣ *свободныхъ* рабочихъ, снабженныхъ достаточнымъ количествомъ земли, въ качествѣ полныхъ ея *собственниковъ*. Въ архивѣ министерства финансовъ вѣроятно хранится переписка, которая велась по этому поводу между минитерствомъ и мѣстными властями. Послѣднія сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ, чтобы затормозить благую мысль Канкрина. Даже его желѣзная энергія оказалась недостаточною, чтобы пробить брешь въ каменной стѣнѣ невѣжества, предразсудковъ и своекорыстія. Устроить путешествіе Гумбольдта, выяснить громадное значеніе минеральныхъ богатствъ Россіи было легче, чѣмъ устранить условія, препятствовавшія и до сихъ поръ препятствующія вполнѣ успѣшной ихъ эксплоатаціи.

Какъ бы то ни было, мы видимъ, съ какимъ уваженіемъ относился Канкринъ къ наукѣ и ея представителямъ. Между Канкринымъ и Гумбольдтомъ установились дружественныя, сердечныя отношенія, не прекращавшіяся до самой смерти Канкрина. О сердечности этихъ отношеній можно судить и по тому факту, что супруга Канкрина, не особенно бойко владѣвшая нѣмецкимъ языкомъ, писала великому ученому письма на этомъ языкѣ. «Теперь,—отвѣчаетъ ей какъ то Гумбольдтъ:—я отъ васъ самой узналъ не безъ гордости, что не только нѣмецкіе звуки произносятся вами чисто и красиво, но что вы даже на бумагѣ

удачно справляетесь съ трудностями нашего языка». Гумбольдтъ отпраздновалъ на Уралѣ шестидесятую годовщину своего рожденія. Въ этотъ день ему поднесенъ былъ подарокъ,—роскошная сабля русскаго издѣлія отъ неизвѣстнаго лица. Гумбольдтъ догадался, что это—подарокъ Канкрина, и выразилъ ему благодарность. Вообще Гумбольдтъ не зналъ, какъ и благодарить Канкрина за его внимательное отношеніе къ нему. Канкрина же озабочивало только то, чтобы Гумбольдтъ не вздумалъ выразить Николаю Павловичу, какъ высоко онъ цѣнитъ услуги Канкрина, потому что онъ устроилъ все дѣло такъ, какъ будто путешествіе Гумбольдта по Россіи состоялось по почину самого государя: онъ даже просилъ Гумбольдта въ своихъ письмахъ къ государю никогда не упоминать о немъ. Грубый и рѣзкій Канкринъ очевидно умѣлъ при случаѣ быть скромнымъ и деликатнымъ.

VI.

Революція 30-го года.—Канкринъ и императоръ Николай Павловичъ.—Меншиковъ, Киселевъ и Канкринъ.—Страсть Канкрина къ музыкѣ, архитектурѣ и поэзіи. — Его беллетристическія произведенія. — Его строительная дѣятельность.

Французская революція 1830 г. произвела, какъ извѣстно, сильнѣйшее впечатлѣніе на императора Николая. Онъ тотчасъ же хотѣлъ приступить къ вооруженіямъ, чтобы въ союзѣ съ другими правительствами возстановить законный порядокъ во Франціи. Но вмѣшательство Россіи не состоялось, и мы узнаемъ изъ различныхъ источниковъ, что ему главнымъ образомъ воспротивился Канкринъ. Онъ въ почтительныхъ выраженіяхъ обратилъ вниманіе государя на то, что послѣ громадныхъ жертвъ на войны съ Персіей и Турціей Россія нуждается въ отдыхѣ и въ сбереженіяхъ. Соображенія Канкрина повліяли на государя, и новая война была предотвращена.

Вообще надо замѣтить, что императоръ Николай относился съ чрезвычайнымъ уваженіемъ къ Канкрину. Нельзя сказать, чтобы онъ всегда охотно подчинялся его совѣтамъ. Въ сохранившихся письменныхъ документахъ ясно видны слѣды раздраженія, съ какимъ императоръ Николай относился подчасъ къ несговорчивости Канкрина въ финансовыхъ вопросахъ. Государь былъ озабоченъ могущественнымъ положеніемъ Россіи среди европейскихъ

державъ, а это требовало значительныхъ денежныхъ жертвъ, на которыя Канкринъ по большей части не соглашался. Но въ общемъ совѣты Канкрина одерживали верхъ, конечно главнымъ образомъ потому, что результаты его дѣятельности говорили сами за себя. Еще въ царствованіе Александра I Канкринъ успѣлъ втеченіи двухъ лѣтъ поправить финансы Россіи и ко всеобщему удивленію повидимому навсегда покончить съ тѣмъ печальнымъ положеніемъ, до котораго ихъ довели прежніе министры финансовъ. Съ такимъ дѣятелемъ надо было считаться: онъ оказывался слишкомъ полезнымъ, чтобы его можно было легкомысленно устранить. Такимъ образомъ отношенія между императоромъ Николаемъ и Канкринымъ противорѣчатъ тому общему представленію, что императоръ лично руководилъ всѣми отраслями управленія и не терпѣлъ самостоятельнаго почина со стороны своихъ помощниковъ. Но Канкринъ былъ дѣйствительно единственнымъ государственнымъ дѣятелемъ николаевской эпохи, имѣвшимъ возможность вполнѣ самостоятельно руководить довѣренною ему обширною отраслью управленія. Еслибы результаты дѣятельности Канкрина не были такъ блестящи, еслибы его духъ бережливости, его геніальная даровитость не преодолѣвали многочисленныхъ и сложныхъ препятствій, съ которыми онъ встрѣчался на каждомъ шагу, еслибы войны: персидская, турецкая, польская, слѣдовавшія одна за другою черезъ двухълѣтніе промежутки, неурожаи, страшная холера хотя временно поколебали положеніе русскихъ финансовъ, то вѣроятно Канкринъ немедленно переставъ бы быть министромъ финансовъ или по крайней мѣрѣ утратилъ бы ту самостоятельность, которую онъ, единственно благодаря своей желѣзной энергіи, своему трудолюбію и своей даровитости, сохранилъ даже тогда, когда физическія силы ему видимо измѣняли. Онъ съумѣлъ сдѣлаться человѣкомъ необходимымъ, вызвать общее убѣжденіе, что безъ него Россія въ финансовомъ отношеніи погибнетъ, какъ прежде при вступленіи его въ должность думали, что Россія погибнетъ вслѣдствіе страннаго, непонятнаго назначенія его министромъ финансовъ. Уже въ 1840 г. Канкринъ просился въ отставку. Это былъ не капризъ, не кокетство, а настоятельная потребность. Шестидесяти-семи-лѣтній старикъ, всю свою жизнь работавшій до изнуренія силъ, чувствовалъ себя уже неспособнымъ съ успѣхомъ исполнять свои тяжелыя обязанности. «Ахъ, — писалъ онъ въ частномъ письмѣ отъ 25-го августа 1841 года:—почему импе-

раторъ не принялъ въ прошлую зиму настойчивой моей просьбы объ отставкѣ? Теперь я вынужденъ жертвовать послѣдними моими силами, и я охотно ими жертвую для страны, но все вѣдь имѣетъ границы». Послѣ этого письма Канкринъ еще почти три года завѣдывалъ министерствомъ. Здоровье ему рѣшительно измѣняло; онъ то и дѣло вынужденъ былъ ѣздить за-границу для возстановленія своихъ силъ. Дѣлами министерства завѣдывалъ въ его отсутствіе его помощникъ по его инструкціямъ, и тѣмъ не менѣе государь его не только не увольнялъ, но даже не вмѣшивался въ его министерство, убѣжденный, что и отсутствующій Канкринъ остается надежнымъ министромъ финансовъ. Но, какъ только Канкринъ вышелъ въ отставку, императоръ Николай уже никому не довѣрялъ: какъ остальныя отрасли управленія, онъ взялъ и финансы въ свои руки.

Мы видимъ слѣдовательно, какимъ огромнымъ вліяніемъ пользовался Канкринъ въ избранной имъ сферѣ дѣятельности. Интрига противъ Канкрина велась постоянно, иногда она ослабѣвала, иногда усиливалась, но враги Канкрина никогда не дремали. Онъ самъ очень хорошо сознавалъ опасность своего положенія, говоря, что сидитъ на «огненномъ стулѣ» русскаго министра финансовъ. Тенгоборскій, Мордвиновъ, князь Друцкой-Любецкій, князь Меншиковъ, Киселевъ — все это были недоброжелатели или прямо враги Канкрина, по разнымъ соображеніямъ и мотивамъ подкапывавшіеся подъ него. Съ другой стороны всѣ, кто нуждался въ деньгахъ и имѣлъ сильную руку при дворѣ, старались поколебать положеніе такого министра финансовъ, который безпощадно урѣзывалъ всѣ незаконные расходы. Однако всѣ эти попытки свергнуть министра ни къ чему не приводили, потому что даже при желаніи замѣнить его кѣмъ нибудь другимъ, такая попытка должна была казаться слишкомъ рискованною. Императоръ Николай видимо понималъ, что какъ ни тяжелъ и неудобенъ Канкринъ во многихъ отношеніяхъ, лучшаго министра финансовъ онъ не найдетъ. Мордвиновъ писалъ обстоятельную критику на каждую роспись министра финансовъ. Руководствуясь благими намѣреніями, но рѣдко выходя изъ области чисто-теоретической и постоянно требуя довольно рискованныхъ опытовъ на основаніи того принципа, что и «казенная копѣйка должна горѣть», онъ старался доказать, что Канкринъ управляетъ финансами не цѣлесообразно, что можно было бы достигнуть лучшихъ результатовъ. Императоръ дѣлалъ на его запискахъ над-

пись, что во всей этой критикѣ видно лишь одно «опорочиваніе министра финансовъ». Князь Друцкой-Любецкій то и дѣло доказывалъ, что финансовая система Канкрина несостоятельна, но онъ оказывался безсильнымъ замѣнить ее на практикѣ болѣе цѣлесообразною и дѣльною. Князь Меншиковъ не скупился на ѣдкія остроты по адресу Канкрина, и эти остроты переходили изъ устъ въ уста при дворѣ, въ столицѣ и по всей Россіи. Меншиковъ не щадилъ даже больного Канкрина. Встрѣчаясь на Невскомъ съ знакомыми, сообщавшими ему, что извѣстія о болѣзни Канкрина гораздо благопріятнѣе, онъ отвѣчалъ: «А до меня дошли самыя худыя вѣсти: ему, говорятъ, лучше». Гуляя по набережной Невы и видя, что матросы несутъ дрова на пароходъ, предназначенный для отъѣзда Канкрина за-границу, онъ спрашиваетъ ихъ: «къ чему эти дрова?»—«Топить пароходъ г. министра финансовъ».—«Вы бы лучше,—острилъ Меншиковъ:—затопили его, когда министръ финансовъ будетъ на немъ». Наконецъ послѣ отставки Канкрина Меншикову удалось попасть въ финансовый комитетъ вмѣстѣ съ графомъ Левашевымъ и княземъ Друцкимъ-Любецкимъ. Тутъ великій князь Михаилъ Павловичъ отплатилъ Меншикову за его остроты противъ Канкрина. «Мы размѣняли Канкрина на мелкую монету»,—замѣтилъ онъ. Но Меншиковъ не остался въ долгу. «Теперь по крайней мѣрѣ мы знаемъ,—отвѣтилъ онъ:—что стоитъ нѣмецъ въ Россіи: двухъ русскихъ и одного поляка».

Впрочемъ надо сказать, что Канкринъ самъ умѣлъ постоять за себя. Намекая на своихъ недоброжелателей, онъ однажды сказалъ: «Ругаютъ такого-то государственнаго человѣка за то, что его встрѣчаешь на всѣхъ обѣдахъ, балахъ, спектакляхъ и что у него нѣтъ времени заниматься дѣлами; а я скажу: слава Богу! Другого хвалятъ: вотъ настоящій государственный человѣкъ; нигдѣ не встрѣтишь его; цѣлый день сидитъ въ кабинетѣ и занимается дѣлами; а я скажу: избави Боже!» Подъ первымъ государственнымъ человѣкомъ Канкринъ вѣроятно подразумѣвалъ Меншикова, подъ вторымъ — Друцкого-Любецкаго. Въ государственномъ совѣтѣ онъ то и дѣло сражалъ своихъ противниковъ ѣдкими и остроумными выходками. Такъ напримѣръ, министръ юстиціи, графъ Панинъ, пожелалъ назначить ко всѣмъ начальникамъ отдѣленій помощниковъ-редакторовъ на томъ основаніи, что у начальниковъ отдѣленій не хватаетъ времени обрабатывать слогъ, да и не всѣ они хорошіе стилисты. Большинство министровъ отнеслось въ государственномъ совѣтѣ къ этому предло-

женію весьма сочувственно, думая воспользоваться имъ и для своихъ вѣдомствъ. Но Канкринъ, предвидя значительный денежный расходъ, воспротивился и ѣдко спросилъ: «Не лучше ли въ такомъ случаѣ назначить самихъ редакторовъ начальниками отдѣленій?» Послѣдовалъ общій шумный протестъ. Тогда Канкринъ сказалъ: «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Сперанскій также потребовалъ помощниковъ редакторовъ Я ему сказалъ то, что говорю и вамъ теперь. Онъ, какъ *умный* человѣкъ, согласился со мною, а вы, батушки мои, какъ себѣ хотите».

Понятно, что такими выходками Канкринъ увеличивалъ число своихъ враговъ. Но императоръ Николай по большей части держалъ сторону Канкрина. Въ концѣ концовъ онъ занялъ такое вліятельное положеніе, такъ удачно справлялся съ своими недоброжелателями и такъ успѣшно отражалъ всѣ покушенія на казенный сундукъ, что въ обществѣ, свѣтскихъ и придворныхъ кружкахъ установилось общее убѣжденіе въ невозможности добиться черезъ Канкрина какихъ либо подачекъ изъ казенныхъ денегъ. Тогда начали дѣйствовать черезъ императора. Очень характерны въ этомъ отношеніи письма Пушкина къ Афанасью Николаевичу Гончарову, дѣду его жены, Натальи Николаевны. Въ одномъ изъ нихъ онъ пишетъ:

«Осмѣлюсь повторить вамъ то, что́ я говорилъ Золотову: главное дѣло—не вооружить противъ себя Канкрина, а никакъ не вижу, какимъ образомъ вамъ безъ него обойтиться. Государь, получивъ просьбу вашу, отдастъ ее непремѣнно на разсмотрѣніе министра финансовъ; а министръ, уже разъ отказавши, захочетъ и теперь поставить на своемъ. Временное вспоможеніе (двумя или тремя стами тысячъ), хотя вещь и затруднительная, но все легче, ибо зависитъ *единственно отъ произвола* государева».

Такія попытки обойти Канкрина встрѣчались сплошь и рядомъ, но онѣ по большей части успѣха не имѣли. Канкринъ былъ неумолимъ, а государь чувствовалъ, что если будетъ вмѣшиваться въ дѣла, то потеряетъ незамѣнимаго министра, котораго, какъ выразился Кутузовъ, и за милліоны пріобрѣсти нельзя. Но подчасъ государю было трудно мириться съ неумолимостью Канкрина. Такъ, когда Киселевъ сталъ пріобрѣтать довѣріе государя и рѣшено было образовать министерство государственныхъ имуществъ, нерѣдко происходили столкновенія между государемъ и Канкринымъ. Киселевъ хотѣлъ распоряжаться совершенно безконтрольно доходами съ государственныхъ имуществъ, а Канкринъ

этого не допускалъ. Еще до образованія новаго министерства начались пререканія. Киселевъ хотѣлъ завладѣть домомъ департамента государственнаго казначейства, но Канкринъ и этому рѣшительно воспротивился, оберегая интересы своихъ недостаточно обезпеченныхъ чиновниковъ, имѣвшихъ въ этомъ домѣ казенныя квартиры. На поданной по этому поводу Канкринымъ запискѣ государь написалъ: «Заключаю, что не хотите уважить какъ мнѣ, такъ и новому моему учрежденію».

Однако въ общемъ, повторяемъ, государь уступалъ Канкрину и позволялъ ему многое, чего онъ не позволялъ ни одному изъ своихъ приближенныхъ. За громадныя услуги, оказанныя Канкринымъ нашему финансовому хозяйству, за безконечные милліоны, сбереженные имъ втеченіи его долголѣтней дѣятельности, онъ получилъ, какъ видно изъ его формулярнаго списка, два имѣнія въ аренду: одно въ Курляндіи на 50 и другое въ Кіевской губерніи на 12 лѣтъ и 30,000 десятинъ въ Бессарабіи въ потомственное владѣніе. Кромѣ того ему выдано въ разное время деньгами, независимо конечно отъ министерскаго содержанія, 440,000 руб. сер. Самъ Канкринъ въ одномъ изъ своихъ путевыхъ дневниковъ говоритъ, что онъ пріѣхалъ въ Россію бѣднымъ человѣкомъ, а «уѣзжаетъ теперь изъ нея если не богатымъ, то достаточнымъ». Но другіе приближенные Николая Павловича награждались щедрѣе, особенно если принять во вниманіе, что они не отличались такою безупречною честностью, какою отличался Канкринъ. Смѣло можно сказать однако, что ни къ кому изъ нихъ Николай Павловичъ не относился съ такимъ уваженіемъ, какъ къ Канкрину. Это уваженіе проявлялось даже въ мелочахъ. Канкринъ почти никогда не выпускалъ изо рта дешевой сигары отечественнаго производства или трубки, изъ которой онъ курилъ вакштафъ или кнастеръ. Въ интимномъ разговорѣ съ Дибичемъ, героемъ турецкой кампаніи 1829 г., онъ ему замѣтилъ, что его несчастная привычка къ табаку очень его стѣсняетъ во время докладовъ у государя. Дибичъ разсказалъ объ этомъ Николаю Павловичу, и вотъ въ первый же послѣ этого докладъ къ Канкрину выходитъ императрица Александра Федоровна съ зажженной свѣчей въ одной рукѣ и съ трубкой, набитой кнастеромъ,—въ другой и, подавая ее Канкрину, говоритъ: «Церемоніи по отношенію къ такому заслуженному государственному дѣятелю, какъ вы, неумѣстны». Съ тѣхъ поръ Канкринъ постоянно одинъ курилъ въ присутствіи Николая Павловича, который, какъ извѣстно,

самъ не курилъ и терпѣть не могъ, когда курили въ его присутствіи. Въ другой разъ, когда Канкринъ опредѣлилъ одного изъ своихъ сыновей въ Пажескій корпусъ, ему было объявлено отъ имени императора, что его сынъ принимается туда на казенный счетъ. По этому поводу сохранилось письмо Канкрина къ военному министру Чернышеву, въ которомъ значится:

«Будучи поставленъ щедротами государя императора въ возможность пещись самъ о воспитаніи моихъ дѣтей, я желалъ бы, чтобы назначенная на воспитаніе моего сына сумма была обращена для другого, болѣе нуждающагося въ таковомъ пособіи».

Это было какъ бы отвѣтомъ на поступокъ Николая Павловича. Когда сгорѣлъ Зимній дворецъ, Канкринъ, чтобы утѣшить государя и предвидя огромные расходы по отстройкѣ дворца, явился къ нему и вызвался выдать изъ государственнаго казначейства нѣсколько милліоновъ, но въ то же время просилъ поручить ему работы, такъ какъ онъ исполнитъ ихъ дешевле подрядчиковъ. Государь отклонилъ предложенныя деньги, но Канкрина назначилъ членомъ комиссіи по отстройкѣ дворца, замѣтивъ ему, что онъ не можетъ довѣрить своихъ денежныхъ интересовъ болѣе надежному человѣку.

Приведемъ еще для характеристики отношеній между Николаемъ Павловичемъ и Канкринымъ слѣдующій документъ. Больного Канкрина однажды потревожили ночью для незначительной справки будто-бы по высочайшему повелѣнію. По этому поводу государь обратился къ Канкрину съ слѣдующимъ письмомъ:

„Сегодня только узналъ я, любезный Егоръ Францовичъ, что не-хотя я былъ причиною одного обстоятельства, которое справедливымъ образомъ должно было васъ огорчить. Не видавъ васъ столь долго, лишенъ я былъ возможности условиться съ вами о намѣреніи моемъ ближе узнать порядокъ дѣлъ департамента государственныхъ имуществъ, для чего полагалъ начало года самымъ удобнымъ временемъ. Приказавъ С. С. Танѣеву увѣдомить васъ о семъ намѣреніи, мнѣ и въ мысль не приходило, чтобы для сообщенія сего стали васъ тревожить безъ всякой нужды среди ночи, тогда какъ ничто не мѣшало исполнить сіе въ обыкновенное время, но такъ какъ начальникъ отвѣчать долженъ за своихъ подчиненныхъ, то я охотно принимаю грѣхъ на себя и винюсь искренно предъ вами въ невольной винѣ. Но не менѣе того вы должны были принять сіе странное объявленіе моей воли, какъ нѣкій знакъ неудовольства моего, и это всего бы мнѣ было прискорбнѣе. Вы, надѣюсь, знаете съ давнихъ временъ мое къ вамъ уваженіе; одиннадцать лѣтъ нашихъ личныхъ сношеній обратили оное, могу сказать по истинѣ, въ искреннюю къ вамъ дружбу и благодарность, — и въ этомъ ли

расположеніи къ вамъ могъ бы я рѣшиться нанести вамъ какую либо непріятность? Надѣюсь, что вы меня довольно хорошо знаете, чтобъ къ моимъ слабостямъ и недостаткамъ не причитать гнуснѣйшаго изъ всѣхъ пороковъ — неблагодарности. Надѣюсь, что послѣ сего чистосердечнаго объясненія удалось мнѣ разсѣять въ васъ тѣнь сомнѣнія въ тѣхъ искреннихъ чувствахъ дружбы и признательности, съ которыми навсегда пребуду къ вамъ искренно доброжелательный Н.—5 января 1837».

Надо замѣтить, что это письмо относится къ тому времени, когда учреждалось министерство государственныхъ имуществъ, когда Киселевъ началъ пользоваться особеннымъ расположеніемъ государя, и вмѣстѣ съ тѣмъ у Канкрина могло зародиться сомнѣніе, что его дѣятельность не встрѣчаетъ уже прежняго сочувствія.

Между тѣмъ Канкринъ именно въ это время подготовлялся къ одной изъ серьезнѣйшихъ реформъ, къ возстановленію у насъ металлическаго обращенія, доставившему его имени наибольшую славу, хотя, какъ мы видѣли, его дѣятельность и помимо этой реформы увѣковѣчила бы навсегда его имя въ исторіи нашей государственной жизни. Однако прежде чѣмъ очертить эту знаменитую реформу Канкрина, мы должны еще отмѣтить, что, не смотря на свои трудныя и сложныя обязанности, онъ находилъ время заниматься и литературой, правда сравнительно мало, такъ какъ за все время управленія министерствомъ финансовъ онъ написалъ одинъ лишь трудъ также на нѣмецкомъ языкѣ, какъ всѣ прочія свои сочиненія. Книга эта озаглавлена: «Элементы прекраснаго въ зодчествѣ» («Die Elemente des Schönen in der Baukunst») и появилась въ Петербургѣ въ 1836 г. Самъ авторъ въ своихъ путевыхъ дневникахъ говоритъ, что книга эта не имѣла успѣха, потому что вопросъ обсуждался въ ней слишкомъ отвлеченно. Но мы замѣтимъ, что въ книгѣ разбросано очень много мѣткихъ, дѣльныхъ и подчасъ глубокихъ замѣчаній. Это наводитъ насъ на разъясненіе еще одной характеристической черты даровитой натуры Канкрина. Не смотря на небрежность въ костюмѣ, на мало изящную внѣшность, на умъ, преимущественно направленный къ удовлетворенію практическихъ требованій, не смотря даже на то, что Канкринъ почти всю свою жизнь посвятилъ безконечнымъ вычисленіямъ, разсчетамъ, онъ былъ въ то же время натурою и художественною, во всякомъ случаѣ тонко воспринималъ красоту во всѣхъ ея проявленіяхъ. Говорятъ, что онъ былъ большимъ любителемъ женской красоты и считалъ себя знатокомъ въ этомъ дѣлѣ, хотя въ то же время былъ примѣр-

нымъ семьяниномъ, любящимъ и любимымъ мужемъ и отцомъ. Кромѣ того онъ любилъ поэзію. Въ рѣдкіе часы отдыха онъ охотно бесѣдовалъ съ писателями; Жуковскій и Крыловъ часто бывали у него, хотя онъ жилъ вообще затворникомъ; бывалъ у него и Пушкинъ. Многіе литераторы служили подъ его начальствомъ. Назовемъ для примѣра князя Вяземскаго, Бенедиктова, А. К. Жуковскаго (Бернета), который, помнится, почти двадцать лѣтъ послѣ смерти Кайкрина отзывался о немъ въ бесѣдахъ со мною въ такомъ восторженномъ тонѣ, какъ будто Кайкринъ былъ живъ еще вчера. Его пристрастіе къ поэзіи доходило до того, что когда подъ старость разговоръ заходилъ объ его преемникѣ и перечислялись всевозможные кандидаты, онъ мысленно устранялъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, говоря, что они не могутъ быть хорошими министрами финансовъ, такъ какъ въ поэзіи ничего не смыслятъ. Кромѣ того мы уже видѣли, что Кайкринъ началъ свою литературную дѣятельность съ романа, писалъ театральныя рецензіи, а затѣмъ во время управленія министерствомъ писалъ и беллетристическія вещи, — повѣсти и разсказы, которые появились подъ общимъ заглавіемъ «Фантазіи слѣпого» въ Берлинѣ въ годъ смерти автора. По поводу этихъ «Фантазій» разсказываютъ, что Кайкринъ, будучи въ Берлинѣ, разговорился о нихъ съ г-жею Паальцовой, извѣстной нѣмецкой беллетристкой, романы которой имѣли тогда небывалый успѣхъ, просилъ ее прочесть, какъ онъ выразился, эти «пустячки» и высказать о нихъ свое мнѣніе. По прочтеніи «Фантазій» г-жа Паальцова, встрѣтившись съ Кайкринымъ, дипломатично воскликнула: «Теперь только я вполнѣ поняла, почему ваша жена такъ любитъ васъ!» Но этотъ приговоръ слишкомъ строгъ. «Фантазіи» Кайкрина конечно не могли имѣть такого успѣха, какъ сенсаціонные романы г-жи Паальцовой, но онѣ представляютъ несомнѣнный интересъ: много въ нихъ оригинальныхъ и глубокихъ мыслей, и кромѣ того онѣ бросаютъ довольно яркій свѣтъ на душевную жизнь такого замѣчательнаго человѣка, какимъ былъ Кайкринъ.

Его художественное настроеніе проявлялось также въ его рѣчахъ: онъ такъ и сыпалъ образами, метафорами, мѣткими сравненіями и сопоставленіями. Сухая, отвлеченная рѣчь была ему несвойственна. Въ полемикѣ онъ донималъ, сражалъ противника сарказмомъ, въ основаніи котораго лежало всегда мѣткое, образное сравненіе, иногда грубое, тривіальное, скабрёзное, но почти всегда приводившее къ желанной цѣли. Онъ въ этомъ отношеніи даже

нисколько не стѣснялся въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта и весьма часто ловкимъ сопоставленіемъ поднималъ своихъ противниковъ на смѣхъ и заставлялъ ихъ умолкнуть. Ходитъ масса анекдотовъ по этому поводу. Приведемъ здѣсь одинъ, чтобы охарактеризовать манеру Канкрина. Какъ-то Канкринъ жаловался императору Николаю въ присутствіи многихъ членовъ государственнаго совѣта на неудобства новаго наказа губернаторамъ, въ обсужденіи котораго самъ Канкринъ принималъ участіе. Государь спросилъ его, почему онъ не возражалъ противъ наказа во время его обсужденія?

— Ваше Величество, — отвѣтилъ Канкринъ: — читали такъ скоро, точно охотились за бекасами: параграфы, какъ бекасы, летѣли во всѣ стороны. Одинъ, другой подмѣтилъ и подстрѣлилъ на лету, а прочіе пролетѣли мимо.

Эта образная и мѣткая характеристика законодательныхъ работъ государственнаго совѣта конечно не увеличила число друзей Канкрина тѣмъ болѣе, что онъ иногда прибѣгалъ къ сравненіямъ, которыя выставляли его противниковъ просто въ смѣшномъ видѣ. Многія изъ его остротъ неудобны въ печати. Но великій князь Михаилъ Павловичъ весьма справедливо замѣтилъ, что Канкринъ «даже въ своей поль-де-коковщинѣ всегда остается государственнымъ человѣкомъ».

Его художественными наклонностями и эстетическимъ вкусомъ объясняется и то обстоятельство, что онъ питалъ страсть къ зодчеству. Ему видимо хотѣлось украсить русскую столицу изящными зданіями, хотя и тутъ въ немъ одновременно сказывался и практикъ, и эстетикъ. Одно стремленіе мѣшало другому, но въ то же время они придали всѣмъ его постройкамъ своеобразный характеръ. Ихъ не мало. Технологическій и Лѣсной институты носятъ одинъ и тотъ же характеръ и составляютъ монументальныя постройки, представляющія собою какъ бы цѣлыя самостоятельныя селенія, отдѣленныя отъ всѣхъ сосѣднихъ построекъ. Красота, удобство, гигіеническія соображенія, — все тутъ соединено. Зданіе биржи несомнѣнно красиво. То же можно сказать и относительно собора Смольнаго монастыря, оставленнаго недоконченнымъ знаменитымъ архитекторомъ графомъ Растрели и завершеннаго Канкринымъ. Прекрасный каменный полъ и перила у алтаря задуманы и выполнены подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Канкрина. Онъ же разбилъ скверъ у биржи, устроилъ паркъ при Петропавловской крѣпости, привелъ Петров-

скій островъ въ благоустройство, создалъ центральную физическую обсерваторію въ Петербургѣ съ ея многочисленными провинціальными отдѣленіями, задумалъ и осуществилъ заведеніе минеральныхъ водъ. Вообще онъ много заботился о красотѣ нашей столицы и объ удобствахъ ея жителей. Ему первому принадлежитъ мысль объ устройствѣ въ Петербургѣ водопроводовъ съ проведеніемъ невской воды при помощи паровыхъ двигателей на всѣ главныя площади. Эта мысль возникла у него въ то время, когда императоръ Николай задумалъ воздвигнуть московскія тріумфальныя ворота, сооруженныя также подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Канкрина. Но Канкринъ хотѣлъ сперва устроить водопроводъ, какъ предпріятіе болѣе необходимое; однако государь на это не согласился.

Не менѣе страстно любилъ Канкринъ музыку. Онъ самъ игралъ на скрипкѣ. Посѣтители Лѣтняго сада не рѣдко слышали лѣтомъ упражненія министра финансовъ, которыя онъ позволялъ себѣ въ минуты отдыха. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу въ своихъ воспоминаніяхъ сынъ одного изъ чиновниковъ Канкрина:

„Въ Лѣтнемъ то дворцѣ отецъ мой очень часто бывалъ у министра съ докладомъ въ маѣ и іюнѣ 1826 г. По окончаніи доклада Канкринъ любилъ разсуждать съ отцомъ о музыкѣ... Это доводило иногда Егора Францовича до такого увлеченія, что онъ брался за скрипку и выдѣлывалъ на ней какой-нибудь пассажъ... Дня за два до отъѣзда нашего изъ Петербурга въ Орелъ черезъ Москву Егоръ Францовичъ пригласилъ отца моего къ себѣ на вечернюю бесѣду, далъ ему много спеціальныхъ и техническихъ наставленій по предметамъ, сопряженнымъ съ его новою должностью; но не утерпѣлъ страстный музыкантъ и разыгралъ съ моимъ отцомъ какой-то дуэтъ на скрипкахъ. „Фи, батушка, любите и понимаете музыку; это мнѣ ручательство за васъ и за ваше дѣло“. Засимъ Канкринъ поцѣловался и простился съ моимъ отцомъ“.

Впослѣдствіи, когда Канкринъ усиленными трудами разстроилъ себѣ зрѣніе, онъ игралъ на скрипкѣ въ темной комнатѣ. Его тонкое музыкальное чутье нашло себѣ ясное выраженіе въ его путевыхъ дневникахъ. Приведемъ нѣсколько выдержекъ.

«Сегодня мы были на «Пуританахъ». Музыка этой оперы признается всѣми хорошей, но въ общемъ такая опера — абсурдъ... Истинно музыкальное! Большія музыкальныя творенія мнѣ иногда представляются краснорѣчивою, очень грамматическою, послѣдовательною, обработанною и риторическою рѣчью, основному смыслу которой однако не достаетъ глубокой, новой, задушевной мысли... Я не могу примириться съ серьезными операми; хорошее оперное либретто должно быть взято изъ міра сказочнаго... Вечеромъ мы

были на «Титѣ» Моцарта съ его оригинальными речитативами. Это—мощная музыка, и тутъ речитативы производятъ дѣйствительно музыкальное впечатлѣніе».

Какъ мѣтко охарактеризованы въ этихъ словахъ многія большія оперы съ ихъ напускною дѣланностью и отсутствіемъ серьезнаго музыкальнаго содержанія, какъ вѣрно замѣчаніе, что либретто всякой оперы должно быть взято изъ сказочнаго міра (въ этомъ отношеніи Канкринъ предрѣшаетъ мысль Вагнера), какъ правильно оцѣнены красоты моцартовской оперы. Словомъ, повторяемъ, у Канкрина было много эстетическаго чутья, и это соединеніе въ немъ художественныхъ наклонностей съ чрезвычайно трезвою и практическою мыслью составляетъ особенность его столь даровитой натуры.

VII.

Фальсификація денегъ.—Мѣдные рубли при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.—Четыре курса: вексельный, биржевой, податной, простонародный.—Потери народа.—Приливъ иностранной монеты.—Депозитки.—Ихъ неожиданный успѣхъ.—Возстановленіе металлическаго обращенія.

1-го іюня 1839 г. былъ обнародованъ указъ, въ которомъ значилось:

„Серебряная монета впредь будетъ считаться главною монетою обращенія.

„Ассигнаціи будутъ считаться впредь второстепенными знаками цѣнности и курсъ ихъ противъ звонкой серебряной монеты одинъ разъ навсегда остается неизмѣннымъ, считая рубль серебра въ 3 р. 50 к. ассигнаціями".

Эти немногія слова содержали въ себѣ цѣлый переворотъ въ нашемъ денежномъ обращеніи. Однимъ почеркомъ пера уничтожались послѣдствія почти семидесяти-пяти-лѣтнихъ прегрѣшеній.

Но чтобы должнымъ образомъ уяснить себѣ значеніе этого переворота, мы должны вспомнить нѣкоторые факты изъ исторіи нашего денежнаго обращенія. Радикальная мѣра, принятая Канкринымъ, означала не только возстановленіе цѣнности рубля; она кромѣ того означала пресѣченіе безчисленныхъ страданій,—источника «народнаго бѣдствія», какъ выразился самъ Канкринъ.

Склонность прибѣгать къ фальсификаціи обращающихся у насъ денегъ проявлялась давно. Первый опытъ этого рода сдѣланъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Шведская и польская войны опустошили государственную казну, и, чтобы по-

крывать государственные расходы, было изобрѣтено весьма простое средство. Въ 1656 г. отчеканена была низкопробная мѣдная монета, достоинство которой все понижалось, но ее велѣно было принимать за равноцѣнную серебряной. Къ сожалѣнію подобныя приказанія не исполняются, и вскорѣ за серебряный рубль стали требовать семнадцать мѣдныхъ рублей, а происшедшая вслѣдствіе этого дороговизна вызвала бунтъ, который пришлось усмирять вооруженною рукою. Когда правительство поняло, что слѣдовать по этому пути опасно, рѣшено было изъять мѣдныя деньги изъ обращенія и замѣнить ихъ серебряными, при чемъ однако само правительство, руководствуясь патріархальными нравами того времени, не думало принимать мѣдныя деньги по нарицательной ихъ цѣнѣ. Въ народѣ платили за серебряный рубль 17 р., а казна требовала за серебряный рубль *сто* мѣдныхъ. Конечно казна лучше знала истинную цѣнность мѣдныхъ денегъ, потому что сама ихъ отчеканила.

Второй большой опытъ,—на этотъ разъ уже хроническій,—фальсификаціи денегъ былъ произведенъ болѣе ста лѣтъ спустя, при Екатеринѣ II. Въ 1769 г. было выпущено ассигнацій на 40 милл. Онѣ прекрасно держались въ цѣнѣ, отчасти замѣнивъ собою тяжеловѣсную и неудобную мѣдную монету. Но войны потребовали новыхъ выпусковъ. Въ 1787 г. появилось въ обращеніи еще 60 милл. Хотя въ манифестѣ и было заявлено, что количество ассигнацій никогда и ни въ какомъ случаѣ не должно простираться свыше 100 милліоновъ, но уже четыре года спустя ихъ было въ обращеніи 111 милл., а черезъ новыя пять лѣтъ—150 милл. Вмѣстѣ съ тѣмъ серебряный рубль повысился въ цѣнѣ уже до 142 коп. ассигн. Военные лавры, которые стяжала Россія въ царствованіе Екатерины, вызвали большое разстройство въ денежномъ обращеніи или, какъ сказано въ одномъ изъ указовъ того времени, «учинили великія во всѣхъ цѣнахъ перемѣны». Эти «перемѣны», понятно, увеличились еще болѣе, когда наступилъ новый періодъ грандіозныхъ войнъ въ царствованіе Александра I. Количество ассигнацій превысило 800 милл. р., а цѣна ассигнаціоннаго рубля упала до 25 коп. За серебряный рубль приходилось платить четыре рубля ассигнаціями. Конечно при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ платили за серебряный рубль 100 р., но, безотносительно говоря, это положеніе дѣлъ было весьма неудовлетворительно. Пытались было помочь дѣлу заключеніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ займовъ для сокращенія количества

ассигнацій, и оно дѣйствительно было сокращено до 600 милл. Но эта мѣра пользы не принесла. Цѣнность ассигнаціоннаго рубля повысилась только на двѣ коп., потому что онъ не пользовался уже никакимъ довѣріемъ, а еще и по другой, болѣе существенной причинѣ, которую большинство экономистовъ упускаетъ изъ виду.

Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе усиленнаго выпуска ассигнацій наше денежное обращеніе лишилось твердой денежной единицы, т. е. основы измѣренія цѣнъ. Представимъ себѣ на минуту, что торговля была-бы лишена опредѣленной мѣры длины, скажемъ—аршина, т. е. что купцы могли-бы по собственному произволу опредѣлять длину аршину. Легко понять, какое-бы это вызвало разстройство во всѣхъ мѣновыхъ сдѣлкахъ. То-же можно сказать и о вѣсѣ. Даже не смотря на точно установленныя мѣры и вѣсы, злоупотребленія тутъ происходятъ безпрерывно, и понятно, что эти злоупотребленія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ невѣжественнѣе народъ, чѣмъ менѣе онъ способенъ самъ ограждать свои интересы. Вѣсы съ походцемъ составляютъ обычное явленіе въ нашей торговлѣ. Но деньги, которыми измѣряется цѣна всѣхъ товаровъ, представляютъ въ этомъ отношеніи еще больше значенія: неопредѣленная денежная единица означаетъ путаницу во всей хозяйственной жизни и подаетъ поводъ къ безконечнымъ злоупотребленіямъ, къ эксплоатаціи сильнымъ и пронырливымъ слабаго и неумѣлаго. Въ настоящее время постоянно раздаются жалобы на колебанія вексельнаго курса, т. е. на неустойчивость нашей денежной единицы въ международныхъ торговыхъ сдѣлкахъ. Между тѣмъ до Канкрина у насъ существовалъ не одинъ курсъ, а цѣлыхъ четыре: кромѣ вексельнаго курса, существовалъ еще податной и таможенный, биржевой и такъ-называемый простонародный. Всѣ эти курсы колебались и постоянно измѣнялись не только въ разные годы и мѣсяцы, но и въ разныхъ мѣстностяхъ. Такъ, въ 1837 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ платили за серебряный рубль по биржевому курсу 356 коп. асс., въ Петербургѣ—354, во Псковѣ—362, въ Вяткѣ—363 коп. Слѣдовательно биржевой курсъ уже представляетъ довольно значительное уклоненіе по мѣстностямъ, не говоря уже о томъ, что въ разные годы за рубль платили то 400 слишкомъ коп. ассигнаціями, то 347. Такъ-же сильны были и колебанія такъ-называемаго простонароднаго курса или лажа. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Ярославлѣ, въ Москвѣ надо было платить въ томъ-же 1837 г. за

серебряный рубль 420 коп. асс., въ Вяткѣ—400, во Псковѣ—380, а въ Могилевѣ и Петербургѣ 375 коп. асс. Такимъ образомъ уклоненіе между биржевымъ курсомъ и простонароднымъ составляло отъ 3 до 18%. Столь-же значительна была разница между этими двумя курсами и податнымъ или вексельнымъ. Словомъ, какое-либо твердое, устойчивое измѣреніе цѣнъ не существовало. Казна считала на ассигнаціи и требовала, чтобы всѣ сдѣлки, контракты, счета и т. п. писались и заключались на ассигнаціи. Оффиціально слѣдовательно денежною единицею признавался ассигнаціонный рубль, т. е. такая мѣра, которая постоянно то увеличивалась, то уменьшалась и притомъ не только вслѣдствіе какихъ-нибудь опредѣленныхъ экономическихъ причинъ, но и вслѣдствіе произвола частныхъ лицъ, преимущественно торговцевъ.

Въ большихъ городскихъ центрахъ это положеніе дѣлъ было чрезвычайно тягостно, но еще не такъ сильно отражалось на народныхъ интересахъ; въ провинціальной же глуши оно вело къ постоянному обману, отъ котораго страдало преимущественно сельское населеніе. Крестьянинъ продавалъ свой хлѣбъ, какъ и слѣдовало по закону, на ассигнаціи; купецъ платилъ серебромъ, причемъ по большей части руководствовался даже не простонароднымъ, а совершенно произвольнымъ курсомъ, надувая такимъ образомъ мужика. Этотъ обманъ достигъ грандіозныхъ размѣровъ и практиковался всюду. Вотъ что пишетъ по этому поводу одинъ современникъ, жившій въ Пензенской губерніи: «Простонародный курсъ никому не вредитъ такъ, какъ сельскому люду. Можно-ли вести правильные разсчеты, когда денежная единица постоянно колеблется? Если-бы всѣ разсчитывались на серебряные рубли, то нынѣшній простонародный курсъ не былъ-бы возможенъ. Но вмѣсто установленной закономъ денежной единицы въ торговлѣ водворилась денежная единица, не имѣющая ни опредѣленнаго вѣса, ни опредѣленной цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли признать рубль монетою? Нѣтъ, это — произвольная, фиктивная величина». Но не только торговцы, всѣ наниматели рабочихъ также широко пользовались неопредѣленностью денежной единицы. Канкринъ свидѣтельствуетъ, что и чиновники, гдѣ только могли, обманывали народъ.

Такимъ образомъ возстановленіе твердой денежной единицы не только составляло потребность, но было истиннымъ благодѣяніемъ. Канкринъ со дня вступленія своего въ должность министра не упускалъ этого жгучаго вопроса изъ виду. Но на пер-

вый разъ онъ не рѣшался приступить къ нему. Прежде всего ему надо было упорядочить финансы, покончить съ дефицитомъ, сдѣлать сбереженія, очистить финансовую администрацію отъ взяточниковъ и казнокрадовъ, поднять народное благосостояніе путемъ уменьшенія налоговъ и оживленія промышленности и торговли. Тѣмъ временемъ народъ сталъ самъ себѣ помогать и силился создать твердую денежную единицу. Серебряныхъ рублей было въ обращеніи слишкомъ мало. По мѣрѣ того, какъ чеканилась полновѣсная монета, она вслѣдствіе войнъ уходила за-границу; но войны прекратились, и вмѣстѣ съ тѣмъ стало наблюдаться слѣдующее явленіе. Въ народномъ обращеніи появилось очень много иностранной монеты, французской, нѣмецкой; она распространилась въ такомъ количествѣ, что сдѣлалась ходячею монетою и получила даже популярныя названія: «ефимчиковъ», «лобанчиковъ», «талеровъ со столбиками». Это чрезвычайно оригинальное явленіе объясняется обыкновенно такъ, что, благодаря стойкости, съ какою Канкринъ воздерживался отъ дальнѣйшихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, въ нашемъ народномъ обращеніи ихъ оказывалось слишкомъ мало, онѣ повысились въ цѣнѣ и восполнялись иностранною монетою. Въ такомъ смыслѣ высказался покойный Горловъ въ своемъ извѣстномъ курсѣ политической экономіи, а за нимъ—и многіе другіе экономисты. На самомъ же дѣлѣ бумажный рубль, какъ я уже отмѣтилъ, очень мало повысился въ цѣнѣ: за него платили не болѣе 27½ коп. сер. Слѣдовательно недостатка въ деньгахъ не было, не то онѣ, слѣдуя непреложному экономическому закону, повысились-бы въ цѣнѣ. Нынѣ кредитный рубль стоитъ 70, иногда даже 80 коп. металл., а иностранной монеты къ намъ изъ-за границы не приливаетъ, и въ народномъ обращеніи ея нѣтъ. Въ тридцатыхъ же годахъ она хлынула къ намъ изъ-за границы, и причина этого явленія заключается не въ недостаткѣ собственно денегъ (ихъ было слишкомъ много, и потому онѣ такъ низко стояли въ цѣнѣ), а въ отсутствіи твердой денежной единицы для платежей и торговыхъ сдѣлокъ. Народъ, какъ мы выразились, старался самъ себѣ помочь; онъ искалъ твердой денежной единицы и вмѣстѣ съ тѣмъ готовъ былъ платить за нее очень дорого. Мѣнялы, впервые тогда появившіеся у насъ въ большомъ числѣ, покупали большія партіи иностранной монеты въ увѣренности, что они найдутъ ей широкій сбытъ, потому что всякій старался заручиться звонкою монетою, чтобы

имѣть устойчивое въ своей цѣнѣ платежное средство. Это однако горю не помогло, потому что большинство разсчетовъ приходилось все-таки дѣлать на ассигнаціи, а мѣнялы, торговцы и чиновники пользовались народнымъ невѣжествомъ, чтобы произвольно колебать цѣнность и новыхъ денежныхъ единицъ, заимствованныхъ у иностранцевъ.

Но для денежной реформы, задуманной Канкринымъ, этотъ приливъ иностранной монеты въ Россію оказался весьма выгоднымъ. Предпославъ эти данныя и соображенія, мы можемъ уже ясно понять значеніе переворота, совершеннаго Канкринымъ въ нашемъ денежномъ обращеніи на пользу не только государства и торговли, но и народа.

Какъ-же принялся Канкринъ за дѣло, чтобы возстановить у насъ устойчивую денежную единицу? Въ обращеніи находилось 595 милл. р. асс., упавшихъ приблизительно до четвертой части своей нарицательной стоимости. Казна получала всѣ свои доходы также въ этой столь сильно обезцѣненной валютѣ. Самый правильный и добросовѣстный выходъ изъ этого печальнаго положенія состоялъ въ томъ, чтобы путемъ сбереженій въ бюджетѣ постепенно погасить этотъ безпроцентный долгъ, заключенный въ тяжелый періодъ большихъ внѣшнихъ войнъ. Можно было кромѣ того заключить большой процентный заемъ, чтобы изъять изъ обращенія излишекъ бумажныхъ денегъ. Оба эти средства были отчасти испытаны до Канкрина, но оба они потерпѣли неудачу вслѣдствіе разстройства нашихъ финансовъ, т. е. вслѣдствіе невозможности сдѣлать въ бюджетѣ необходимыя сбереженія или найти свободные доходы для уплаты процентовъ по большимъ внѣшнимъ займамъ. Канкринъ также призналъ эти средства негодными, потому что былъ главнымъ образомъ озабоченъ желаніемъ не обременять народа новыми налогами, но вмѣстѣ съ тѣмъ установить равновѣсіе въ бюджетѣ. Вотъ почему онъ такъ долго не приступалъ къ возстановленію нашей денежной единицы. Онъ собирался съ силами и съ свойственною ему осторожностью зондировалъ почву, чтобы, когда настанетъ время, сразу и на-вѣрняка достигнуть предположенной цѣли. Въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ сильное паденіе цѣнности нашего ассигнаціоннаго рубля казалось еще явленіемъ ненормальнымъ; въ тридцатыхъ—всѣ съ нимъ свыклись, и признаніе казны несостоятельною или, выражаясь мягче, такъ-называемая девальвація никого уже особенно поразить не могла. Кромѣ того, благодаря вышеуказанной

причинѣ, въ странѣ циркулировало очень много иностранной монеты. Въ то-же время Канкринъ значительно усилилъ добычу драгоцѣнныхъ металловъ. Въ 1823 г. у насъ добыто около 25 пудовъ золота, а въ 1842 г.—почти тысячу пудовъ. При такихъ обстоятельствахъ можно было уже приступить къ возстановленію металлическаго обращенія. Когда Канкринъ рѣшилъ произвести эту реформу, въ государственный совѣтъ внесены были пять мнѣній или записокъ, въ которыхъ указывались наиболѣе цѣлесообразныя средства для достиженія этой цѣли. Авторами ихъ были графы: Канкринъ, Сперанскій, Мордвиновъ, князь Друцкой-Любецкій и адмиралъ Грейгъ. Замѣчательно то обстоятельство, что записки Канкрина, Сперанскаго, Друцкого-Любецкаго совершенно совпадали по основному своему содержанію и что записки Мордвинова и Грейга немедленно были признаны въ практическомъ отношеніи несостоятельными. Очевидно въ этомъ вопросѣ установилось почти полное единомысліе: всѣ сознавали, что денежная реформа неизбѣжна, и въ то-же время всѣ признавали, что она можетъ быть произведена съ успѣхомъ только въ направленіи, указанномъ Канкринымъ. Записка Сперанскаго подъ заглавіемъ «О монетномъ обращеніи»,—этотъ послѣдній трудъ нашего знаменитаго государственнаго человѣка (онъ умеръ, какъ извѣстно, 11-го февраля 1839 г.), — совершенно совпадаетъ по содержанію своему съ реформою, предпринятою Канкринымъ, и такимъ образомъ эти два выдающіеся государственные дѣятели оказались полными единомышленниками и нисколько не колебались въ томъ основномъ вопросѣ, что лучше признать казну несостоятельною, чѣмъ возложить на народъ тяжелое бремя, которое было-бы вызвано превращеніемъ безпроцентнаго ассигнаціоннаго долга въ процентный внѣшній или внутренній долгъ. Сперанскій однако повидимому сомнѣвался въ возможности обойтись безъ всякаго долга; Канкринъ же рѣшилъ и этотъ вопросъ блистательно: установленіе твердой металлической денежной единицы не потребовало никакихъ новыхъ жертвъ со стороны народа. Вотъ какъ онъ принялся за дѣло.

1-го іюля 1839 г., какъ мы видѣли, появился указъ, въ силу котораго серебряный рубль признавался монетною единицею, а ассигнаціонный—второстепеннымъ знакомъ цѣнности, и курсъ послѣдняго былъ разъ навсегда установленъ въ 3 р. 50 коп. за серебряный рубль. Ровно полгода спустя въ коммерческомъ банкѣ была открыта депозитная касса, которая выдавала желающимъ

депозитные билеты или, какъ ихъ называли въ публикѣ, депозитки (Сперанскій предложилъ ихъ назвать сохранными билетами) взамѣнъ звонкой монеты. Тутъ случилось нѣчто для всѣхъ совершенно неожиданное. Передъ зданіемъ Коммерческаго банка на Большой Садовой не было проѣзда отъ громаднаго наплыва публики, осаждавшей банкъ съ мѣшками звонкой монеты въ рукахъ для обмѣна на благодатныя бумажки цвѣта надежды. Банкиры недоумѣвали и говорили, что подобная операція могла удачно совершиться только въ Россіи. Нѣкоторые современники разсказываютъ, что въ Петербургѣ и другихъ городахъ былъ распущенъ слухъ, что звонкая монета за исключеніемъ размѣнной впредь не будетъ приниматься и что всѣ разсчеты будутъ производиться только депозитками. Какъ-бы то ни было, втеченіи тринадцати мѣсяцевъ въ депозитныя кассы поступило металла на 26.666,808 руб. сер., а вытребовано было за тотъ же срокъ только на 1.536,475 руб. сер. Въ слѣдующемъ году разрѣшено было принимать золото въ слиткахъ, что увеличило металлическій фондъ еще на 12.780,144 р.

Цѣль этихъ депозитокъ была двоякая: во-первыхъ—казна запаслась значительнымъ количествомъ металла и такимъ образомъ создала размѣнный фондъ, а во-вторыхъ—сдѣланъ былъ опытъ установленія новой денежной единицы, и публика къ ней была пріучена. Депозитки распространились по всей имперіи, ходили рубль за рубль и пользовались безусловнымъ довѣріемъ. Когда въ депозитной кассѣ размѣнный фондъ достигъ 100 милл. р., онъ былъ въ первый разъ торжественно перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость и провѣренъ въ присутствіи сановниковъ и депутатовъ отъ дворянства и купечества. Этою торжественною обстановкою Канкринъ хотѣлъ убѣдить весь міръ, что отнынѣ Россія покончила съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ и возстановила у себя металлическое. 1-го іюня 1843 г. наконецъ послѣдовалъ манифестъ объ окончательномъ уничтоженіи прежнихъ ассигнацій и замѣнѣ ихъ новыми кредитными билетами, которые размѣнивались не на бумагѣ только, а на дѣлѣ по предъявленіи на звонкую монету. Можно было опасаться, что публика бросится размѣнивать бумажныя деньги на металлъ; на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не произошло, потому что Канкринъ пріучилъ публику къ новой денежной единицѣ такимъ осторожнымъ и обдуманнымъ мѣропріятіемъ, каково было учрежденіе депозитной кассы. Черезъ три года въ Петропавловской крѣпости хранилось

уже почти на 200 милл. руб. металла. Въ то время на всемъ земномъ шарѣ не было государства съ такимъ громаднымъ резервнымъ капиталомъ. Выпущено было кредитныхъ билетовъ не болѣе какъ на 300 милл. руб. Такимъ образомъ двѣ трети нашего бумажно-денежнаго обращенія были покрыты резервнымъ фондомъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, а при Канкринѣ это отношеніе было еще болѣе благопріятно, такъ какъ кредитныхъ билетовъ было выпущено всего на 200 милл., т. е. все денежное обращеніе было покрыто металломъ. Какъ только этотъ блестящій результатъ выяснился, Канкринъ не замедлилъ выдать разнымъ банкамъ 30 милл. руб. для оказанія сельскому хозяйству и вообще промышленности кредита на производительныя цѣли, опровергая этимъ установившееся мнѣніе, будто-бы онъ былъ врагомъ кредитныхъ операцій, и переставъ съ прежнею энергіею противиться сооруженію желѣзныхъ дорогъ, потому что увѣровалъ въ возможность ихъ постройки безъ заключенія пугавшихъ его громадныхъ внѣшнихъ займовъ. Накопленный благодаря его финансовому искусству резервный фондъ, не потребовавшій заключенія займовъ и не вызвавшій никакого разстройства финансовъ, лежалъ непроизводительно въ Петропавловской крѣпости. Поэтому часть его была помѣщена во французской рентѣ, въ англійскихъ консоляхъ, въ голландскихъ фондахъ. Канкрина тогда уже не было въ-живыхъ. Но вотъ что онъ оставилъ Россіи въ наслѣдство: благоустроенные финансы, твердое металлическое обращеніе, вексельный курсъ, оказывавшійся въ пользу нашего отечества. Россія была въ финансовомъ отношеніи могущественною державою, кредитъ которой нельзя было подорвать. И все это было достигнуто безъ сколько нибудь значительныхъ займовъ, почти безъ повышенія налоговъ, единственно въ силу желѣзной воли, необычайной бережливости и дарованій одного человѣка, ставившаго благо народа выше всего и умѣвшаго ему служить.

Денежная реформа завершила собою двадцати-одно-лѣтнее управленіе Канкринымъ финансами Россіи. Это былъ достойный вѣнецъ его плодотворной дѣятельности.

VIII.

Послѣдніе годы жизни Канкрина. — Его политическія, соціальныя и экономическія убѣжденія. — Овація французской академіи наукъ. — Смерть Канкрина.—Общая оцѣнка его жизни и дѣятельности.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ здоровье Канкрина такъ сильно пошатнулось, что онъ уже не могъ правильно заниматься дѣлами. Онъ неоднократно просился въ отставку, но, какъ я уже замѣтилъ, императоръ Николай не соглашался на нее. Ежегодно Канкринъ для возстановленія силъ ѣздилъ на лѣтніе мѣсяцы то въ свое имѣніе въ остзейскомъ краѣ, то за-границу на воды. Но подвижная его натура не знала отдыха. Во время своихъ заграничныхъ путешествій онъ знакомился со всѣми достопримѣчательностями, посѣщалъ музеи, театры, ученыя собранія, засѣданія парламента, суды, вступалъ въ общеніе съ учеными, писалъ путевые дневники, разсказы, наконецъ свое главное сочиненіе по политической экономіи и читалъ, читалъ безъ конца. Странное впечатлѣніе производилъ этотъ русскій министръ на лицъ, встрѣчавшихъ его за-границею. Вотъ что напримѣръ пишетъ о немъ П. М. Языковъ, возившій своего больного брата, знаменитаго поэта, за-границу и встрѣтившійся тутъ съ Канкринымъ:

„На террасѣ замка, на лавочкѣ сидѣлъ старецъ высокаго роста, нѣмецкой наружности, въ изношенномъ сюртукѣ и въ военной россійской фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ... Онъ такъ дурно одѣтъ, сюртукъ его такъ заношенъ и брюки сѣрые безъ штрипокъ такъ измараны, что не отличишь по одеждѣ отъ прочихъ нѣмцевъ... Въ серединѣ обѣда явился въ залу министръ (Канкринъ) въ длинномъ сюртукѣ, никому не поклонился, не обратилъ никакого вниманія на эрцгерцога, подошелъ прямо ко мнѣ (замѣтимъ въ поясненіе этихъ словъ, что Канкринъ отнесся такъ любезно къ П. М. Языкову, потому что тотъ занимался геологіею и былъ на родинѣ собственникомъ прекрасной геологической коллекціи). Такая странная выходка нашего министра обратила на него и на меня все вниманіе нѣмецкой публики“.

Вообще и въ Петербургѣ, гдѣ-бы Канкринъ ни появлялся, онъ обращалъ на себя общее вниманіе. Въ четыре часа по-полудни онъ аккуратно гулялъ по Невскому проспекту или въ Лѣтнемъ саду, въ теплую погоду въ форменномъ генеральскомъ сюртукѣ, иногда камлотовомъ съ заплатами, а когда бывало холодно,—въ сѣрой съ краснымъ воротникомъ шинели, надѣтой въ

оба рукава. Лицо у него было блѣдное, худощавое, а голубые глаза были вѣчно задумчивы. Впослѣдствіи, страдая глазами, онъ носилъ темныя зеленыя очки, а иногда и большой тафтяной абажуръ. Въ его походкѣ, костюмѣ, во всей его фигурѣ было нѣчто особенное, отличавшее его отъ остальной публики.

Эта оригинальность его наружности была внѣшнимъ проявленіемъ чрезвычайно оригинальнаго ума. Въ предыдущемъ мы перечислили заслуги Канкрина. Теперь мы постараемся дать читателю понятіе о внутренней жизни этого дѣятеля, о его міросозерцаніи, насколько оно выразилось въ его произведеніяхъ, отчасти только предназначенныхъ для широкой публики. Мы и тутъ воздержимся пока отъ критики и постараемся выяснить лишь умственный обликъ этого выдающагося человѣка.

Въ первомъ своемъ литературномъ произведеніи, въ романѣ «Дагоберъ», Канкринъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ задачу правительства: «Я ежедневно убѣждаюсь, что люди ошибаются, считая народное счастье цѣлью правительства; это неизбѣжно приведетъ къ деспотизму, который энергичнѣе содѣйствуетъ достиженію медленно приближающагося счастья, чѣмъ республика». «Не счастье, а усовершенствованіе людей должно служить цѣлью правительства»,—говоритъ онъ въ «Экономіи человѣческаго общества».

Самъ Канкринъ, какъ мы видѣли, полагалъ индивидуальное счастье главнымъ образомъ въ трудѣ; онъ трудился безконечно, до полнаго изнеможенія. Трудясь, онъ жилъ и безъ труда не понималъ смысла жизни. Но кромѣ того во всѣхъ его соображеніяхъ и разсужденіяхъ постоянно звучитъ пессимистическая нота: онъ плохо вѣритъ въ возможность счастья или во всякомъ случаѣ признаетъ его понятіемъ слишкомъ неопредѣленнымъ, чтобы его можно было положить въ основу законодательства и управленія. Мало того, онъ страшится послѣдствій принципа, провозглашеннаго другими мыслителями съ такою категоричностью, именно принципа, что задачею управленія должно быть возможно большее счастье возможно бо́льшаго числа людей. По его взгляду на дѣло, этотъ принципъ неизбѣжно приводитъ къ деспотизму: управляющіе хотятъ осчастливить народъ по своему и угнетаютъ его свободу, полагая, что они лучше его понимаютъ, что̀ именно ведетъ къ народному счастью. Въ мірѣ реальномъ, въ дѣйствительности понятія образованныхъ людей, правящихъ классовъ далеко не совпадаютъ съ понятіями народной массы, управляе-

мыхъ: то, что представляется счастьемъ первымъ, далеко не всегда признается счастьемъ вторыми. Поэтому когда правитель управляетъ государствомъ, руководствуясь *своими* понятіями о человѣческомъ счастьи, онъ по большей части является деспотомъ.

Исходя изъ такого общаго принципа, Канкринъ вдумчиво всматривается въ элементы, изъ которыхъ состоитъ народъ. Онъ не признаетъ его однородною массою. Народъ состоитъ изъ нѣсколькихъ общественныхъ классовъ, весьма неравныхъ по своей численности. Люди образованные и обезпеченные въ матерьяльномъ отношеніи составляютъ вездѣ ничтожное меньшинство; полуобразованная или невѣжественная, къ тому же необезпеченная, масса составляетъ подавляющее большинство. Если опасно руководствоваться понятіемъ о народномъ счастьи въ дѣлѣ управленія, то еще опаснѣе предоставлять власть тому или другому общественному классу, который конечно будетъ исходить въ законодательной и адмитистративной дѣятельности также изъ понятія о счастьи, но будетъ уже имѣть въ виду не общее счастье, а счастье своего класса. Съ этой точки зрѣнія Канкринъ отвергаетъ безотносительныя достоинства той или другой формы правленія.

«Желать патріархальную или правовую монархію, равно какъ и конституціонное правительство,—говоритъ онъ:—отвергая другія формы правленія, служитъ доказательствомъ умственной отсталости или упрямства, потому что форма правленія обусловливается возрастомъ народа и обстоятельствами... Конституціи возникаютъ съ теченіемъ времени постепенно или внезапно. Возникая постепенно, онѣ пускаютъ глубокіе корни въ народѣ и становятся устойчивыми. Но можетъ пройти много времени, пока онѣ пріобрѣтутъ такой характеръ. Англійская конституція уже давно существовала въ теоріи и на бумагѣ, прежде чѣмъ она пріобрѣла практическое значеніе... Если конституція возникаетъ внезапно, какъ послѣдствіе успѣховъ цивилизаціи или революціи, вызванной злоупотребленіями, то она часто бываетъ неустойчивой, какъ во Франціи. Если же наконецъ конституція является подражаніемъ или слѣдствіемъ политическаго соглашенія, какъ въ Германіи, то она обыкновенно остается мертвою буквою». «Во всякомъ случаѣ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ:—тамъ, гдѣ конституціонный духъ пустилъ глубокіе корни, ему противиться не слѣдуетъ. Надо по возможности имъ руководить».

Какъ же представляетъ себѣ Канкринъ это руководительство? Онъ думаетъ, что всѣ люди, которые преслѣдуютъ не личные или кастовые интересы, а общенародные, должны сплотиться и приложить всевозможныя усилія, чтобы добиться слѣдующей основ-

ной цѣли. «Задача всякаго правительства,—говоритъ онъ:—заключается въ томъ, чтобы по возможности помогать бѣднымъ, необезпеченнымъ». Въ этомъ онъ полагалъ и свою жизненную задачу, и основной смыслъ своей дѣятельности. Всякій образованный человѣкъ несетъ обязанность по возможности противодѣйствовать своекорыстнымъ интересамъ другихъ образованныхъ людей и посвящать свои силы обезпеченію благосостоянія народной массы. Только съ этой точки зрѣнія онъ оцѣниваетъ значеніе того или другого правительства.

«Все, что создано Людовикомъ XIV,—пишетъ онъ:—великолѣпно, стоило сотни милліоновъ, и не безъ основанія французы гордятся своимъ siècle Louis XIV; но прочтите безпристрастныхъ историковъ, сообщающихъ намъ о томъ, какая нищета царствовала въ народной массѣ и какъ печально было положеніе протестантовъ,—и все это великолѣпіе омрачится. Однако послѣдующія поколѣнія относятся легкомысленно къ страданіямъ прежнихъ и видятъ только то, что они создали. Такимъ образомъ человѣкъ становится пассивнымъ орудіемъ для достиженія цѣли исторіи».

Вотъ противъ этого и возстаетъ Канкринъ во многихъ своихъ писаніяхъ. Его душа видимо стремится къ тому, чтобы человѣкъ не былъ въ такой степени рабомъ окружающихъ его обстоятельствъ, чтобы онъ самъ создавалъ исторію, а не служилъ простымъ ея орудіемъ. Теоретически Канкринъ не даетъ никакихъ указаній для достиженія этой цѣли, но онъ говоритъ, что самъ всецѣло посвятилъ себя поднятію матерьяльнаго и духовнаго благосостоянія народной массы и что увѣренъ въ возможности достиженія этой цѣли, если только найдется въ данномъ народѣ значительный контингентъ лицъ того же образа мыслей. Присутствуя однажды во французской академіи на спорѣ между Дюнойе и Бланки, посвященномъ вопросу, бываютъ ли правительства лучше своихъ народовъ или наоборотъ, онъ высказываетъ слѣдующія соображенія:

«Многія правительства правда стоятъ не выше своего времени или народа, но это нельзя считать общимъ правиломъ. Къ сожалѣнію, правительства, даже когда они хотятъ, рѣдко въ состояніи значительно исправить великіе недуги, которыми страдаетъ человѣчество, а если и могутъ, то весьма медленно; и еще прискорбнѣе то, что великіе недуги общества исцѣляются почти всегда только революціей».

Какъ же относится Канкринъ къ величайшей революціи новаго времени, къ перевороту 1789 г.

«Въ началѣ,—говоритъ онъ:—молодежь была увлечена ею; люди зрѣлаго возраста не сочувствовали ей отчасти вслѣдствіе привычки къ старому, отчасти изъ предубѣжденія, отчасти также и по своекорыстнымъ мотивамъ. Послѣдствіе революціи—терроръ—смутилъ молодежь и обезкуражилъ ее, а люди зрѣлые заручились могущественнымъ аргументомъ для оказанія ей противодѣйствія. Наконецъ насиліе, произведенное Франціею надъ остальными народами, заставило ихъ возстать. Только послѣ продолжительной борьбы, послѣ событій, не имѣющихъ себѣ равныхъ въ исторіи, послѣ періода успокоенія выработалось болѣе правильное сужденіе относительно того, что было въ революціи хорошаго и что въ ней было дурного. Многіе склонны къ чрезмѣрному оптимизму. Я придерживаюсь середины".

Середины же Канкринъ придерживается потому, что, какъ онъ поясняетъ въ другомъ мѣстѣ, революція хотя и создала въ юридическомъ отношеніи условія благопріятныя для обезпеченія благосостоянія народныхъ массъ, но сама сильнѣйшимъ образомъ подорвала это благосостояніе безконечными внутренними смутами и внѣшними войнами, хотѣла осчастливить народъ по своему, не вникая въ непосредственныя его практическія потребности, и поэтому отсрочила самую существенную задачу, т. е. поднятіе уровня матерьяльнаго и духовнаго благосостоянія наименѣе образованныхъ и обезпеченныхъ классовъ населенія.

Резюмируя взглядъ Канкрина на основной вопросъ государственнаго устройства, мы видимъ, что онъ признаетъ достоинство той или другой формы правленія понятіемъ относительнымъ, но что онъ въ то же время полагаетъ основной задачей всякаго правительства борьбу со всѣми элементами, преслѣдующими своекорыстные интересы въ ущербъ народной массѣ, а обезпеченіе ея матерьяльнаго и духовнаго благосостоянія—верховнымъ закономъ правительства и его дѣятельности. Такова теоретическая точка зрѣнія Канкрина, которой онъ ни въ своихъ писаніяхъ, ни въ своей жизни не измѣнялъ: онъ былъ ей вѣренъ съ ранней молодости до послѣдняго вздоха.

При такомъ взглядѣ Канкрина на задачу государства мы поймемъ, какъ онъ долженъ былъ относиться къ соціальному вопросу. Я опять дѣлаю выписку изъ его путевого дневника:

«Утромъ я сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, но засталъ дома только г. Араго, съ которымъ имѣлъ чрезвычайно интересную бесѣду. Она коснулась злобы дня, коммунистическихъ тенденцій, стремленія рабочихъ классовъ къ соціальному равенству съ людьми болѣе богатыми и занимающими болѣе высокое положеніе, ихъ желанія допускать только договорныя отношенія безъ необходимости кланяться и уни-

жаться. Это похвальное стремленіе проявляется теперь очень часто во Франціи и Германіи, особенно въ первой... Конечно невозможно убѣдить людей, ничего не имѣющихъ, въ необходимости собственности, такъ какъ наслѣдованіе ея не основано на твердомъ естественномъ правѣ, а только на фактической цѣлесообразности, слѣдовательно на положительномъ законодательствѣ».

Въ своемъ основномъ трудѣ, въ «Экономіи человѣческаго общества», онъ поясняетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ:

«Было бы очень трудно обосновать право наслѣдственной собственности какимъ-нибудь естественнымъ правомъ, потому что въ такомъ случаѣ его можно было бы измѣнить... Часто, сидя за обѣдомъ, я съ грустью думалъ, что многіе въ этотъ часъ не имѣютъ даже куска хлѣба... Фарисей благодаритъ Бога за то, что у него больше, чѣмъ у другихъ, и успокоивается на этомъ; но у меня сердце обливается кровью: все еще существуютъ рабы, крѣпостные, ирландскіе крестьяне, англійскіе фабричные рабочіе, пролетаріи болѣе или менѣе вездѣ»...

Уяснивъ себѣ эту основную точку зрѣнія Канкрина, мы поймемъ многое, что въ его писаніяхъ и въ его дѣятельности можетъ казаться неяснымъ, противорѣчивымъ. Все, что служитъ помѣхою для достиженія основной его цѣли, т. е. для повышенія уровня матерьяльнаго и духовнаго благосостоянія народной массы, признается имъ нежелательнымъ и даже вреднымъ. Какъ умъ по-преимуществу практическій, онъ мало склоненъ увлекаться общими отвлеченными принципами. Свобода, конституціонная форма правленія, равенство, братство, судъ присяжныхъ и тому подобные лозунги его мало соблазняютъ. Разсуждая обо всѣхъ этихъ лозунгахъ, онъ прежде всего спрашиваетъ себя, — могутъ ли они оказаться плодотворными въ данное время и въ данномъ народѣ, и что они дадутъ въ смыслѣ достиженія его основной цѣли. Онъ напримѣръ подробно останавливается на такъ называемой оппозиціи. Онъ вспоминаетъ оппозицію, встрѣченную императоромъ Александромъ I со стороны цвѣта русской интеллигенціи, со стороны Державина, Карамзина и почти всего дворянства въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ. Тутъ общество служило помѣхою для осуществленія благихъ начинаній. Съ этой же точки зрѣнія практической цѣлесообразности онъ разсуждаетъ и о печати. Самъ онъ по мѣрѣ силъ и средствъ старался распространить печатное слово, основывалъ газеты и журналы, содѣйствовалъ процвѣтанію другихъ, но въ то-же время относился къ печати иногда съ раздраженіемъ и усматривалъ въ ней большую опасность вслѣдствіе ея склонности прибѣгать ко всякаго рода не-

достойнымъ объясненіямъ, искаженіямъ, извращеніямъ, клеветамъ, вымысламъ и обманамъ. По природѣ своей дѣятель глубоко честный, онъ не могъ примириться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что печать нерѣдко изъ политической предубѣжденности или даже своекорыстныхъ разсчетовъ позволяетъ себѣ искажать истину и усматривалъ въ ея дѣятельности препятствіе для достиженія основной цѣли для государства. Путешествуя за-границею и присматриваясь къ тому, что̀ дѣлалось въ Парижѣ, гдѣ органы печати весьма часто служили недостойнымъ цѣлямъ, онъ сравниваетъ печать съ «кулачнымъ правомъ» образованныхъ народовъ.

«Если — говоритъ онъ:—законодательство съ новыми истинно-либеральными и справедливыми началами, или особенныя обстоятельства, или *высшее проявленіе жизненной силы самого общества*, или вообще что либо не вызоветъ мѣръ для обузданія прессы и ослабленія послѣдствій ея дѣятельности, то она сдѣлаетъ деспотизмъ необходимымъ».

Канкринъ ищетъ въ самомъ обществѣ противодѣйствія противъ увлеченія печати, органы которой весьма часто преслѣдуютъ не общенародныя, а своекорыстныя, иногда даже чисто личныя и недостойныя цѣли. Онъ видимо мало довѣряетъ силамъ, скрывающимся въ самомъ обществѣ, и хотя апеллируетъ къ «высшему проявленію его жизненной силы», но въ то-же время требуетъ «обузданія прессы». Приблизительно таково же его отношеніе къ суду присяжныхъ. Будучи въ Парижѣ, Канкринъ дѣятельно посѣщалъ судебныя засѣданія, и вотъ къ какому выводу онъ приходитъ: «Я охотно допускаю, что не слѣдуетъ отмѣнять суда присяжныхъ въ странахъ, гдѣ онъ уже существуетъ». Но тѣмъ не менѣе ему кажется, что тамъ, гдѣ онъ еще не введенъ, его не слѣдуетъ вводить, потому что обсужденіе и рѣшеніе сложныхъ юридическихъ вопросовъ не можетъ быть довѣрено лицамъ неподготовленнымъ, а должно оставаться въ рукахъ знающихъ юристовъ. Онъ требуетъ распространенія юридическаго образованія, требуетъ независимости судей, но не допускаетъ, чтобы толпа и ея представители могли правильно рѣшать судебныя дѣла: напротивъ они будутъ осуждать невинныхъ и прощать преступниковъ.

Мы сейчасъ приступимъ къ оцѣнкѣ всѣхъ этихъ соображеній, а здѣсь отмѣтимъ только еще взглядъ Канкрина на тѣлесное наказаніе. Для малолѣтнихъ дѣтей онъ предпочитаетъ тѣлесныя наказанія лишенію свободы. Для взрослыхъ-же устанав-

ливаетъ то общее правило, что «тѣлеснымъ наказаніямъ должны подвергаться тѣ, кто самъ тѣлесно наказываетъ другихъ». Отсюда видно, съ какою горечью Канкринъ относился къ злоупотребленіямъ помѣщиковъ своею властью.

Наконецъ намъ остается еще выяснить, какъ Канкринъ примѣнялъ свой основной взглядъ къ вопросамъ экономическимъ и финансовымъ.

«Благосостояніе каждаго въ частности, а не умноженіе общаго государственнаго дохода должно быть задачею управленія. *Умѣренный достатокъ народа*, а не огромный итогъ доходовъ, при которомъ половина населенія нищенствуетъ»,—таковъ идеалъ Канкрина. «Независимое и обезпеченное существованіе составляетъ главную цѣль народа и этой цѣли должно служить и народное богатство».

Такимъ образомъ Канкринъ отвергаетъ обогащеніе казны, когда оно идетъ во вредъ обезпеченному положенію народа. Въ курсѣ, читанномъ въ 1838 г. тогдашнему наслѣднику престола, впослѣдствіи императору Александру II, онъ говоритъ:

«Основное условіе хорошаго финансоваго управленія заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать благосостоянію народа путемъ увеличенія національнаго богатства. Богатый народъ даетъ больше доходовъ; обременять бѣднаго податями все равно, что срубить дерево, чтобы снять съ него плоды». Тутъ-же мы находимъ еще слѣдующее соображеніе: «Неразумно требовать отъ податныхъ сословій слишкомъ много и во что бы то ни стало взыскивать съ нихъ недоимки. Нельзя смотрѣть на недоимки, какъ на безусловный долгъ государству, ибо, настаивая на ихъ поступленіи, правительство уничтожаетъ капиталъ, необходимый для сельскаго хозяйства».

Въ этихъ немногихъ словахъ заключается цѣлая экономическая и финансовая программа, просвѣщенный характеръ которой бросается въ глаза и которая находится въ самомъ полномъ соотвѣтствіи съ основнымъ политическимъ принципомъ Канкрина. Во всѣхъ его теоретическихъ разсужденіяхъ и практическихъ мѣропріятіяхъ осуществленіе этой программы составляетъ основную его цѣль. Главный его трудъ, его «Экономія человѣческаго общества», является не чѣмъ инымъ, какъ именно попыткою воспользоваться собственнымъ многолѣтнимъ и обширнымъ опытомъ для согласованія теоретическихъ началъ съ практическими требованіями среды, въ которой онъ дѣйствовалъ. Какой бы вопросъ онъ ни изучалъ, вездѣ забота правительства о благосостояніи народныхъ массъ составляетъ основную тему. Даже его увлеченія, его ошибки, его заблужденія (недовѣріе къ печати, суду присяжныхъ, желѣзнымъ дорогамъ, кредиту) имѣютъ все тотъ-же источ-

никъ. Можетъ напримѣръ казаться весьма страннымъ, что такой просвѣщенный дѣятель, какимъ былъ Канкринъ, прямо и даже какъ бы съ чувствомъ самодовольства упоминаетъ о томъ, что онъ противодѣйствовалъ «блестящему открытію» его времени, кредитной системѣ и банкамъ. Но, чтобы понять эту странность, надо вдуматься въ слѣдующія его слова:

«Долги, какъ государственные, такъ и частные, бываютъ полезны и обогащаютъ страну въ томъ только случаѣ, когда совершаются для предпріятій, приносящихъ большія выгоды, чѣмъ сколько нужно для ежегодной уплаты процентовъ по займу и его погашенію. Долги извинительны, когда они обусловливаются крайнею необходимостью, причемъ имѣется въ виду усиленнымъ производствомъ уплатить со временемъ весь капиталъ или по крайней мѣрѣ проценты; въ противномъ-же случаѣ долги являются истиннымъ бѣдствіемъ, если обусловливаются нуждою, и—безуміемъ и преступленіемъ, если они заключаются безъ нужды. Правительства же, прибѣгающія къ выпускамъ бумажныхъ денегъ, онъ уподобляетъ *«игрокамъ, увлекающимся азартною игрою»*.

И такъ, Канкринъ въ сущности не возстаетъ противъ кредитной системы, но онъ думаетъ, что государство имѣетъ право дѣлать долги и давать деньги взаймы только въ томъ случаѣ, если оно этимъ не разстраиваетъ своихъ финансовъ и не налагаетъ тяжелаго бремени на народъ; частныя-же лица, по его мнѣнію, должны занимать деньги только для производительныхъ цѣлей или въ случаѣ крайней необходимости. Въ то же время онъ очевидно не довѣряетъ благоразумію частныхъ людей и полагаетъ, что они очень склонны занимать деньги для цѣлей, имѣющихъ мало общаго съ нуждою или производительными затратами. Опытъ нашего отечества доказалъ, что во многихъ отношеніяхъ чувство недовѣрія Канкрина имѣло глубокое основаніе.

Точно такъ-же можетъ поражать нерасположеніе Канкрина къ желѣзнымъ дорогамъ. Но не слѣдуетъ забывать, что первый локомотивъ былъ пущенъ въ Англіи въ 1829 г., когда Канкрину стукнуло уже пятьдесятъ-пять лѣтъ; къ тому же онъ говоритъ: «Предварительно надо позаботиться о томъ, чтобы доставить народнымъ классамъ дешевый хлѣбъ, и обращать больше вниманія на земледѣліе». Онъ очень хорошо сознавалъ, какъ важно снабдить Россію въ политическомъ отношеніи сѣтью желѣзныхъ дорогъ, потому что при «медленности и трудности сообщенія невозможно успѣшно управлять этою обширною страною и установить въ ней необходимое единство». Но въ то же время его пугала мысль о томъ громадномъ капиталѣ, который при-

дется затратить для достиженія этой цѣли: въ особенности же его страшило то обстоятельство, что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ возложитъ непосильное финансовое бремя на сельскій людъ, тѣмъ болѣе, что Канкринъ сомнѣвался (и тогда эти сомнѣнія были вполнѣ понятны), что желѣзныя дороги пригодны для перевозки хлѣба и сырья и вообще громоздкихъ товаровъ.

Таковы задушевныя чувства и мысли, которыми руководствовался Канкринъ въ своей литературной и государственной дѣятельности. Его желаніе служить общему благу было такъ сильно, что, даже совершая въ послѣдніе годы своей жизни заграничныя путешествія для возстановленія своихъ надорванныхъ силъ, онъ ко всему присматривался, за всѣмъ наблюдалъ и заносилъ свои впечитлѣнія въ путевые дневники. Когда погода не благопріятствовала посѣщенію музеевъ, библіотекъ, парламентскихъ и судебныхъ засѣданій, онъ читалъ. Всякая новая книга его интересовала. Онъ читаетъ и «Путешествіе на Уралъ» Гельмерсена, и «Исторію Наполеона» Капфига, и «Іюльскую революцію» Блана, и книгу Ранке «Папы XVI и XVII столѣтій», и «Исторію англійскихъ финансовъ» Пербера, и изслѣдованіе Небеніуса о «Пониженіи процента». Относительно каждой прочитанной книги онъ дѣлаетъ остроумныя и подчасъ глубокія замѣтки въ своемъ дневникѣ. Не довольствуясь этимъ, онъ самъ пишетъ, возвращаясь къ беллетристическимъ работамъ или подводя итогъ своей финансовой дѣятельности. Какая у него была дѣятельная натура и какъ быстро онъ работалъ, видно изъ того факта, что онъ началъ писать свою «Экономію человѣческаго общества» уже послѣ того, какъ съ нимъ случился ударъ, 13-го октября 1844 г., а окончилъ ее 9-го февраля слѣдующаго года, т. е. не проработалъ надъ нею и четырехъ мѣсяцевъ. Это было уже послѣ его отставки, послѣдовавшей 1-го мая 1844 г. Именно въ началѣ этого года съ нимъ сдѣлался ударъ, сопровождавшійся злокачественною перемежающейся лихорадкою, и императору доложили, что жизнь Канкрина въ опасности. Какъ только онъ нѣсколько оправился, императоръ посѣтилъ его два раза и между ними съ глазу на глазъ произошелъ послѣдній разговоръ. Послѣ этой бесѣды государь согласился на его отставку, а лѣтомъ того-же года Канкринъ отправился снова за-границу.

Намъ остается досказать уже немного. Отмѣтимъ еще одинъ отрадный день въ жизни Канкрина. Будучи за-границею, онъ постоянно искалъ общенія съ учеными, а въ Парижѣ посѣщалъ

засѣданія академіи наукъ. Такъ и въ годъ своей смерти онъ, по обыкновенію весьма просто одѣтый, вошелъ въ залу академіи и занялъ мѣсто въ числѣ слушателей. Араго, случайно замѣтивъ его, объявилъ во всеуслышаніе объ его присутствіи и торжественно поблагодарилъ его отъ имени ученаго собранія за благородное содѣйствіе научнымъ трудамъ, расширившимъ границы человѣческаго знанія. Всѣ члены академіи почтительно встали и пригласили Канкрина занять мѣсто между ними: они приняли его въ свою среду, какъ человѣка заслуженнаго передъ наукою. Въ отвѣтъ на это Канкринъ заявилъ, что неожиданная почесть, оказанная ему людьми науки, составляетъ «высшую и сладчайшую для него награду». Въ его устахъ это не было фразою.

По возвращеніи лѣтомъ 1845 г. въ Россію (ему за-границею не жилось и, не смотря на настоятельные совѣты врачей, требовавшихъ, чтобы онъ оставался въ тепломъ климатѣ, въ самый годъ своей смерти онъ вернулся въ Петербургъ) его ожидала трогательная овація. Бывшіе его подчиненные наняли отдѣльный пароходъ, выѣхали ему на встрѣчу въ Кронштадтъ и съ музыкою проводили его въ Петербургъ. Онъ всегда былъ ихъ любимымъ начальникомъ, обращался съ ними просто и дружественно, отвергалъ всякую оффиціальщину. «Не люблю, батушка, я этой оффиціальщины,—говаривалъ онъ:—дѣло заслоняетъ и проволочку дѣлаетъ; гдѣ только можно, надо ея избѣгать». Помнили они, какъ онъ приходилъ имъ на помощь во всѣхъ невзгодахъ, какъ онъ помогалъ ихъ вдовамъ и сиротамъ, какъ онъ, когда по закону нельзя было имъ помочь изъ казенныхъ суммъ, потрясенный видомъ человѣческаго горя, нервно бросался къ своей конторкѣ, говоря: «законъ надо уважать» и давалъ пособіе или безвозвратную ссуду изъ собственныхъ средствъ.

Онъ поселился въ Павловскѣ. Истощенный лѣтами и непомѣрнымъ трудомъ организмъ его не выдержалъ первой простуды: Канкринъ заболѣлъ и умеръ въ Павловскѣ 9-го сентября 1845 г. Въ послѣдній день его жизни вѣрная его подруга и жена читала ему изслѣдованіе Коха по политической экономіи, и почти до самаго момента смерти онъ внимательно слушалъ. А незадолго передъ тѣмъ онъ писалъ:

«Втеченіи всей моей жизни, въ веселые и горестные дни, я стремился лишь къ одной цѣли: дѣлать людямъ добро, содѣйствовать успѣхамъ, заимствовать полезное, распространять знанія и цивилизацію. Тѣ, кто меня знаетъ, могутъ сказать, достигъ ли я чего-нибудь и въ какой мѣрѣ».

Всякій, знакомый съ его дѣятельностью, согласится, что онъ достигъ многаго и во всякомъ случаѣ всего, чего могъ достигнуть отдѣльный человѣкъ въ эпоху, которую Пушкинъ назвалъ «вѣкомъ желѣзнымъ».

Онъ желалъ умереть, какъ онъ самъ выражался, въ «нашей дорогой Россіи». Прахъ его покоится на Смоленскомъ кладбищѣ.

Теперь прошло почти пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти этого замѣчательнаго человѣка. Тѣмъ не менѣе не настало еще время для полной оцѣнки его дѣятельности. Но кое-что окончательно выяснилось. Намъ нечего здѣсь упоминать о личныхъ качествахъ Канкрина, о его почти геніальной даровитости, добротѣ его сердца, честности, доходившей до ригоризма (когда въ его присутствіи кто-нибудь похвалялся своею честностью, онъ замѣчалъ: «Это производитъ на меня такое впечатлѣніе, будто онъ хвастается тѣмъ, что онъ—не женщина»), о его правдивости (на предложеніе составить свою автобіографію онъ отвѣчалъ: «Я слишкомъ правдивъ, чтобы наслаждаться чувствомъ своей правдивости»), объ его желѣзной энергіи. Всѣ эти качества въ достаточной мѣрѣ выяснились даже изъ этого краткаго его жизнеописанія. Мы хотѣли бы здѣсь только сопоставить его съ другими дѣятелями его времени, чтобы окончательно выяснить его значеніе для нашей государственной жизни. Превосходилъ ли онъ своихъ сверстниковъ, своихъ товарищей, тѣхъ государственныхъ людей, которые трудились вмѣстѣ съ нимъ и, какъ онъ, заслужили общую благодарность, или же онъ имъ уступалъ? Съ кѣмъ можемъ мы его сопоставить? Намъ кажется,—только съ двумя дѣятелями: Сперанскимъ и отчасти съ Мордвиновымъ. Между Мордвиновымъ и Сперанскимъ (мы не говоримъ о результатахъ ихъ дѣятельности, а только объ ихъ настроеніи) гораздо болѣе общаго, чѣмъ между Сперанскимъ и Канкринымъ. Всѣ трое преслѣдовали одну и ту же цѣль; всѣ трое ставили благополучіе народа выше всего; всѣ трое были люди безкорыстные и государственные дѣятели въ истинномъ значеніи этого слова, потому что всѣ трое признавали благо народа верховнымъ закономъ своей дѣятельности и готовы были для него жертвовать личными выгодами. Но тѣмъ не менѣе между Сперанскимъ и Мордвиновымъ съ одной стороны и Канкринымъ съ другой—громадная разница. Первые два были по преимуществу теоретиками, Канкринъ былъ практикомъ до мозга костей,—но понятно не однимъ изъ тѣхъ

узкихъ практиковъ, которые отвергаютъ теорію; нѣтъ, Канкринъ, какъ мы видѣли, глубоко уважалъ и высоко цѣнилъ науку, опытъ другихъ народовъ и человѣчества вообще. Но въ то же время онъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ примѣняться къ даннымъ условіямъ и, какъ бы они ни были неблагопріятны, достигать всего, чего только можно было достигнуть. Именно вслѣдствіе этого свойства ума онъ сдѣлалъ въ такое трудное время такъ много для блага народнаго, между тѣмъ какъ Сперанскій и Мордвиновъ терпѣли на каждомъ шагу неудачи. Въ этомъ отношеніи Канкринъ несомнѣнно далеко оставляетъ за собою своихъ знаменитыхъ современниковъ. Глубже-же ли онъ смотрѣлъ на государственное дѣло,—это другой вопросъ, на который мы не рѣшимся отвѣтить утвердительно. Воодушевленный горячимъ, страстнымъ стремленіемъ быть полезнымъ своему второму отечеству и служить народному дѣлу, онъ самому народу не довѣрялъ. Это чувство недовѣрія было въ немъ очень сложное. Вѣрилъ ли онъ въ будущность Россіи? Безусловно. Онъ сопоставлялъ славянскіе народы съ германскими и романскими и прямо пророчилъ славянскимъ великую будущность. Въ государственномъ совѣтѣ онъ нерѣдко говорилъ своимъ противникамъ: «Вы постоянно толкуете,—что скажетъ Европа, а никогда не думаете о томъ, что скажетъ бѣдная Россія». Онъ хотѣлъ знать только то, что скажетъ Россія; этотъ вопросъ его занималъ по преимуществу, потому что въ немъ онъ видѣлъ возможность *реальнаго* успѣха. Онъ глубоко вѣрилъ въ конечный успѣхъ; онъ говорилъ, что Россія скоро доживетъ и до освобожденія крестьянъ съ землею, и до свободы торговли, и до многаго другого, но въ то же время въ немъ замѣтно было недовѣріе, и сильное недовѣріе къ практической способности русскаго народа самостоятельно устраивать свои дѣла. Быть можетъ Канкринъ самъ былъ слишкомъ большимъ практикомъ, чтобы относиться съ довѣріемъ къ практическимъ способностямъ другихъ. Отсюда его раздраженіе противъ печати, противъ тѣхъ, кто торопилъ, кто могъ компрометировать предпринятое имъ дѣло, отсюда его нерасположеніе приступать къ смѣлымъ реформамъ и устранять помочи; ему казалось, что не настало еще время, что ребенокъ еще не научился ходить самостоятельно. Въ его словахъ, въ его дѣйствіяхъ постоянно чувствуется это тайное недовѣріе не къ народу вообще, а къ практическому умѣнью его именно въ данное время. Подождемъ еще немного и вы увидите, какъ все устроится

прекрасно; но теперь пока еще рано, пока надо еще подождать. Эта основная черта его настроенія сказывается во всемъ. Любовь къ русскому народу заставляетъ его совершать истинные подвиги самоотреченія, проявлять неутомимую энергію, безконечное трудолюбіе, и въ то же время чувство недовѣрія побуждаетъ его лишать тотъ же народъ возможности придти ему дѣятельно на помощь. Вслѣдствіе того Канкринъ, поощренный достигнутыми имъ великими успѣхами, хочетъ самъ все дѣлать, разсчитываетъ лишь на собственныя свои силы, трудится за десятерыхъ, не знаетъ ни отдыха, ни покоя. Онъ совершаетъ великую подготовительную работу и, благодаря его громаднымъ дарованіямъ, эта работа даетъ несомнѣнные плоды: финансы приведены въ порядокъ, кредитъ государства обезпеченъ, бумажно-денежное хозяйство устранено, промышленность и торговля оживаютъ, возникаютъ учебныя заведенія, техническое образованіе распространяется. Но и на него иногда находятъ тяжелыя минуты раздумья. Онъ спрашиваетъ себя: а что будетъ послѣ меня? И тайный голосъ ему подсказываетъ: быть можетъ отъ всей этой кипучей работы, отъ всего этого самоотверженнаго и любовнаго труда останется немного. Это его грызетъ, это его мучитъ, и онъ не знаетъ, какъ себѣ помочь ..

Его тайныя сомнѣнія въ значительной степени оправдались: и цвѣтущіе финансы, и сбереженія, и металлическое обращеніе,— все это исчезло. Все было построено на дарованіяхъ, на энергіи, на самоотверженности одного лица, а въ такихъ дѣлахъ, какъ онъ самъ говорилъ, отдѣльное лицо немного можетъ сдѣлать. Его судъ по отношенію къ самому себѣ слишкомъ строгъ. Онъ сдѣлалъ такъ много, что безпристрастный изслѣдователь жизни Канкрина не можетъ не изумиться тому, что̀ имъ сдѣлано. И тѣмъ не менѣе онъ былъ правъ въ тайныхъ сомнѣніяхъ, иногда отравлявшихъ его жизнерадостный и плодотворный трудъ. Вотъ тутъ и проявляется разница между Сперанскимъ и Канкринымъ,— разница глубокая и заставляющая задуматься всякаго просвѣщеннаго человѣка. Канкринъ—это дѣятель, которому почти все удавалось, который на практикѣ достигалъ изумительныхъ результатовъ, и потому онъ относился сравнительно равнодушно къ учрежденіямъ; онъ больше довѣрялъ силамъ и способностямъ отдѣльнаго человѣка, чѣмъ незыблемости опредѣленныхъ порядковъ и учрежденій. Сперанскій же главнымъ образомъ вѣрилъ въ силу учрежденій. Когда онъ потерпѣлъ неудачу въ главной цѣли своей

жизни, онъ избралъ себѣ болѣе скромный удѣлъ, предоставивъ другимъ довершить то, что имъ было начато. Непосредственная же дѣятельность, направленная къ облегченію страданій русскаго народа, оказалась для него невозможною. Вѣроятно та же участь постигла бы и Канкрина, если бы онъ сознательно не ограничилъ своей сферы дѣятельности и не избралъ такой, гдѣ безъ него нельзя было обойтись, гдѣ должны были уважать его самостоятельность и гдѣ онъ въ то-же время могъ трудиться для удовлетворенія идеальныхъ потребностей своей свѣтлой души. Подводя конечный итогъ его жизни и дѣятельности, мы должны сказать, что онъ создалъ мало *прочнаго*, но тѣмъ не менѣе, не смотря на свои ошибки и заблужденія, принесъ громадную пользу. Когда рѣчь будетъ заходить о тѣхъ нашихъ государственныхъ дѣятеляхъ, которые въ тяжелое время брали на себя защиту интересовъ нашего народа, — и отдаленнѣйшее потомство не забудетъ Канкрина, этого нѣмца, не научившагося правильно говорить и писать по-русски, но горячо преданнаго русскому народу. Оно вспомнитъ, что во время отечественной войны онъ въ значительной степени облегчилъ финансовыя тягости, что онъ смѣло возвышалъ голосъ за освобожденіе крестьянъ съ землею, что онъ, будучи министромъ финансовъ, проводилъ дни и ночи надъ разсчетами, какъ бы ослабить податное бремя, что онъ, временно по крайней мѣрѣ, возстановилъ металлическое обращеніе и этимъ пресѣкъ источникъ безконечныхъ потерь для громаднаго большинства русскаго народа, преимущественно сельскаго люда, что онъ осушилъ много слезъ, предотвратилъ много горя. Оно вспомнитъ все это и причислитъ нѣмца Канкрина къ достойнѣйшимъ сынамъ Россіи, къ тѣмъ людямъ, которые въ очень трудное время не только желали, но и *сумѣли* облегчить страданія народа.

Популярно-научныя книги.

Философія Г. Спенсера въ сокращен. изложеніи *Г. Коллинса*. Пер. *П. Мокіевскаго*. Ц. 2 р.

Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге*. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц 1 р. 25 к.

Законы подражанія. *Тарда*. Ц. 1 р. 50 к

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмединген*а. Ц. 60 коп.

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмединген*а. Части 1 и 2-я Ц. каждой 50 к.

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама*. Съ 7 рис. Ц. 40 к.

Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брэма*. Со многими рис. Ц. 2 р.

Первобытные люди. *Дебьера*. Съ многими рисунками. Ц. 1 р

Фабричная гигіена. *В. В. Святловскаго*. 720 стр. и 153 рис. Ц 4 р.

Огородничество. Практическія наставленія для народн. учителей. *Шубелера*. Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Который часъ? *И. Вавилова*. Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч. часовъ Съ 13 рис. Ц. 30 к.

Психологія вниманія. Д-ра *Рибо*. 2 изд. Ц. 40 к.

Записки желудка. Перев. съ 10 анг. изд Ц. 50 к.

Физіологія души. *А. Герцена*. Ц. 1 р.

Міръ грезъ. *Д-ра Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Ручной трудъ. *Графиньи*. Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Съ 400 рис. Ц. 1р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ пер.—2 р.

Экстазы человѣка. *М. Пантеваччи*. Переводъ съ 5-го итальян. изданія Ц. 1 р. 50 к

Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич. очерки. *Д-ра Ренъяра*. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд. (60 рис.) Ц. 30 к.

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона*. 2-е изд. Съ 100 рис. Ц. 1 р.

Телефонъ и его практическія примѣненія *Майера* и *Присса*. Съ 283 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Электрическіе элементы. Соч. *Нёдде*. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

Электр. аккумуляторы. *Ренье*. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ*. Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Чудеса техники и электричества *Чиколева* 30 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева*. Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к

Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Миневрье*. 340 рис. Ц. 1 р. 50 коп.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона*. Съ 230 рис. Ц. 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье*. Съ 115 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье*. Со множествомъ рис. Ц. 2 р.

Электрическіе звонки. *Боттона*. Съ 4 рат. свѣдѣніями о воздуш. звонкахъ. 114 рис. Ц. 1 р.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина. Ц. 75 к.

Психологія великихъ людей. Проф. *Жоли*. Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса*. Пер. съ франц. *Ф. Павленкова*. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А Секки*. Перев. съ франц. *Ф. Павленкова*. 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Частная медицинская діагностика. Руководство для прак. врачей. Составилъ проф. *Да-Коста*. 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд. Ц. 2 р

Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера*. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо* Съ портретомъ автора и рис. 2-е изд. Ц. 1 р.

Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Иверсенъ*. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

Эйфелева башня. Состав. *Г. Тиссандье*. Съ 34 рисун. Ц. 50 к.

Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа. съ 3 рис. Бар. *Н. Корфа*. Ц. 10 к.

Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго*. Съ 73 рис. 2-е изд. Цѣна 60 коп.

Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Болотовскаго*. Ц. 20 к.

Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав. *М. Климa*. Пер. *Н. Корфа*. Ц. 75 к.

Гигіена семьи. *Гебера*. Ц. 50 к.

Гигіена женщины. *М. Тило*. Ц. 40 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Демонъ.** Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) **Ангелъ Смерти.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—3) **Измаилъ-Бей.** Съ 9 рис. Ц. 10 к.—4) **Хаджи-Абрекъ.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—5) **Бояринъ Орша.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—6) **Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) **Мцыри.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) **Аулъ Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) **Литвинка.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—10) **Каллы.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) **Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—12) **Корсаръ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) **Черкесы.** Съ 5 рис Ц. 2 к.—14) **Джуліо.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—15) **Казначейша.** Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) **Герой нашего времени.** Съ 23 рис Ц. 25 к.—17) **Бэла.** Съ 9 рис. Ц. 8 к.—18) **Тамань.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) **Княжна Мери.** Съ 9 рис Ц. 12 к.—20) **Фаталистъ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—21) **Призракъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) **Маскарадъ.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) **Испанцы.** Съ 5 рис Ц. 10 к.—24) **Ашикъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) **Княгиня Лиговская.** Романъ. Съ 5 рис Ц. 8 к.—26) **Люди и страсти.** Трагедія. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—27) **Странный человѣкъ.** Романтическая драма. Съ 5 рис Ц 8 к.—28) **Два брата.** Драма. Съ 5 рис Ц. 5 к —29) **Всѣ баллады и легенды.** Съ 3 рис Ц 5 к.—30) **Повѣсти изъ современной жизни.** Съ 9 рис. Ц 7 к.

Учебныя руководства и пособія.

Алгебра. *Тодхентера.* Ц. 2 р. 50 к.

Курсъ начальной механики. *И. Рыкачева.* Съ 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Практическая геометрія. *А. Заблоцкаго.* Съ 300 чертежами. Цѣна 2 р.

Курсъ метеорологіи и климатологіи. Профессора Лѣсного Института. *Д. А. Лачинова.* Съ 122 рис. и 6-ю картами. Цѣна 2 р.

Общія основы химической технологіи. *В. Свѣлезнева.* Съ 70 рисунками. Ц. 1 р. 50 к.

Полный курсъ физики. *А Гано.* Переводъ *Ф. Павленкова* и *И. Черкасова.* 8-е изд. съ 1215 рис., 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, метеорологія и краткая химія. Цѣна 4 р.

Популярная физика. *А. Гано.* Переводъ съ франц. *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Съ 604 рис. Ц. 2 р

Краткая физика. *М. Герасимова.* Съ 335 рис. и 214 задачами. Цѣна 1 р.

Популярная химія. *Н. Вальберха* и *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Съ 50 рис. Ц. 40 к.

Учебникъ химіи. *Алькмедингена* съ 96 рис. Ц. 2 р.

Общепонятная геометрія. *В. Потоцкаго.* Съ 143 фиг. Ц 40 к

Практическій курсъ физіологіи. *Бурдонъ Сандерсона.* Переводъ д-ра *Фридберга.* Въ 2-хъ томахъ, со мног. рис. 2-е изд. Ц. 3 р.

Методика ариѳметики. *С. Житкова.* Ц. 75 к.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ съ учителемъ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики". *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 40 к.

Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 25 к.

Учебникъ географіи для городскихъ училищъ. *И. Плетенева.* Съ рис. Ц. 30 к.

Начальный курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е изд., съ 10-ю раскрашенными карт. и 82 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *А. Кузнецова.* 2-е изданіе. Цѣна 1 р

Наглядная азбука. *Ф. Павленкова.* Съ 800 рис. 12-е изд. Ц 20 к

Объясненіе къ „Наглядной азбукѣ". *Ф. Павленкова.* 7-е изд. Цѣна 15 к.

Родная азбука. *Ф. Павленкова,* 8-е изд., съ 200 рис. Ц. 5 к.

Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова,* 11-е изд., 12 стр. 100 рис. Ц. 1 к.

Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова.* 1) Къ „Родному слову" Ушинскаго (400 рис.) 2) Къ „Азбукѣ Бунакова" (460 рис.) 3) Къ „Первой учебной книжкѣ" Паульсона (430 рис.). 4) Къ „Русской азбукѣ" Водовозова (470 рис.). 5) „Общія наглядно-звуковыя прописи" (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Ц. каждой книжки 8 к.

Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т. Лубенца.* 2-е допол. изд. Ц. 15 к.

Зернышко. *Т. Лубенца.* Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Со многими рис. Ц. 30 к. Вторая книга Ц. 40 к.

Руководство къ „Зернышку" *Лубенца.* Ц. 50 к.

Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к.

Церковно-славянскій букварь. *Лубенца.* Ц. 5 к

Руководство къ „Церковно-славянскому букварю". *Т. Лубенца.* Ц. 15 к.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. *Лубенца.* 11-е изд. (около 2000 задачъ и 3000 числовыхъ примѣровъ). Ц. 40 к.

Руководитель для воскресныхъ школъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 50 к.

Итоги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ. *Н. А Корфа.* Ц. 60 к.

Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ *Баронъ Н. А. Корфъ.* 15-е изд. съ 200 рис. и порт. Ц. 75 к.

Триста письменныхъ работъ. Для упражненій въ начальной школѣ. *Н. Корфа.* Ц. 15 к.

Первоначальное правописаніе. 40 диктовокъ съ указаніемъ грам. правилъ. *Корфа.* Ц. 12 к

Русскій языкъ. Иллюстрированная хрестоматія *А. Тарпѣевскаго.* (Съ 80 рис. и портретами). 4-е изд. Ц. 60 к.

Элементарная грамматика русскаго языка. *А. Чудинова.* 5-е изд. Ц. 50 к.

Начальная рус. грамматика. *Бучинскаго.* Ц. 30 к

Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Кирюкова.* 2-е изд. Ц. 20 к. „Замѣтки для учителя". Ц. 10 к.

Русское слово. *А. Павлова.* Сборникъ образцовыхъ произведеній рус. словесности. Руководство для городскихъ училищъ Ц. 1 р.

Руководство къ „Рус. слову". *Его-же.* Ц. 60 к.

Сборникъ задачъ по русскому правописанію. *Рымаревыхъ:* 1) Элементарныя свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 3) Элементъ свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к.

Сборникъ алгебр. задачъ. *Савицкаго.* Ц. 40 к.

Первое знакомство съ физикой. *М. Герасимова.* Съ 96 рис. Ц. 50 к.

Дешевый географическій атласъ. Десять раскрашен. картъ. Ц. 30 к.

Очерки новѣйшей исторіи. *Н. И. Гриворовича.* 6-е изд. Съ 57 портретами. Ц. 2 р.

Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Переводъ подъ редакціей прof. *И. Мечникова.* 2-е изд. Съ 345 рис. Ц. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 20 к. въ перепл. 1 р. 50 к.

Крат. курсъ ботаники. *Сѣязова.* 118 рис. Ц. 50 к.

Общедоступное землемѣріе. *А. Колмановскаго.* Съ 279 рисунк. въ текстѣ. Ц. 75 к

Руководство къ рисованію акварелью. *А. Лакассаня.* Съ 120 рис. и 6-ю аквар. Ц. 1 р. 50 к

БИБЛІОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1) **Ручной трудъ.** Составилъ *Грибфинъ.* Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р 50 к.—2) **Электрическіе звонки.** *Вонтона.* Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер. съ англ. и дополнилъ Д. Головъ Ц. 1 р.—3) **Руководство къ рисованію акварелью.** *А. Кассаня.* Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к.—4) и 5) **На всякій случай** *А. Альмединген.* Научныя-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціею пищевыхъ и другихъ веществъ. Двѣ части Цѣна каждой 50 коп. 6) **Домашній опредѣлитель поддѣлокъ.** *А. Альмединген.* Ц. 60 к. и проч.